

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР
Институт истории

Х. Палли

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ
СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЭСТОНИИ
(1650 - 1799)

Под редакцией чл.-корр. АН ЭССР А. Вассара
и кандидата исторических наук Э. Эпик

Институт демографии
ГУ-ВШЭ
БИБЛИОТЕКА

*А.Г. Вашичевскому
с уважением
23.12.80
Н.Рай*

Таллин
Издательство "Ээсти раамат" 1980

Оформление: Ю.Каарма

II I0604

M 90I (I6) - 80

0505040000

© Академия наук Эстонской ССР, 1980

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга о естественном движении сельского населения Эстонии в 1650 - 1790 гг. включает сложный комплекс проблем. Цель книги — выяснить характер и внутреннюю обусловленность естественного движения сельского населения Эстонии, а также различия и черты сходства с естественным движением населения других стран.

Автором были поставлены следующие задачи:

- 1) критическая обработка источников, в результате которой в научный оборот вводится значительное количество фактического материала;
- 2) разработка комплекса вопросов, связанных с естественным движением сельского населения;
- 3) сравнительный анализ полученных данных.

Характерной чертой развития современной науки является появление таких переходных и промежуточных наук, как астрофизика, физическая химия, биохимия и т. д., которые развиваются исключительно быстро и бурно. Одна из причин этого явления кроется во взаимном обогащении переходных наук методикой двух различных наук (физики и химии, химии и биологии и т. д.). При этом результаты переходных и промежуточных наук успешно используются во всех смежных науках, например в физике и химии, химии и биологии и т. д.

Сказанное относится и к общественным наукам, где также возник ряд переходных наук. Такими переходными науками являются тесно связанные между собой историческая демография и демографическая история (или история народонаселения). Первая из них занимается методикой исследования народонаселения в прошлые времена, вторая описывает конкретный ход развития населения в историческом плане.

Как все "пограничные" науки, историческая демография пользуется как методикой демографии, так и истории (особенно приемами критики источников).

Источники, используемые в исторической демографии, представляют собой богатый материал для исследователя. При обработке современными методами, они становятся главной опорой историка, изучающего историю непосредственных производителей — трудящихся.

Не зная демографической истории, трудно понять экономическую историю (включая аграрную), историческую географию, социальную историю, а также многие факты политической истории. В. И. Ленин, как известно, в своих трудах, особенно в "Развитии капитализма в России", неоднократно пользовался данными о народонаселении.¹

Не удивительно поэтому, что историки все чаще обращаются к демографической истории. Однако, если историки приступают к изучению демографических сюжетов "самостоятельно", они, не будучи знакомы со специальными приемами обработки материала, сталкиваются с рядом трудностей. По-видимому, назрела необходимость специализировать и выделить историческую демографию в особую область исторической науки.

Историческая демография, имеющая как бы двойную природу, должна давать материалы понятные и применяемые как в области демографии, так и в области истории. Первое требование не противоречит второму, так как в демографии к точности обработки материалов и ее сравнимости (включая международную) предъявляются более строгие требования, чем в исторических науках.

В. И. Козлов подчеркивает, например, что "...общество состоит из людей, связанных друг с другом сложным комплексом отношений; тем самым "народонаселение" как совокупность этих людей образует естественную базу, материальный субстрат "общества".² Демография изучает главным образом исторически изменяющийся процесс воспроизводства..." населения, "динамику их общей численности, половозрастного состава и других количественных показателей".³ Большим упущением историков следует счи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 558 — 581.

² Место демографии в системе наук. М., 1975, с. 232.

³ Там же, с. 233.

тать то, что они до сих пор мало уделяли внимания изучению изменений народонаселения. Если история сосредоточивает основное внимание на качественных изменениях, а историческая демография — на количественных, то следует иметь в виду, что количество и качество тесно связаны между собой, что новые качественные явления также находят свое место и отражение в демографии (например, в социальной структуре, в распределении населения по уровню образования). Конкретный ход исторического развития, который включает и стороны, характеризующиеся количественными показателями, имеет в исторической науке очень большое значение.

Следует отметить, что тематика исторической демографии постоянно стоит на повестке дня международных конгрессов по экономической истории, а Комиссия по исторической демографии проводит свои заседания во время международных конгрессов по историческим наукам.

Советская историческая демография и демографическая история добились больших успехов. Заложены теоретические основы исторической демографии.⁴ Появилось много работ, особенно по динамике общей численности населения⁵ и по динамике чис-

⁴ Глава "Исторические законы народонаселения". — В кн.: Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1974, с. 20 — 49, глава "Закономерности развития народонаселения при докапиталистических формациях". — В кн.: Основы теории народонаселения. М., 1973, с. 107 — 169; А в е р б у х А. С. Законы народонаселения докапиталистических формаций. М., 1967; П у л л а т Р. Н. Историческая демография в СССР (значение, место, итоги и перспективы развития). — В кн.: Проблемы исторической демографии СССР. Сборник статей. Таллин, 1977, с. 8 — 17; М е р е с т е У. И. Предмет и структура демографической науки и место исторической демографии. — Там же, с. 18 — 34. К ним примыкает и монография А. Г. Вишневецкого (Вишневецкий А. Г. Демографическая революция. М., 1976).

⁵ У р л а н и с Б. Ц. Рост населения в Европе (опыт исследования). М., 1941; Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963; Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971; В о д а р с к и й Я. Е. Население России за 400 лет (XVI —

ленности населения городов.⁶ Много сделано и в области истории колонизации.⁷ В изучении этнического состава населения советская наука занимает ведущее место в мире.⁸ Данные о социальной структуре населения приведены в большинстве исследований по экономической и социальной истории. Сделаны первые шаги в изучении воспроизводства населения.⁹

Указами 1702 и 1724 гг. в России были введены церковные метрические книги. Однако, как отмечает В. Кабузан, "...материалы метрических книг недостаточно изучены как дореволюционными, так и советскими историками и статистиками".¹⁰ Особенно это касается материалов XVIII в. Метрические книги — это богатейший архивный материал не только для исторической демографии, но и для других ветвей исторических наук. Если метрические книги использовать только для составления таблиц о рождаемости, смертности и вступлении в брак, то они найдут применение главным образом в области исторической демографии. Если же

начало XX в.). М., 1973; Водарский Я. Е. Население России в конце XVIII — начале XIX в. М., 1977; Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811 — 1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956; Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX в. Омск, 1973 и др.

⁶ Главным образом в соответствующих главах по истории городов.

⁷ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI — XVII вв. М.-Л., 1946; Преображенский А. О. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956; Кабузан В. М. Крестьянская колонизация Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII — первой половине XIX в. (1719 — 1857 гг.). — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 год. Кишинев, 1966, с. 313 — 324 и др.

⁸ Численность и расселение народов мира. М., 1962; Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969 и др.

⁹ Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.

¹⁰ Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в., с. 78.

иметь в виду комплексное использование упомянутого источника, то задача будет состоять в разработке такой методики, которая позволила бы связать материалы, полученные при обработке метрических книг, с другими видами массовых источников, особенно (если исходить из источников Эстонии) с инвентариями крестьянских хозяйств в гаковых ревизиях, а также в ревизских сказках. Не менее важно также связать более подробно обработанные материалы с менее подробно обработанными.

В настоящей работе автор вводит в исторический оборот метрические книги сельской местности Эстонии за 1650 — 1799 гг., т. е. за типично феодальный период.

К сожалению, из-за отсутствия метрических книг до XVII в. полученные материалы можно сравнить только с аналогичными данными за XIX и XX вв. Первая половина XIX в. характеризуется как кризис феодализма. Вторая половина XIX в. и начало XX в. — это период капитализма в Эстонии, а 1920 — 1940 гг. — годы существования буржуазной Эстонии. Немалый интерес для сравнения представляет изучение естественного движения сельского населения Эстонии в период феодализма в годы его кризиса, в разные стадии развития капитализма и в эпоху социализма. К сожалению, многие показатели естественного движения сельского населения в XIX и XX вв. пока неизвестны. Зато имеющиеся показатели естественного движения сельского населения Эстонии сравнимы с показателями других стран, что также немаловажно, поскольку дает возможность выяснить особенности развития народонаселения в Эстонии и в сравниваемых странах. Но и здесь встречаются немалые трудности, обусловленные тем, что многие вопросы по естественному движению населения во многих странах изучены пока частично, поэтому в настоящее время отсутствует возможность для полного их сравнения.

При изучении естественного движения сельского населения Эстонии и других стран в XVIII — XVIII вв. исследователь сталкивается с обширной проблематикой, тесно связанной с вопросами экономической и даже политической истории. Интенсивный вывоз хлеба из Прибалтики в 80-е годы и в начале 90-х годов XVIII в., Великий голод, Северная война, голод 1709 — 1710 гг. и эпиде-

мья чумы 1710 - 1711 гг. - все эти события переплетаются между собой. Со стремительным ростом населения Эстонии в XVIII в. связан целый ряд проблем: роль естественного прироста населения, изменение его показателей, механизм прироста, экономические, социальные и политические факторы, воздействующие на прирост населения и т. д. Кроме того, надо учесть, какое влияние оказывал стремительный естественный прирост населения на экономическую жизнь Эстонии.

Бурное развитие исторической демографии за рубежом началось после второй мировой войны, особенно в 1950-е гг. Это связано в первую очередь с введением метода восстановления истории семей (ВИС). Восстановление истории семей - это выяснение и систематизация демографических факторов сотен и тысяч семей с учетом важнейших демографических данных (возраст при вступлении в брак, возраст при смерти и т. д.). Метод восстановления истории семей был предложен^{II} французским демографом Л. Анри и историком-архивистом М. Флэри.¹² На основе обработанных этим методом метрик написано несколько приходских историко-демографических монографий по материалам Франции, Швейцарии, Канады, Швеции в XVII - XVIII вв. и множество статей, посвященных населению Франции, Англии, Швеции, Бельгии, Норвегии, Дании, Венгрии, Чехословакии, Германии, Японии¹³ и других стран. Принимая во внимание преимущества этого метода и возможности сравнения данных в международном масштабе, автор задался целью приспособить ВИС к источникам Эстонии XVIII в.

^{II} В 1942 году близким к предложенному Л. Анри и М. Флэри методом пользовался Х. Хурениус при изучении демографии шведов, проживавших в Эстонии в XIX в. Nyrenius, H. Estlands svenskarna. Demografiska studier. Lund, 1942.

¹² Fleury, M., Henry, L. Des registres paroissiaux à l'histoire de la population. Manuel de dépouillement et d'exploitation de l'état civil ancien. Paris, 1956.

¹³ Gautier, E., Henry, L. La population de Crulai, paroisse normande. Etude historique. Paris, 1958; Ganiage, J.

Trois villages de l'Ile-de-France au XVIIIe siècles. Etude démographique. Paris, 1963; Valmary, P. Familles paysannes au XVIIIe siècle en Bas-Quercy. Etude démographique. Paris, 1965; Lachiver, M. La population de Menlan du XVIIIe au XIXe siècle (vers 1600--1870). Etude de démographie historique. Paris, 1969; Charbonneau, H. Tourouvre-au-Perche aux XVIIe et XVIIIe siècles. Etude de démographie historique. Paris, 1970; Henry, L. Anciennes familles genevoises. Etude démographique, XVIe--XXe siècles. Paris, 1956; Burri, H.-R. Die Bevölkerung Luzerns im 18. und frühen 19. Jahrhundert, Demographie und schichtung einer Schweizer Stadt im Ancien Régime. Luzern, 1975; Henri-pin, J. La population canadienne au début du XVIIIe siècle. Paris, 1954; Winberg, Chr. Folkökning och proletarisering. Göteborg, 1975; Deniel, R., Henry, L. La population d'un village du Nord de la France Sainghin-en-Mélantois, de 1665 à 1851. -- "Population", 1965, n° 4, c. 563--595; Houdaille, J. La population de Boulay (Moselle) avant 1850. -- "Population", 1967, n° 6, c. 1055--1084; Girard, P. Aperçus de la démographie de Sotteville-les-Rouen vers la fin du XVIIIe siècle. -- "Population", 1959, n° 3, c. 485--508; Houdaille, J. Un village du Morvan. Saint-Agnan. -- "Population", 1961, n° 2, c. 301--312; Polton, J.-C. Coulommiers et Chailly-en-Brie (1557--1715), c. 14--32; Robert, P. Rumont (1720--1790), c. 32--40; Giacchetti, J.-C., Tyvaert, M. Argenteuil (1740--1790), c. 40--61; Dinet, P. Quatre paroisses du Tonnerrois, c. 62--84; Jouan, M. H. Les originalités démographiques d'un bourg artisanal normand au XVIIIe siècle: Villedieu-les-Poêles (1711--1790), c. 87--124; Lelong, J. Saint-Pierre Église (1657--1790), c. 125--135; Wiel, D. Une grosse paroisse du Cotentin aux XVIIe et XVIIIe siècles. Tamerville. -- In: Annales de démographie historique. 1969. Paris, 1970, c. 136--189; Blayo, Y. Trois paroisses d'Ille-et-Vilaine, c. 191--213; Lachiver, M. Une étude et quelques esquisses [En Touraine et en Berry], c. 215--240; Kintz, J. P. Etudes Alsaciennes, c. 261--292; Henry, L. Fécondité des mariages dans le quart sud-ouest de la France de 1720 à 1829. -- "Annales. Economies. Sociétés. Civilisations", 1972, n° 3, c. 612--640; n° 4--5, c. 977--1023; Houdaille, J. La fécondité des mariages de 1670 à 1829 dans le quart nord-est de la France. -- In: Annales de démographie historique. 1976. Paris, 1976, p. 341--391; Henry, L. Fécondité des mariages dans le quart sud-est de la France de 1670 à 1829. -- "Population", 1978, n° 4--5, p. 855--883; Henry, L., Houdaille, J. Fécondité des mariages dans le quart nord-ouest de la France de 1670 à 1829. "Population", 1973, n° 4--5, p. 873--924; Wrigley, E. A. Family Limitation in Pre-Industrial England. -- "The Economic History Review". Second series, 1966, vol. 19, No. 1, c. 82--109; Wrigley, E. A. Mortality in Pre-Industrial England. The Example of Colyton, Devon, Over Three Centuries. -- "Daedalus", 1968, vol. 97, No. 2, c. 546--580; Gaunt, D. Family Planning and the Preindustrial Society: Some Swedish Evidence. -- In: Aristocrats, Farmers, Proletarians. Essays in Swedish Demographic History. Studia Historica Upsaliensia, XLVII. Uppsala, 1973, c. 28--59; Åkerman, S. A demographic study of a pre-transitional society. -- In: Chance and change. Odense, 1978, p. 33--48.

В последнее время в советской теоретической литературе по демографии естественное движение народонаселения в докапиталистических формациях характеризуется следующим образом: "В докапиталистических формациях характерными были две особенности естественного возобновления населения:

1. Высокая рождаемость, обусловленная браками, которые охватывают по существу всех женщин в детородном возрасте; отсутствие предохранительных средств и аборт; повсеместное распространение традиции плодovitости.

2. Высокая смертность, обусловленная низким развитием производительных сил, тяжелыми условиями жизни, голодом, войнами, эпидемиями.

По мере развития производительных сил, и особенно сельскохозяйственного производства, уровень смертности постепенно снижается, что при сохранении высокой рождаемости приводит к увеличению естественного прироста населения".¹⁴ Характеризуя более подробно феодализм, Д. И. Валентей и В. И. Козлов пишут:

Deprez, P. Demographic Development of Flanders in the Eighteenth Century. -- In: Population in History, 1965, с. 608--630; Vanderbroeke, C. Caracteristiques de la nuptialité et de la fécondité en Flandre et au Brabant aux XVII--XIX siècles. -- In: Annales de démographie historique, 1977. Paris, 1977, p. 7--20. Dyrvik, S. Historical Demography in Norway 1660--1801; A short survey. -- "The Scandinavian Economic History Review", 1972, vol. XX, No. 1, с. 27--44; Thestrup, P. Methodological Problems of a Family Reconstitution Study in a Danish Rural Parish before 1800. -- "The Scandinavian Economic History Review", 1972, vol. XX, No. 1, с. 1--26; Thestrup, P. Household structure on the island of Tåsinge. An example of application of the family reconstitution method as a control when utilizing a tax list. -- In: Chance and change, Odense, 1978, p. 13--22; Andorka, R. Un exemple de faible fécondité légitime dans une région de la Hongrie. -- In: Annales de démographie historique, 1972. Paris -- La Haye, 1972, с. 25--53; Horska, P. Historický vývoj plodnosti v českých zemích. -- In: Historická demografie, 6. Praha, 1972, с. 3--39; Imhof, A. E. Structure of reproduction in a West-German village 1690--1900. In: Chance and change. Odense, 1978, p. 23--32. Hayami, A. Demographic Aspects of a Village in Tokugawa Japan. -- In: Population and Economics. Winnipeg, 1970, с. 109--125.

¹⁴ Марксистско-ленинская теория народонаселения, с. 32.

"Высокая рождаемость, характерная для этого периода, ...определялась, главным образом, ранними браками и очень высоким процентом женщин, состоящих в браке.

Уровень смертности в феодальную эпоху колебался в широких пределах, но в целом продолжал оставаться довольно высоким".¹⁵

Итак, главным критерием при определении закономерностей народонаселения докапиталистических формаций в советской теоретической литературе по демографии считаются явления воспроизводства населения, процессы, в основе которых лежат показатели плодovitости и повозрастной смертности.

По сравнению с естественным движением населения в странах современной Европы как рождаемость, так и смертность в XVII--XVIII вв. были в 2--3 раза выше. Тем не менее, рождаемость в тот период разделялась как бы на три типа: сравнительно низкая рождаемость (ниже 35%) и соответствующая ей малая плодovitость замужних женщин, часто сочетающаяся со сравнительно высоким возрастом вступления в брак женщин (свыше 25 лет); средняя рождаемость (35--45%) и плодovitость, средний возраст вступления в брак женщин (20--25 лет); высокая рождаемость (более 45%) и плодovitость и очень высокая смертность грудных детей, низкий возраст (до 20 лет) вступления в брак женщин. Смертность в то время по группам рождаемости значительно колебалась, но, как правило, за исключением катастрофических случаев (голода, эпидемий, войн), в третьей группе она значительно выше.

Данная монография восполняет серьезный пробел в демографической истории Эстонии. Как известно, до настоящего времени не было общего обзора естественного движения населения Эстонии, не было также и обзора внутренних механизмов этого процесса. Незнание демографических основ изменения народонаселения серьезно затрудняет понимание и выяснение вопросов экономической истории Эстонии, порой даже некоторых факторов политической истории. Следует отметить, что настоящее издание -- это первый труд в

¹⁵ Основы теории народонаселения, с. 137.

СССР, посвященный естественному движению народонаселения в XVII и XVIII вв. Много внимания уделяется в нем историко-сравнительному изучению естественного движения сельского населения в Эстонии и других странах.

Из сказанного видно, насколько актуальным, исходя из теоретических соображений, является выяснение типа воспроизводства населения в феодальной Эстонии.

При обработке материала автор встретился с рядом трудностей. Во-первых, отсутствовали выполненные по стандартным требованиям исследования возрастной структуры, структуры населения крестьянских дворов (домохозяйств) и семейного состояния народонаселения того периода. Во-вторых, частично или полностью отсутствовали приемы критики источников. В-третьих, многие методы обработки материала пришлось выработать "на ходу". Поэтому описание методики занимает значительную часть первой главы.

С одной стороны, демографические явления имеют дело с человеком как с биологическим видом (человек рождается и он смертен, воспроизводство человека имеет определенные биологические границы и особенности), а с другой — как с общественным, социальным явлением. Эти особенности следует учитывать в исторической демографии. Поэтому обнаружение аналогичных показателей в других странах имеет большое значение. Многие демографические показатели тесно связаны друг с другом и знание одного или нескольких из них позволяет делать выводы об остальных с высокой степенью вероятности.

В Эстонии в XVII — XVIII вв. насчитывалось 102 сельских прихода. Метрические книги (включая отрывочно заполненные за отрезок времени от 1660-го до 1710-го г. сохранились в 31 приходе, за 1711 — 1799 гг. — в 70 приходах. Расчеты показывают, что данных, взятых из 11 случайно выбранных приходов, более или менее достаточно для характеристики процессов по всей стране.¹⁶ При вероятности 0,90 отклонение средней не превыша-

¹⁶ По формуле $\frac{t^2 \sigma^2 N}{n \Delta^2 + t^2 \sigma^2}$, полагая, что $t = 1,65$ (или

ет 3%. Это — довольно высокая степень точности. На самом деле такие условия, как наличие метрических книг в приходах одних районов и отсутствие или недостаточное количество их в других, и т. п., повышает отклонение от средней.

Имеется еще несколько возможных вариантов подхода. Можно поставить, например, проблему следующим образом: в приходах с населением примерно в 50 тыс. человек рождалось в среднем по 2000 детей в год. Какова рождаемость по всей стране с населением примерно в 400 000 человек?

Метрические книги разных приходов обработаны по-разному.

Наибольшее количество информации приведено по приходам, по которым проводилась операция восстановления истории семей (ВИС). Такими приходами являются Руге (1661 — 1696 гг.) и Карузе (1685 — 1800 гг.).

ВИС — очень трудоемкая операция. Ее целесообразно применять при обработке данных тех приходов, в которых имеются данные за более продолжительные отрезки времени. К качеству регистрации также предъявляются повышенные требования. Однако изъяны в регистрации смертных случаев не мешают выяснению плодовитости, а изъяны в отметках места жительства влияют только на изучение миграции.

ВИС — единственный способ, позволяющий применять когортный метод изучения демографических явлений в прошлые века. Когортный метод в последнее время все шире применяется советскими демографами.¹⁷ Применение ВИС в данной работе расширяет воз-

$F(t) = 0,90$, $b^2 = 40$, $n = 102$, $\Delta = 3$, получим 11 (формула взята из кн.: Венецкий И. Г., Кильдишев Г. С. Основы математической статистики. М., 1963, с. 131).

¹⁷ С и ф м а н Р. И. Динамика плодовитости когорт женщин в СССР (по данным выборочного обследования). — В кн.: Вопросы демографии (исследования, проблемы, методы). М., 1970, с. 136 — 159; Д а р с к и й Л. Е. Формирование семьи. Демографо-статистическое исследование. М., 1972; Б о л ь ш а к о в а Б. Совершенствование методики регионального демографического анализа. — В кн.: Демографический анализ рождаемости. М., 1974, с. 20 — 29; Сборник переводных статей "Демография поколений". М., 1972.

возможности сравнительно-демографического изучения наиболее важных демографических процессов на основе единой методики.

По приходам Ругте и Карузе проведена монографическая обработка материала, позволившая получить всестороннюю картину народонаселения прихода, его развития и изменения за более или менее длительный период (в данном случае от 35 до 130 лет).

При монографической обработке материала наиболее полно используется фактический материал. В. И. Ленин писал: "...факты, если взять их в целом, в их связи, не только "упрямая", но и безусловно доказательная вещь".¹⁸ Он же указывал, что "...необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения...".¹⁹

Монографическая обработка — один из наиболее эффективных способов получения демографической информации. Но здесь возникает следующий вопрос: можно ли распространить полученные таким образом данные на все население Эстонии? В связи с тем, что полученная информация охватывает разные стороны демографического развития, одни данные могут быть характерны также и для других приходов Эстонии, другие — только для некоторых, а третьи — только для данного прихода.

Общая плодовитость (фертильность), как правило, тесно связана с плодовитостью по возрастным группам. Если доля внебрачных детей незначительна, то можно сказать, что общая плодовитость и брачная плодовитость по возрастным группам находятся в высокой корреляции. С общей плодовитостью и плодовитостью по возрастным группам связана и средняя рождаемость за 10 — 20 лет.

Структура населения крестьянского двора находится в какой-то мере в соотношении с количеством жителей двора, так что по среднему количеству жителей двора можно сделать и некоторые выводы о структуре его населения.

Примерно по 20 приходам была проведена расширенная обра-

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

¹⁹ Там же, с. 351.

ботка материала: вычислены сезонные колебания, выделены эстонские и немецкие секции, дана динамика естественного движения населения по годам урожая, новорожденные и умершие выделены и по полу. По этой же группе выделены внебрачные дети, двойни и т. д.

По остальным же приходам даны лишь общие данные о естественном движении народонаселения по годам, а также по пятилетним интервалам, если представлялась такая возможность.

Историческая демография пользуется методикой обычной, текущей демографии в случаях, когда это возможно и целесообразно. Эта методика описывалась неоднократно.²⁰ Поэтому в дальнейшем эти труды специально не указываются и в главе о методике их основные положения не рассматриваются. Специфическая методика исторической демографии описывается в двух пособиях, вышедших на французском языке и в одном — на английском.²¹ В связи с тем, что эта методика изучена еще недостаточно, некоторые основные ее требования рассматриваются в главе о методике. Из-за ряда особенностей источников Эстонии многие методические приемы пришлось разрабатывать заново, поэтому им уделено много внимания и посвящено большинство страниц вводной части.

²⁰ Курс демографии. Под редакцией проф. А. Я. Боярского. М., 1974; Венецкий И. Г. Математические методы в демографии. М., 1971; Пресса Р. Народонаселение и его изучение. (Демографический анализ.) М., 1966. Венецкий И. Г. Статистические методы в демографии. М., 1977. 208 с. Кроме этих трудов, много приемов обработки можно найти и в общих трудах по статистике. Например: Урланис Б. Ц. Общая теория статистики. М., 1973.

²¹ Fleury, M., Henry, L. Nouveau manuel de dépouillement et d'exploitation de l'état civil ancien. Paris, 1965 (второе издание, Paris, 1976). Henry, L. Manuel de démographie historique. Genève-Paris, 1967; Everstley, D. E. C., Laslett, P., Wrigley, E. A. An Introduction to English Historical Demography. From the Sixteenth to the Nineteenth Century. London, 1966.

Естественное движение народонаселения Эстонии во второй половине ХУП в. и в ХУШ в. изучено крайне слабо. Поэтому одной из задач данной книги наряду с определением общего типа воспроизводства народонаселения Эстонии (о чем говорилось выше) является выяснение некоторых черт и конкретного хода этого процесса, причем основное внимание уделяется внутреннему механизму процесса. Более полная картина получается, конечно, на основе материалов тех приходов, по которым завершено ВИС. Полученные результаты автор связал с данными других приходов.

Разные приходы в Эстонии в той или иной мере отличаются друг от друга. Отличаются в какой-то мере и демографические процессы, протекающие в них. Выяснение этих различий затруднено в связи с тем, что для критики источников требуется ВИС, а также наличие других источников (ревизских сказок или персональных книг). Наличие же благоприятных условий — довольно редкое явление для рассматриваемого периода, а реализация этих условий, т. е. их монографическая обработка, — дело очень трудоемкое.

Другими словами, подробное освещение естественного движения сельского населения в Эстонии как по отдельным приходам, так и по отдельным регионам — дело будущего. В настоящей работе даны лишь общие рамки и общие контуры этих процессов, а также выяснены некоторые основные различия между приходами и регионами Эстонии.

Рассматриваемый отрезок времени разделен на два периода: 1650 — 1711 гг. и 1712 — 1799 гг. Эпидемия чумы (1710 — 1711), которой заканчивается первый период, создала новую демографическую ситуацию. Второй период, охватывающий 1712 — 1799 гг., а особенно 1712 — 1782 гг., характеризуется быстрым ростом народонаселения.

- * -

Автор выражает глубокую благодарность всем лицам, оказавшим ему помощь в работе над данным исследованием.

Особенно признателен автор С. Клаас, М. Арикк и А. Лнугас, которые помогали при сборе и обработке материала, сотруднику

Института кибернетики АН ЭССР Х. Тийтсу за составление программы обработки демографических данных, Институту кибернетики АН ЭССР за обработку данных по приходу Карузе на ЭВМ, профессору А. Л. Шапиро, доктору исторических наук В. М. Кабузану, Б. Н. Миронову, Я. Е. Водарскому и ст. сотруднику Института экономики АН ЭССР В. Кауфману за прочтение рукописи и за полезные советы.

Автор благодарит работников ЦГИА ЭССР, Таллинского городского архива и ЦГАДА СССР за помощь при сборе материалов из этих архивов, сотрудников сектора феодализма Института истории АН ЭССР за обсуждение рукописи и деловые замечания, В. Семенову за первоначальное и М. Кох за окончательное редактирование.

Г Л А В А I

ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДИКА

Источники

Общих сведений с конца ХУП — начала ХУШ вв. о численности народонаселения, о его естественном и механическом движении нет. Их отсутствие затрудняет работу в области исторической демографии данного периода.

Несмотря на то, что в источниках отсутствуют сводные данные по народонаселению, именно со второй половины ХУП в. само разнообразие источников по сравнению с предыдущими периодами создало хорошие предпосылки для изучения естественного движения сельского населения Эстонии.

Перечень жителей крестьянских дворов имеется лишь в метрике прихода Вяндра.¹ В приходе Карузе, Лихула, Ханила и Мартна по некоторым мызам в так называемых инквизиционных книгах приведены более подробные данные о населении крестьянских дворов. То же самое относится и ко многим мызам Вирусского уезда.

С 1601 года имеются записи о похоронах в метрической книге прихода Олевисте (г. Таллин). Во второй половине того же века церковных метрических книг стало больше, хотя только с конца 80-х и 90-х годов ХУП столетия стали вестись записи в

большинстве дошедших до нас метрик.²

К сожалению, в большинстве сохранившихся церковных метрик имеются записи только от нескольких до двадцати лет, а иногда лишь отрывочные записи, охватывающие несколько месяцев. Во многих метриках встречаются пробелы.

В сохранившихся метриках от записей, охватывающих наиболее длительные промежутки времени, отличаются метрики сельских приходов Рьуге (1661 — 1696 гг.),³ Пылтсамаа (1663 — 1703 гг.)⁴ и Ноароотси (60-е годы ХУП в. — 1710 г.),⁵ а также метрики городских приходов.

Недостатком этих метрик является то, что почти все они обрываются в годы Северной войны (в некоторых случаях уже в первые годы войны, а в некоторых — в 1709 — 1710 гг., т. е. в годы военной разрухи и чумы).

В церковных метрических книгах большинства приходов производились записи о крещениях, похоронах и венчаниях. Только в некоторых метриках той или иной вид записей отсутствует. Кроме упомянутых записей, имеются списки причащавшихся (например, в Рьуге по мызам, хуторам и семьям), а в Вяндра — даже списки прихожан.⁶

² До наших дней сохранились метрические книги 39 приходов Эстонии за 1650 — 1711 гг. В ЦГИА ЭССР хранятся метрики следующих приходов: Ридала, Кихельконна, Вальяла, Каарма, Сууре-Яани, Тарвасту, Пылтсамаа, Пярну-Элизабети, Пярну-Якоби, Сангасте-Лаатре, Халлисте, Кярла, Вяндра, Ноароотси, Михкли, Виру-Яагупи, Харью-Яани, Курессааре, Юри, Кейла, Карузе, Козе, Кулламаа, Ляэне-Нигула, Ранну, Вормси, Виру-Нигула, Вайке-Маарья, Хальяла, Каапсалу, Гарту-Нани, Рьуге, Ридала, а в Таллинском городском государственном архиве (= ТТГА) — приходов Тоомпеа, Пухавайму, Олевисте, Нигулисте, Михкли.

³ ЦГИА ЭССР, ф. 1268, оп. 3, д. 1.

⁴ Там же, ф. 1168, оп. 2, д. 1 — 3; по похоронам только с 80-х годов.

⁵ Там же, ф. 3169, оп. 3, д. 1 — 3.

⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 1284, оп. 2, д. 1, л. 26 — 101.

¹ Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР (= ЦГИА ЭССР), ф. 1284, оп. 2, д. 1; P a l l i, H. Perede struktuurist ja selle uurimisest. Väändra kihelkonna taluperede struktuur aastal 1683. — "Известия АН Эстонской ССР, т. 23. Общественные науки", 1974, № 1, с. 63 — 76.

Все эти записи в разных приходах имеют свои особенности. Тем не менее в общих чертах можно описать сведения, имеющиеся в том или ином виде записей.

Пожалуй, самыми однообразными являются записи о венчаних. В них в большинстве случаев отмечались имена и прозвища вступающих в брак. Если молодой человек вступил в брак впервые, то в церковной метрике обычно указывалось его имя, а также имя и прозвище отца. В записи о невесте, кроме ее имени, отмечалось имя отца. У людей, живущих отдельно от семьи, особенно если они были старше 30 лет, как правило, имя отца не указывалось (этого принципа больше придерживались при записи мужчин, у женщин нередко отмечено лишь прозвище и имя отца). Если вдова вновь выходила замуж, то в записи о втором браке, кроме ее имени, указывались прозвище и имя бывшего мужа. Батраки, бобыли и служанки нередко записывались по прозвищу и имени своего хозяина и имени самого лица (батрак такого-то, по имени).

Приведем пример: 2 января 1688 года в церкви Пылтсамаа венчались Jahn, Cristli Reins Sohn mit Anno, sehl Repss Tochter von Agrokas.⁷

Наиболее подробно записывались крещения. В большинстве случаев в период шведского господства в метриках отмечались имя и прозвище отца и имя ребенка. Иногда был записан и пол ребенка (сын или дочь). Кроме того, были указаны дата крещения и место проживания отца.

Пример из прихода Ругте: 1661. Rauga (мыза Ругте). Hindri Reino p. (сын) Laur, 11. November (11 ноября).

В метриках большинства приходов у крестьян указывалось название деревни, где они жили. В приходе Ругте преобладали хутора, поэтому в метрике отмечалась только мыза.

Наиболее подробно в "шведский период" велись записи о крещениях в приходе Пылтсамаа. В пылтсамааской метрике записаны прозвище и имя отца, имя новорожденного, место жительства отца, дата крещения и дата рождения ребенка, имена крестных.

⁷ ЦГА ЭССР, ф. II68, оп. 2, д. 2, л. 123.

Пример: 1693. Aprilis, 13. Mehkilla. Jürri. Arro Jahn fil. nat. d. 1o ej. Petr. Hans Paddoferrest, Rein Mehkillast, Ano, Mehkilla Rein tütar.

Записи о похоронах также довольно разнообразны. Дата похорон и место жительства до смерти отмечены почти во всех случаях. Имена хозяев крестьянских дворов указаны во всех метриках. При этом, как правило, дети дворохозяина, если они проживали в родном хуторе, записаны по прозвищу и имени отца, и по своему имени. Жены и вдовы записаны следующим образом: прозвище и имя мужа, жена или вдова и ее имя. В записях о похоронах самостоятельных людей указаны только их прозвища и имена. В некоторых случаях батраки и служанки записаны по прозвищу и имени дворохозяина, и по своему имени. В похоронных записях многих приходов вообще не указаны имена детей. Нередко в таких записях имя жены также отсутствовало. Отсутствие в метриках имен умерших детей в большинстве случаев делает невозможным их идентификацию.

Лишь в некоторых метриках (например, в Пылтсамаа) указана дата смерти. Приведем несколько примеров из метрики прихода Пылтсамаа: 1693. Majus.

1. Koddi Ado Vänoom killast. Mort. d. 29 pass.

2. Gerth Hans Martti poja N. Saha Assem. Mort. d. 3o pass.

Метрики конца XVII — начала XVIII в. дают богатый материал для исторической демографии. Несмотря на то, что большинство метрик охватывают небольшой промежуток времени, они все же позволяют выяснить многие стороны демографических процессов. По метрикам некоторых приходов (например, Пылтсамаа, Ругте, Ноароотси) можно получить общее представление о демографических процессах за несколько десятков лет. Не меньший интерес представляет изучение сезонных колебаний крещений (рождений), похорон (смертных случаев) и венчаний по данным метрик. Можно приблизительно установить долю неэстонского населения в сельской местности. При регистрации крещений почти всегда указывались внебрачные дети, двойни и тройни.

По некоторым метрикам даже до 1710 г. можно восстановить историю семей.

Совместное использование данных метрик и материалов ревизий дает возможность исследовать состав семей и хозяйств (крестьянских дворов).

Важное значение имеют и другие источники, к которым относятся нарративные источники (хроники, где описываются голод 1695 - 1697 гг., чума 1710 - 1711 гг. и т. д.), переписка между должностными и частными лицами, судебные дела и т. д. Постановления властей об урегулировании порядка крещений, похорон и венчаний содержатся в шведском церковном праве.⁸

Привлечение такого вспомогательного материала значительно облегчает работу с так называемыми массовыми источниками.

В сентябре 1710 г. после капитуляции города Таллина русским войскам шведскому господству в прибалтийских провинциях наступил конец. В стране свирепствовала чума. Из-за общего разорения, царящего в провинциях, русские власти не могли воспользоваться старыми данными "шведского периода", учтившими положение до Великого голода. Годы, последовавшие за присоединением Прибалтики к России, характеризуются постепенным восстановлением сельского хозяйства и народонаселения. Хозяйство прибалтийских провинций стало постепенно перестраиваться, приспособляясь к новой обстановке. В дальнейшем, по ходу развития страны, мызы одна за другой стали достигать довоенного уровня, а затем и превосходить его, экономическая обстановка в Прибалтике изменилась. Для более быстрой ориентации в изменившейся обстановке новые власти были вынуждены провести несколько ревизий как в Эстляндии, так и в Лифляндии. Данные этих земельных (или гаковых) ревизий имеют большое значение для изучения истории народонаселения Эстонии в XVIII веке.

В Эстляндии первая ревизия (инквизиция) была проведена в

⁸ Так, по шведскому церковному праву родители должны были крестить детей в течение 8 дней после их рождения. Kirchen-Gesetz und Ordnung so der grossmächtigste König und Herr. Herr Karl der Biflfe... im Jahre 1686 hat verfassung. Stockholm, 1687, с. 23-24 (гл. III, § 2, 3).

1712 году.⁹ Как во время этой, так и во время следующих ревизий много внимания уделялось численности крестьянского населения. В инвентарях крестьянских дворов отмечалось имя дворохозяина, количество населения крестьянского двора с распределением по полу и трудоспособности. Кроме того, отмечалось и количество жертв чумы.

За ревизией 1712 года последовали ревизии 1716, 1726, 1732, 1739, 1744, 1750, 1758, 1765 и 1774 гг.¹⁰ В этих ревизиях большое внимание уделялось численности крестьянского населения мыз, так как на основе данных о количестве трудоспособных мужчин (в некоторых случаях учитывалось и количество трудоспособных женщин) устанавливалось число гаков для каждой мызы. По гакам (ревизским гакам) мызы несли государственные повинности и платили государственные налоги.

В гаковых ревизиях данные о населении крестьянских дворов записывались под следующими рубриками: трудоспособные люди с 15 до 60 лет (Arbeitsame Menschen vom 15 bis 60 Jahren), старье и хворые люди (Alte und gebrechliche Leute) и дети нетрудоспособного возраста (Kinder, die noch nicht arbeiten können). Первая рубрика в свою очередь была разделена на

⁹ ЦГА ЭССР, ф. 3, оп. I, д. 448. В книге: Sildmäe, I. Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil. Tartu, 1962 ("Ученые записки ТГУ", вып. 122) имеется специальная глава об этих ревизиях (с. 13-68).

¹⁰ Материалы этих ревизий (за исключением ревизии 1758 года) находятся в ЦГА ЭССР, ф. 3, оп. I: 1716 год - д. 449 - 451; 1726 год - д. 458 - 461 и 457 (общие материалы); 1732 год - д. 466 - 470 и 465 (общие); 1739 год - д. 473 - 476 и 472 (общие); 477 (чужие люди); 1744 год - д. 479 - 482 и 478 (общие); 485 (чужие люди); 1750 год - д. 487 - 490 и 486 (общие); 491 (чужие люди); 1765 год - д. 496 - 499 и 495 (общие); 1774 год - д. 503 - 506 и 502 (общие); материалы по казенным мызам - д. 471, 483, 484, 494, 500 и 507. Материалы ревизии 1758 года в Центральном государственном архиве древних актов СССР (= ЦГАДА СССР), ф. 274, оп. I, д. 1615 - 1618.

четыре графы: хозяин двора (Wirthe, его сыновья и батраки (Söhne und Knechte), хозяйка (Wirtinnen), жены батраков, дочери и батрачки (Knechte Weiber, Töchter, Mägde). Вторая рубрика имела две графы: мужчины (Kerls) и женщины (Weiber), третья — тоже две: мальчики (Jungen) и девочки (Mädchen). По именам в гаковых ревизиях были названы только хозяева дворов. В некоторых ревизиях граф "хозяин" и "хозяйка" нет, а дети не подразделены на мальчиков и девочек.

Население мызы, включая дворовых, ревизиям не подлежало, поэтому о его численности в названных ревизиях нет никаких данных. Проживавшие в сельской местности ремесленники, чиновники и т. д. также не отмечены в ревизиях или же учитывались частично.

Свободные и чужие люди во многих ревизиях записаны отдельно. Нередко при этом точно описывался статус этих людей или имелись прочие данные о них.

В Лифляндии также было проведено несколько гаковых ревизий. Они проводились примерно в те же годы, как и в Эстляндии, а именно в 1721—1725, 1731, 1738, 1744, 1751 и 1757—1758 годах.^{II} Ревизионные книги и гаковые ведомости по Сааремааскому уезду сохранились за 1716, 1731, 1738, 1744, 1750 и 1756 годы.^{I2} По гаковым ревизиям можно проследить за динамикой сельского населения.

Значительно больше сведений о населении крестьянских дворов содержится в ревизских сказках. В них население перечислено по дворам и семьям поименно. Отмечен возраст каждого человека. Указано отношение каждого лица к главе (хозяину) двора (жена, сын, дочь, брат, сестра, батрак, батрачка и т. д.) и к главе семьи. Недостатком этих ревизий является то, что в ревизских сказках, за несколькими исключениями, приведены одни

^{II} ЦГАДА СССР, ф. 274, оп. I, д. 170 (1710 г.), 171—174 (1721—1723 гг.), 181, 182 (1725 г.), 189—193 (1731 г.), 200—203 (1738 г.), 210—215 (1744 г.), 228—229 (1751 г.), 238—243 (1757—1758 гг.).

^{I2} Там же, д. 1386—1407.

только прозвища дворохозяев. Это во многих случаях затрудняет идентификацию обитателей крестьянского двора, не принадлежащих к семье дворохозяина. Материалы ревизий душ хранятся в ЦГИА ЭССР.^{I3}

Из вышесказанного явствует, что материалы ревизий душ по своему характеру довольно близки к переписям населения (хотя и менее точны из-за отсутствия единой даты переписи, исключения некоторых категорий населения и т. д.).

При проведении ревизии душ в 1795 г. имеются также данные о состоянии населения в 1782 г. и об изменениях, происшедших за 1782—1795 гг.

Ревизии душ дают богатый материал и для ретроспективных выводов по многим проблемам истории народонаселения во второй половине XVIII в.^{I4}

За XVIII век сохранились метрики более 80 приходов.^{I5} Но, к сожалению, многие из них только за конец века. Однако, на-

^{I3} Главным образом в фондах "Коллекция ревизских сказок Эстляндской губернии" (ЦГИА ЭССР, ф. 1864) и "Коллекция ревизских сказок Лифляндской губернии" (ф. 1865).

^{I4} Более подробно о ревизиях см.: V a h t r e, S. Hin - gede revisjonide andmete kasutamisest ajaloolikkana. — "Известия АН ЭССР, т. 3. Серия общественных наук", 1964, № 2, с. 149—154.

^{I5} Амбла, Вальгела, Варбла, Вастселийна, Вигала, Виру-Нигула, Виру-Яагули, Вормси, Вяйке-Маарья, Вяндра, Ййзаку, Ййхви, Ййэляхте, Каарма, Кадрина, Камбья, Канепи, Каркои, Карузе, Карула, Кейла, Кирбла, Кихельконна, Кодавере, Козе, Колга-Яани, Коору, Кулламаа, Курессааре, Курси, Кярла, Логанузе, Ляэне-Нигула, Маарья-Магдалена, Мижкли, Муху, Мярьямаа, Нисси, Ноароотси, Отепя, Пайде, Пайсту, Паламузе, Пейде, Пухья, Пылтсамаа, Пярну-Элизабети, Пярну-Яагули, Ренну, Рагла, Ридала, Ристи, Рынгу, Руге, Ряпина, Сангасте-Лайтре, Симуна, Сууре-Яани, Тарвасту, Тарту-Яани, Торма, Тыстамаа, Тюри, Урвасте, Хаапсалу, Халлисте, Хальяла, Ханила, Харгла, Харью-Мадисе, Харью-Яани, Хельме, Экси, Юри, Юру, Ямая, Ярва-Мадисе, Ярва-Яани (их фонды хранятся в ЦГИА ЭССР) и метрики таллинских церквей: Мижкли, Нигулисте, Олевисте, Шокавайму, Тоомпеа (в ЦГИА).

чина с 1711 года имеется несколько серий непрерывных метрик, охватывающих целое столетие, и даже больший период. Еще важнее то, что объем и качество информации в церковных метрических книгах с тех пор стали расти и улучшаться. В большинстве метрик второй половины XVIII века (в некоторых сразу же после чумы) в записях о крещениях, кроме имени и прозвища отца и места его жительства, отмечалось и имя матери.

В метриках большинства приходов примерно с середины века, кроме даты крещения стали указывать и дату рождения (в некоторых метриках даты рождения появились уже во втором десятилетии XVIII в.). Помимо даты похорон, отмечалась и дата смерти. Во многих приходах указывался возраст умерших.

В некоторых приходах имелись также списки прихожан об их количестве. В Лифляндии в 60-х гг. XIX в. губернское правление стало требовать от пасторов представления сведений о численности населения приходов. Хотя эти данные посылались нерегулярно, пасторам приходилось более внимательно относиться к изменениям численности населения своих приходов.

К XVIII веку относится и появление первых печатных источников по истории народонаселения Эстонии. С 70-х гг. XVIII в. в губернских газетах стали печататься сведения о количестве новорожденных, умерших и о количестве заключенных браков.¹⁶ Большой интерес к проблемам народонаселения проявил А. В. Гупель, написавший обзор "Топографические известия о Лифляндии и Эстляндии".¹⁷ А. В. Гупель приводит сначала данные об общей численности населения в Лифляндии и Эстляндии, а затем и более подробные сведения о численности, составе и естественном движении населения по 10 приходам северной части Лифляндии (Пили-

¹⁶ Напр.: Verzeichniß der in dem Herzogtum Ehstlands im Jahre 1776. geborenen, gestorbenen und copulirten Personen. - "Revalsche Wöchentliche Nachrichten", 1777, Nr. 9.

¹⁷ H u p e l, A. W. Topographische Nachrichten von Lief- und Ehstland. Bd. II. Riga, 1777, с. 7-31.

ствере, Колга-Яни, Пылтсамаа, Курси, Экси, Паламузе, Лайузе, Торма, Кодавере и Маарья-Магдалезна). В своем следующем обзоре по тем же самым губерниям А. В. Гупель, опирающийся на ревизию душ 1782 г., привел уже более подробные сведения о народонаселении Эстляндии и Лифляндии, в том числе данные о численности народонаселения как по губерниям, так и по уездам и городам, а также по некоторым приходам (особенно в Лифляндии).¹⁸

Историография

К первому периоду относятся и такие крупные бедствия в жизни народа, как голод 1695 - 1697 гг., и чума 1710 - 1711 гг., привлекая к себе внимание как современников, так и историков последующих столетий. Кроме того, историков интересовали и другие вопросы: численность населения в "шведский период", национальный состав и т. п. Однако, неправомерно утверждать, что историки специально занимались вопросами демографии. Обычно они относились к ним как к второстепенным.

Как вообще в демографической истории, так и при изучении периода 1650 - 1711 гг. в Эстонии, исследователи обычно уделяют внимание или установлению численности народонаселения или на его изменения. Численность населения имеет большое значение при установлении коэффициентов рождаемости, смертности и брачности. В связи с этим ниже приводится краткий обзор этих работ.

Еще в конце прошлого столетия П. Йордан¹⁹ дал оценку чис-

¹⁸ H u p e l, A. W. Die gegenwärtige Verfassung der Rigischen und Revalschen Statthalterschaft, zur Ergänzung der topographischen Nachrichten von Lief- und Ehstland. Riga, 1789, с. 210-211, 231, 239, 246, 250, 257, 262, 268, 274, 320, 380, 405, 429-430, 463-464, 498, 523-524, 554-555, 596-597, 616, 623, 628, 634, 637, 640, 656, 671, 697, 723, 746.

¹⁹ J o r d a n, P. Die Resultate der ehstländischen Volkszählung von 29 December 1881 in textlicher Belegung. Reval, 1886.

ленности населения северной части Эстонии (Эстляндии). Его перу принадлежит также описание чумы 1710 г. в Эстляндии, и оценка ее последствий.²⁰

В годы буржуазной власти в Эстонии О. Лийв внес немалый вклад в изучение экономической жизни в "шведский период". В своей работе об экономическом положении Эстонии конца ХУП в.²¹ он дал оценку численности населения, которую затем повторил на страницах своих обобщающих трудов.²² Цифра, приведенная О. Лийвом, перекочевала в обобщающие труды по истории Эстонии, изданные уже в Советской Эстонии.²³ В новейшее время цифру О. Лийва критиковали Ф. Беннингхофен и И. Сильдмэ.²⁴ Первый считал ее слишком большой, второй - слишком маленькой. Свою оценку численности населения Северной Лифляндии дал и Х. Лиги.²⁵

²⁰ J o r d a n, P. Geschichte der Pest in Estland im Jahre 1710. - In: St. Peterburger Kalender für das Jahr 1880. St. Peterburg, s. a., II Teil, s. 66-82.

²¹ L i i v, O. Die wirtschaftliche Lage des estnischen Gebietes am Ausgang des XVII. Jahrhunderts. I. - "Opetatud Eesti Seltsi Toimetised", XXVII. Tartu, 1935.

²² Eesti ajalugu, k. III. Tartu, 1940, s. 187; Eesti majandusajalugu, I. Tartu, 1937, s. 42.

²³ Ср.: История Эстонской ССР, т. I. Таллин, 1961, с. 135; Eesti Nõukogude Entsüklopeedia, k. II. Tallinn, 1970, с. 76.

²⁴ B e n n i n g h o v e n, F. Der Orden der Schwertbrüder. Fratris Milicie Christi de Livonia. Köln, 1965, с. 392; S i l d m ä e, I. Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil, с. 116 (полстрочная сноска [44]).

²⁵ L i g i, H. Talupoegade koormised Eestis 13. sajandist 19. sajandi alguseni. Tallinn, 1968, с. 258.

Наряду с проблемой численности населения до Великого голода О. Лийв занимался и проблемой Великого голода 1695 - 1697 гг. Конечно, в той или иной мере, с той или иной точки зрения о Великом голоде писали и многие другие авторы.²⁶ О. Лийв написал и опубликовал на эту тему несколько статей²⁷ и краткую монографию, включающую публикацию документов.²⁸ В своей монографии О. Лийв рассматривает Великий голод на фоне общественной жизни и общественных отношений того времени. Он пытается также установить число жертв голода.

Вторым крупным событием того времени была чума 1710 - 1711 гг. К сожалению, ее изучали не так основательно как, например, голод 1695 - 1697 гг. Как уже отмечалось выше, чумой 1710 г. еще в 1880 г. интересовался П. Йордан. Он рассмотрел распространение чумы и причиненные ею опустошения в Эстляндии. Чуму в Южной Эстонии (Северной Лифляндии) описал в своей статье И. Кыш.²⁹ М. Кёрбер в годы первой мировой войны изучил распространение чумы на острове Сааремаа.³⁰ Этот же вопрос на основе

²⁶ H / a n s e n /, J. Die Hungersnoth in Liv- und Estland 1695-1697. - "Das Inland", 1860, Nr. 22, 30 Mai; H o d j a (M. Morriison). Viimasest suurest näljaajast. Ajalooline kirjeldus viimastest Rootsi valitsuse aastatest meie kodumaal. - "Tallinna Teataja", 1911, nr. 189, 22. aug.; nr. 193, 26. aug.; nr. 197, 31. aug.; nr. 199, 2. sept.; nr. 205, 8. sept.; nr. 222, 28. sept. и др.

²⁷ L i i v, O. Linnad ja maarahvastik Eestis suure näljaaja kriisikuudel. - Rmt.: Kultuuri ja teaduse teilt. Tartu, 1932, с. 80-91.

²⁸ L i i v, O. Suur näljaaeg Eestis 1695-1697. Lisa: Valimik dokumente suurest näljaajast. - Akadeemilise Ajaloo-Seltsi Toimetised, IX (Ajalooline Arhiiv, III). Tartu-Tallinn, 1938.

²⁹ K ö p p, J. Andmeid viimasest suurest katkust Lõuna-Eestis aastail 1710-1711. - "Ajalooline Ajakiri", 1929, nr. 1, с. 15-23.

³⁰ K / ö r b e r /, M. Die Pest vom Jahre 1710 und deren Folgen. - In: Oesel einst und jetzt, III. Arensburg, 1915, с. 197-210.

материалов одного из приходов восточной части Эстонии рассмотрел В. Миллер. В результате сравнения данных ревизии 1712 г. с церковными метриками он обнаружил значительный недоучет населения в первом источнике.³¹ Эпидемии чумы 1710 - 1711 гг. посвящена в основном статья Я. Конкса о ревизии 1712 г. в Эстляндии.³² Х. Лиги, сравнив итоги ревизий 1712 и 1726 гг., пришел к выводу о значительной недорегистрации населения в 1712 году.³³

Естественное движение народонаселения в 1650 - 1710 гг. почти не изучено. Некоторые данные приведены лишь в исторических очерках отдельных приходов. Обзор по многим приходам за 1691 - 1695 гг. и 1699 - 1709 гг. дан в статье Х. Палли в XI выпуске "Скандинавского сборника".³⁴ В трех таблицах этой статьи приведены средние цифры по крещениям, похоронам и заключенным бракам за 1691 - 1695 гг., 1699 и 1700 - 1708 гг., а также данные за 1699 - 1709 гг.

Большое значение имеют и исторические очерки об отдельных приходах и уездах, в которых приведено много данных об историко-демографических сюжетах первого периода. Наиболее объемистым из них является очерк о приходе Лайузе,³⁵ в котором приведены некоторые данные о численности населения и его естественном движении в приходе Лайузе и соседних приходах.

³¹ M i l l e r, V. Den stora pesten i Viru-Nigula socken år 1710-1711. - In: "Svicio-Estonica", 1938. Tartu, 1938, с. 199-207.

³² K o n k s, J. 1712. aasta revisjonist Eestimaal. - "Ученые записки ТГУ". Tartu, 1961, вып. II4, с. 253-263.

³³ L i g i, H. Talurahva arvu dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil (adramaarevisjonide andmeil). - Rmt.: Studia historica in honorem Hans Kruus. Tallinn, 1971, с. 231.

³⁴ П а л л и X. К вопросу об экономическом положении Эстонии в первой половине Северной войны (1700-1710). - В кн.: Скандинавский сборник, XI. Таллин, 1966, с. 50-52, 54.

³⁵ К ö p p, J. Laiuse kihelkonna ajalugu. Tartu, 1937.

В серии "Географическое, экономическое и историческое описание Эстонии",³⁶ в которой каждому уезду посвящен отдельный том, а каждому приходу - отдельный очерк, немалое внимание уделяется и вопросам народонаселения. Особенно много сведений такого характера содержится в неопубликованных в печати описаниях приходов Ляэнского и Вильяндиского уездов.³⁷ По сравнению с опубликованными ранее очерками в опубликованных описаниях Ляэнского и Вильяндиского уездов (уездные очерки) содержится больше данных об исторической демографии, больше внимания уделяется в них и последствиям чумы 1710 г.³⁸ Близок по своему характеру к историческим очеркам о приходах обзор о шведском населении Эстонии К. Р. Руссвурма, содержащий оценки его численности и в интересующий нас период.³⁹ Х. Хюренюс также привел (в основном по данным К. Р. Руссвурма) оценки численности шведского населения Эстонии в конце XVII в. - начале XVIII века.⁴⁰ Русское население в Алутагузе исследовал О. Лийв.⁴¹

Как явствует из этого обзора, историки в большинстве случаев ограничивались лишь выяснением численности народонаселения

³⁶ Besti. Maadeteaduslik, majandusline (majanduslik, tulunduslik) ja ajalooline kirjeldus, I-VIII. Tartu, 1925-1939.

³⁷ Läänemaa II, Viljandimaa II. - Электрографические копии рукописей в Научной библиотеке АН Эстонской ССР.

³⁸ Besti VIII. Läänemaa I. Üldosa. Tartu, 1938; Besti VII. Viljandimaa I. Üldosa. Tartu, 1939.

³⁹ R u s s w u r m, C. F. Eibofolke oder die Schweden an den Küsten Ebstlands und auf Runö, I-II. Reval, 1855.

⁴⁰ H y r e n i u s, H. Estlands svenskarna. Demografiska studier. Lund, 1942.

⁴¹ L i i v, O. Vene asustusest Alutagusel kuni XVIII sajandi esimese veerandini. Koos asustuse tulunduselu ja usulise seisundi vaatluskatsega päämiselt Rootsi ajal. - Akadeemilise Ajaloo-Seltsi Toimetised, 5. Tartu, 1928.

или опустошениями, причиненными Великим голодом 1695 – 1697 гг. и чумой 1710 – 1711 гг. В редких случаях приводились общие цифровые данные о естественном движении народонаселения.

Следует отметить, что XVIII веком истории буржуазной Эстонии занимались мало. Лишь в обобщающих трудах были приведены общие цифровые данные о численности населения Эстонии в конце XVIII в. (в 1782 г.), а также данные о численности населения городов.⁴² Гораздо больше внимания вопросу численности народонаселения отдельных приходов и уездов было уделено составителями поуездного обзора "Эстония. Географическое, экономическое и историческое описание".⁴³

Изучение аграрной истории XVIII века – в основном заслуга историков Советской Эстонии, нередко обращавшихся к вопросу о количестве народонаселения Эстонии в XVIII в. Сведения о численности народонаселения Эстляндии приведены в трудах Я. Конкса,⁴⁴ Ю. Кяхка⁴⁵ и И. Силдмэ.⁴⁶ Изучением динамики народонаселения Эст-

⁴² Eesti rahva ajalugu, III. Tartu, 1935, с. 1346, 1357, 1518–1520; Eesti majandusajalugu, I. Tartu, 1937, с. 330, 427, 416.

⁴³ Eesti. Maadeteaduslik, majanduslik ja ajalooline kirjeldus. Kõide I. Tartumaa. Tartu, 1925; II. Võrumaa. Tartu, 1926; IV. Pärnumaa. Tartu, 1930; V. Valgamaa. Tartu, 1932; VI. Saaremaa. Tartu, 1934; VII. Viljandimaa I. Tartu, 1939; VIII. Läänemaa I. Tartu, 1938; Viljandimaa II, Läänemaa II. – Электрографические копии рукописей в Научной библиотеке АН ЭССР (Таллин).

⁴⁴ K o n k s, J. Eestimaa feodaal-pärisorjuslik põllumajanduse ja talurahva olukord XVIII saj. lõpul ning XIX saj. 1. aastakümnel. – "Ученые записки ТГУ". Тарту, 1960, вып. 96, с. 28–29.

⁴⁵ K a h k, J. Rahutused ja reformid. Talupoegade klassivõitlus ja mõisnike agraarpoliitika Eestis XVIII ja XIX sajandi vahetusel (1790–1810). Tallinn, 1961, с. 185–186; К а х к Ю. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX века. Таллин, 1962, с. 99–100.

⁴⁶ S i l d m ä e, I. Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaamikast Eestimaa XVIII sajandil, с. 116–119.

ляндии по ревизиям душ занимался С. Вахтре. Он дал как общую динамику народонаселения губернии за 1780 – 1850 гг., так и динамику по мызам, приходам и уездам.⁴⁷ С точки зрения данного труда представляют интерес данные ревизий 1782 и 1795 годов. Более подробную динамику крестьянского населения по уездам Эстляндии в XVIII в., опираясь на материалы гаковых ревизий, дал Х. Лиги.⁴⁸ Он же привел цифры о численности крестьянского населения в Южной Эстонии (Северной Лифляндии).⁴⁹

Если изучению численности населения уделялось довольно много внимания, то естественное движение населения в XVIII в. (до 1782 г.) изучено сравнительно мало. Из этого правила, однако, имеются некоторые исключения, например, исторические очерки местной истории (истории приходов). В "Истории прихода Лайузе" Ю. Кыпп наряду с данными о численности населения⁵⁰ привел

⁴⁷ V a h t r e, S. Rahvastiku liikumisest Eestimaa kubermangus XVIII sajandi lõpul ja XIX sajandi esimesel poolel. – Rmt.: Ajaloo järskudel radadel. Tallinn, 1966, с. 56–83; V a h t r e, S. Eestimaa talurahvas hingeloenduste andmeil (1782–1858). Ajaloolis-demograafiline uurimus. Tallinn, 1973.

⁴⁸ L i g i, H. Talurahva arvu dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil (adramaarevisjonide andmeil), с. 223–256; L i g i, H. Talurahva arv ja paiknemine Eestimaal XVIII sajandil. Исследования по истории стран Балтики, I. – "Ученые записки ТГУ". Тарту, 1973, вып. 316, с. 231–301.

⁴⁹ L i g i, H. Talupoegade koormised Eestis 13. sajandist 19. sajandi alguseni, с. 257–258; L i g i, H. Talurahva arv ja paiknemine Lõuna-Eestis aastail 1711–1816. – "Ученые записки ТГУ". Тарту, 1976, вып. 371, с. 33–101.

⁵⁰ K õ p p, J. Laiuse kihelkonna ajalugu, с. 188.

и сведения о числе рождений, погребений и венчаний,⁵¹ а также данные о естественном приросте, рождаемости, детской смертности, о последствиях чумы 1710 г. и о количестве рождений на один брак.⁵² По некоторым приходам данные о числе рождений, погребений и естественном приросте населения приведены во второй части описаний Ляэнеского уезда.⁵³

Советские историки приводят данные о естественном движении народонаселения в некоторых приходах (Ю. Кахк, например, привел данные по II приходам за период с 1755-го по 1850-й г., вычислил естественный прирост населения по этим же приходам, а также за 1771 - 1799 гг. по всей Эстляндии⁵⁴). Общегубернские коэффициенты естественного движения населения за 1780 - 1799 гг. по Эстляндии приведены С. Вахтре.⁵⁵ В приложении к своей докторской диссертации С. Вахтре дает обзор естественного движения населения по приходам Эстляндии.⁵⁶ По более раннему периоду на материале приходов Эстляндии десятилетние суммарные данные приведены Х. Лиги.⁵⁷

⁵¹ К б р р, J. Laiuse kihelonna ajalugu, с. 221, 223, 225.

⁵² Т а м ж е, с. 173 - 177, 223, 225, 228 - 229, 231.

⁵³ Läänemaa II. - Рукопись в Научной библиотеке АН ЭССР.

⁵⁴ К а х к, J. Rahutused ja reformid. Talupoegade klassi-võitlus ja mõisnike agraarpoliitika Eestis XVIII ja XIX sajandi vahetusel (1790-1810), с. 171-183;

⁵⁵ V a h t r e, S. Rahvastiku liikumisest Eestimaa kubermangus XVIII sajandi lõpul ja XIX sajandi esimesel poolel, с. 62, 75.

⁵⁶ V a h t r e, S. Hingeloendused Eestimaa kubermangus (1782-1858) ja nende andmed talurahva ajalooallikana. Tartu, 1970. - Рукопись в Научной библиотеке тартуского государственного университета.

⁵⁷ L i g i, H. Talurahva arv ja paiknemine Eestimaal XVIII sajandil, табл. 8 между 282 и 283 с.

Среднюю продолжительность жизни крестьян в 4-х приходах, начиная с 1755 г., определил Ю. Кахк.⁵⁸ По приходу Равере такие вычисления сделал С. Вахтре.⁵⁹

Кроме перечисленных трудов, имеется целый ряд студенческих дипломных работ, посвященных некоторым специальным вопросам. Динамику народонаселения в двух приходах - Виру-Нигула и Пайсту - описали С. Крикк и К. Пихлак.⁶⁰ Возрастной структуре населения прихода Хальяла посвящена дипломная работа К. Леэметса,⁶¹ на основе которой была написана статья для сборника исторического кружка СНО.⁶²

На некоторые возможности статистического и структурного анализа населения крестьянских дворов указывали С. Вахтре⁶³ и

⁵⁸ К а х к Ю. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX века, с. 100 - 101; K a h k, J. Die Krise der feudalen Landwirtschaft in Estland. (Das Zweite Viertel des 19. Jahrhunderts.) Tallinn, 1969, с. 235-239.

⁵⁹ V a h t r e, S. Eestimaa talurahvas hingeloenduste andmeil (1782-1858), с. 224.

⁶⁰ К р и к к, S. Talurahva arvuline dünaamika ja selle põhjused Viru-Nigula kihelkonnas XVIII sajandi lõpul ja XIX sajandi esimesel poolel. Tartu, 1966. - Рукопись на кафедре истории СССР ТГУ; P i h l a k, K. Rahvastikuliikumisest Paistu kihelkonnas aastatel 1782-1881. Tartu, 1966. - Рукопись на кафедре истории СССР ТГУ.

⁶¹ L e e m e t s, M. Talurahva vanuseline koosseis Haljala kihelkonnas 1782.-1858. a. Diplomitöö. Tartu, 1965. - Рукопись на кафедре истории СССР ТГУ.

⁶² L e e m e t s, M. Talurahva vanuseline koosseis Haljala kihelkonnas 1782.-1858. a. - Rmt.: Ajalooalaseid töid, IV. ÜTÜ ajalooringi kogumik. Tartu, 1970, с. 92-113.

⁶³ V a h t r e, S. Hingede revisjonide andmete kasutamisest ajalooallikana, с. 149-154.

Х. Лиги. 64

Автор неоднократно использовал материалы, данные, выводы и т. д. из своих опубликованных или рукописных работ.⁶⁵

⁶⁴ Л и г и Х. М. Население крестьянского двора ("пере") в Эстонии во второй половине XVIII в. - В кн.: Тезисы докладов и сообщений XII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рига - Сигулда, октябрь 1970. М., 1970, с. 32 - 34.

⁶⁵ P a l l i , Н., P u l l a t , R. Eesti ajaloolise demograafia bibliograafia. Tallinn, 1969; П а л л и Х. Э. Источники по исторической демографии Эстонии (XIII - XVIII вв.) - В кн.: Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970, с. 35 - 45; P a l l i , Н. Historical Demography of Estonia in the 17th-18th Centuries and Computers. - Rmt.; Studia Historica in honorem Hans Kraus. Tallinn, 1971, с. 205 - 222; П а л л и Х. Заселение Эстонии по демографическим данным в конце XVII - начале XVIII в. - В кн.: Тезисы докладов и сообщений XIII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1971, с. 104 - 106; П а л л и Х. Э. К методике обработки демографических материалов Эстонии XVII - XVIII вв. (по ревизиям душ 1781 - 1782 гг.). - В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971, с. 147 - 161; P a l l i , Н. Eesti ajaloolise demograafia: saavutus, probleem, ülesandeid. - Rmt.: Ajaloolise demograafia probleemid. Tallinn, 1973, с. 7 - 44; P a l l i , Н. Eesti meetrikaraamatute töötlemise meetodid. - Rmt.: Ajaloolise demograafia probleemid. Tallinn, 1973, с. 45 - 62; P a l l i , Н. Rõuge rahvas XVII sajandi teisel poolel. - Rmt.: Ajaloolise demograafia probleemid. Tallinn, 1973, с. 63 - 131; P a l l i , Н. Perede struktuurist ja selle uurimisest. Väändra kihelkonna taluperede struktuur aastal 1683, с. 64 - 76; П а л л и Х. Метод восстановления истории семей и особенности его применения по эстонским материалам (XVII - XVIII вв.). - В кн.: Первый всесоюзный семинар по исторической демографии. Тезисы докладов. Таллин, 1974, с. 8 - 10; P a l l i , Н. Karuse rahvas 1685 - 1800. (Рукопись в секторе феодализма Института истории АН ЭССР); П а л л и Х. О развитии народонаселения Эстонии в сравнительно-историческом плане (XIII - XVIII вв.). - "Известия АН ЭССР, т. 23. Общественные науки", 1974, № 4 с. 356 - 375; П а л л и Х. Э. Система идентификации эстонских семей XVII - XVIII вв. - В кн.: Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977, с. 43 - 49. P a l l i , Н. Seasonality of marriage in Estonia. "Local Population Studies" n 14. Spring 1975, p. 50 - 52; П а л л и Х. Воспроизводство населения Эстонии в XVII - XIX вв. - В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977, с. 214 - 229; П а л л и Х. Э. Некоторые приемы критики источников по истории народонаселения Эстонии в XVIII веке. - В кн.: Материалы Межреспубликанской научной конференции по источниковедению и ис-

К методике обработки материала

Изучение естественного движения населения за более длительный период времени (100 - 150 лет) сопряжено со многими трудностями. Эти трудности обусловлены тем, что учет естественного движения населения никогда строго не регламентировался, и во многом зависел от добросовестности ведущих учет (пасторов и кистеров). В источниках большинства приходов имеются более или менее значительные пропуски от нескольких месяцев до нескольких десятилетий. По многим приходам за XVII и XVIII века метрических записей вообще нет, а по некоторым они охватывают лишь несколько лет или десятилетий. Учитывая это обстоятельство, надо по-разному подходить к сохранившемуся материалу. При изучении долговременных трендов необходимо отобрать приходы, по которым имеются метрические книги уже с XVII в. (или с начала XVIII в.) и где пропуски небольшие (или их нет вообще). Для сравнения естественного движения населения в разные отрезки времени (например, конец XVII - начало XVIII в. и последние десятилетия XVIII в.) можно отобрать приходы, по которым имеются данные за этот срок.

Особенно строгие требования следует предъявлять к материалу, на основе которого надлежит провести операцию восстановления истории семей (ВИС). Для этого необходимы: 1) более длительный период наблюдения (желательно 70 - 100 лет и больше; только в исключительных случаях меньше, но не менее 35 лет); 2) отсутствие, или небольшое количество пропусков (1 - 2) и непродолжительный срок (1 - 3 года); 3) отсутствие значительной недорегистрации (устанавливается предварительно по общим данным); 4) наличие, кроме метрических записей, других поименных перечней населения (ревизских сказок, персональных книг,

ториографии народов Прибалтийских республик Союза ССР. Источниковедение. Вильнюс, 1978, с. 107 - 111; P a l l i , Н. Parish registers, revisions of land and souls, family reconstitution and household in seventeenth and eighteenth century Estonia. - In: Chance and change. Odense, 1978, p. 143-146.

списков причащающихся). Последнее условие может быть и не обязательным. Но отсутствие параллельного материала потребует многих оговорок и повлечет за собой некоторые изменения в ходе обработки материала.

Наряду с операцией ВИС проводится предварительная обработка материала:⁶⁶ вычисление годовых итогов и пятилетних средних о естественном движении населения, выравнивание рядов динамики, вычисление числа зачатий, смертных случаев и бракосочетаний по годам урожая, вычисление сезонности. Все эти вычисления можно, конечно, провести и самостоятельно, не проводя ВИС. Население эстонских приходов в большинстве случаев составляет 3000 – 4000 человек, а иногда больше (в конце XVIII в. население прихода Ругте превышало 10 000 человек). В некоторых же случаях надо привести данные о распределении народонаселения, а также о числе рождений, смертных случаев и бракосочетаний по более мелким единицам (мызам, деревням). И эту операцию можно также включить в предварительную обработку материала.

Средние данные за пять лет позволяют выровнять случайные годовые колебания. Наряду с ними иногда целесообразно использовать и средние за десятилетие. Предпочтение, отдаваемое средним за пятилетие, обосновано тем, что период наблюдений по многим приходам небольшой, поэтому "пятилетний" в нем больше, чем десятилетний.

Оба показателя являются средними арифметическими. За первый год пятилетия берется год, оканчивающийся на 0 или 5 (например, 1660, 1665, 1670, 1675 и т. д.), а за первый год десятилетия – год, оканчивающийся на 0 (например, 1670, 1680, 1690 и т. д.). Тем самым получаются пятилетия: 1660 – 1664, 1665 – 1669, 1670 – 1674, 1675 – 1679 и т. д. и десятилетия: 1670 – 1679, 1680 – 1689 и т. д. В виде исключения в некоторых случаях пятилетия выделены по другим годам, а среднее арифметическое вычисление за другие промежутки времени. Такие случаи оговариваются особо.

⁶⁶ P a l l i, H. Rõuge rahvas XVII sajandi teisel poolel, с. 72-73.

Для сглаживания рядов динамики использован наиболее простой способ – метод механического сглаживания ряда скользящей средней (невзвешенный вариант). При сглаживании вычисляется новая, т. е. скользящая, средняя. Сглаживание по трем годам проводится следующим образом: вычисляется скользящая (т. е. средняя арифметическая) за три года, которая приравняется к среднему году. Прибавляя по одному году, вычисляются одна за другой скользящие средние. По первому и последнему году ряда скользящую среднюю найти нельзя. Формула:

$$a_2 = \frac{a_1 + a_2 + a_3}{3}; \quad a_3 = \frac{a_2 + a_3 + a_4}{3}; \quad a_4 = \frac{a_3 + a_4 + a_5}{3} \text{ и т. д.}$$

Примеры: $a_{1666} = \frac{a_{1665} + a_{1666} + a_{1667}}{3} = \frac{176 + 211 + 237}{3} = 208;$

$$a_{1667} = \frac{a_{1666} + a_{1667} + a_{1668}}{3} = \frac{211 + 237 + 230}{3} = 228$$

Год урожая охватывает период времени от I августа данного года до 31 июля следующего года. Например, год урожая 1663 г. начинается I августа 1663 г. и кончается 31 июля 1664 г. На практике для получения данных о количестве погребений (смертных случаев) и венчаний по годам урожая суммируются помесечные данные за август – декабрь и за январь – июль. Затем сумма изучаемых событий (например, венчаний) за август – декабрь данного года и сумма тех же событий за январь – июль следующего года складываются:

$$a_{1663} = (a_{\text{авг.63}} + \dots + a_{\text{дек.63}}) + (a_{\text{январь.64}} + \dots + a_{\text{июль 64}}).$$

В качестве примера приведем вычисление количества венчаний в приходе Ругте по годам урожая 1665 – 1669 гг.⁶⁷

⁶⁷ P a l l i, H. Rõuge rahvas XVII sajandi teisel poolel, с. 72-73.

Год	Август - декабрь	Январь - июль	Год урожая
1665	31	15	40
1666	28	9	38
1667	29	10	45
1668	43	16	52
1669	9	9	16
1670	46	7	

Вычисление демографических показателей за годы урожая проводится для изучения влияния колебаний урожайности на демографические процессы. При этом рождения целесообразнее заменять зачатиями. Для этого от дня рождения (крещения) отсчитывают девять месяцев.

На практике количество зачатий в данный год урожая (a_1) получается путем прибавления числа рождений в мае - декабре следующего года (a_2) к числу рождений в январе - апреле за второй год от данного (a_3). В качестве примера приведем ход вычисления зачатий за 1665 - 1669 гг. по данным метрики прихода Рюге.⁶⁸

Год	Май - декабрь	Январь - апрель	Год урожая
1665	110	66	209
1666	135	76	233
1667	162	74	226
1668	159	71	189
1669	131	67	171
1670	125	58	225
1671	149	46	230

Явления сезонности целесообразнее изучать по более длительным периодам, поэтому данные Эстонии за XVII - XVIII вв. подразделены на три периода: до 1710 г., 1711 - 1749 гг. и 1750 - 1799 гг.

⁶⁸ P a l l i, H. Rõuge rahvas XVII sajandi teisel poolal, с. 68-69.

Показатель сезонности вычисляется следующим образом: помесечные данные за все годы изучаемого периода складываются, затем полученное число делится на количество дней в данном месяце. Наряду с помесечными вычисляется и среднегодовой показатель - данные за все годы изучаемого периода складываются и полученное число делится на среднее количество дней в году. Показатель сезонности получается путем деления среднемесячного числа на среднегодовое. Чтобы итог был нагляднее, его умножают на 100. Если показатель сезонности равен в каждом месяце 100, то распределение событий равномерное.

Пример:

В приходе Рюге в период с 1662-го по 1695-й г. в январе насчитывалось 196 похорон, или $196:31=6,32$ в среднем за день. Всего за это время было занесено в метрики 1595 похорон, или ежегодно в среднем 4,38 за день. Показатель сезонности: $6,32:4,38=1,44$, или, умножая на 100, - 144.

Таблицы сезонности рождений и зачатий можно совместить: январю как месяцу зачатий соответствует октябрь как месяц рождений.

Месяцы рождений (крещений)

январь февраль март апрель май июнь июль август сентябрь октябрь ноябрь декабрь

Месяцы зачатий

апрель май июнь июль август сентябрь октябрь ноябрь декабрь январь февраль март

Наиболее сложной областью в методике использования источников является восстановление истории семей (ВИС, reconstitution des familles, family reconstitution).⁶⁹ Это очень труд-

⁶⁹ Процедура ВИС по источникам Франции и Англии описывается в следующих книгах: Fleury, M., Henry, L. Nouveau manuel de dépouillement et d'exploitation de l'état civil ancien. Paris, 1965; Deuxième édition. Paris, 1976; Henry, L. Manuel de démographie historique. Genève-Paris, 1967; Everstley, D. E. C., Laslett, P., Wrigley, G. A. An Introduction to English Historical Demography. London, 1966.

доемкая операция и состоит из многих приемов. Традиционные приемы разработаны на основе французских источников. Они предусматривают: 1) выписку отметок о крещениях, погребениях и венчаниях (вступлениях в брак) на особые бланки; 2) систематизацию этих выписок по семейным карточкам; 3) логическую обработку и вычисления на основе семейных карточек.

Учитывая особенности эстонских источников приходится внести в эту систему некоторые дополнения. К ним относятся: 1) взаимная проверка первичных семейных карточек для устранения дублетов (возможность их наличия вытекает из эстонской системы имен); 2) сопоставление семейных карточек и ревизских сказок; 3) сопоставление данных гаковых (земельных) ревизий о народонаселении с семейными карточками (бланками); 4) сопоставление персональных книг и семейных карточек и 5) использование других данных (например, списка причащающихся). Некоторые из перечисленных приемов в зависимости от наличия и состояния источников по данному приходу могут и отпасть.

✓ Восстановление истории семей возможно только при условии, если лица и семьи данного прихода, встречающиеся в разных записях, поддаются идентификации.

✓ Приход — открытая система. Люди в данном приходе могли пребывать временно (даже при господстве крепостной системы). Другими словами, некоторые люди, при рождении записанные в данном приходе, в дальнейшем меняли место жительства и временно или навсегда записывались в другие приходы и, наоборот, некоторые люди из других приходов переселялись временно или навсегда в данный приход. Переселялись и отдельные лица, и целые семьи. По материалам одного прихода (или нескольких соседних приходов) нельзя полностью восстановить историю всех семей, проживавших в какой-то момент в данном приходе. Поэтому с помощью ряда приемов из общей совокупности выделяются группы семей и лиц, о которых имеется наиболее полная информация.

Перейдем к приемам идентификации лиц и семей. Для идентификации служит имя, а затем другие имеющиеся данные (место жительства, возраст, профессия, национальность, возможность и вероятность демографических событий и т. д.). Рассмотрим в

первую очередь записи лиц по их именам в церковных метриках ХУП — ХУШ вв.

Имена эстонских крестьян в ХУП — ХУШ вв. и в начале ХІХ в. имели следующую структуру: прозвище, имя деда, имя отца, имя. Например: Ruga Hanso Jaani P e t e r . Цепь имен предков могла быть короче или длиннее (кроме имени деда, иногда встречается и имя прадеда). Как правило, имена имели тенденцию к сокращению: Ruga Hanso Jaani P e t e r со временем стал называться Ruga Jaani P e t e r и Ruga P e t e r . Для "несамостоятельных" лиц часто добавлялись сведения об их отношении к главе двора (семьи): Ruga Petri p. (poeg, т. е. сын) Andres; Ruga Petri t. (tütar, дочь) Ann. Девушка после выхода замуж называлась по прозвищу и имени мужа. Kisa Tomat. (дочь) Liso вышла замуж за Allika Mihkle p. Juhhan 25 ноября 1774 года. После этого она стала называться Allika Mihkli Juhhani n. (naine, жена) Liso (после смерти мужа вдову называли Allika Juhhani lesk (вдова) Liso).

Такова господствовавшая система имен. Прозвища (если исключить их сокращения) были сравнительно устойчивыми. Они редко изменялись у коренных жителей данного прихода, особенно у дворохозяев и их потомков.

Следует иметь в виду, что некоторые имена также становились прозвищами, например, Andrese Michle Adam. Если имя вышло или почти вышло из употребления, то оно становилось "чистым" прозвищем (например, Toots, Naan, Klement). Имеются и двойные прозвища, например Aya Möller, Jürri Ado и т. д.

Прозвища официально не фиксировались. Они входили в обычай. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в некоторых случаях у одного и того же лица или у одной и той же семьи было два или даже три прозвища. Прозвища изменялись главным образом у батраков, лострейберов (бобылей) и других более подвижных лиц, особенно если они переселялись из одного прихода в другой или же из одной мызы в другую. Но и прозвища некоторых дворохозяев могли иногда изменяться.

Перечислим наиболее часто встречающиеся типы таких изменений.

Некоторые семьи устойчиво имели два прозвища. При этом часть записей была сделана по одному, а часть — по другому прозвищу. Например, Dauska и Zikkuse в Рнуге; Helmo и Punso в Карузе. Здесь Dauska Tomas и Zikkuse Tomas — одно и то же лицо.

Иногда чаряду со старым прозвищем у лица или семьи имелось прозвище, связанное с родом его занятий. Например: Ruga Mick и Raudseppa Mick. Raudsepp — кузнец. Наиболее часто встречающимися прозвищами, которыми заменялись старые, были Raudseppa или Seppa (кузнец), Kubjas(e) (надсмотрщик), Möller, Mölrī (мельник), Körtzi, Körtsmicko, Kabanicko (корчмарь). Но это не являлось правилом. В рассматриваемое нами время прозвища и род занятий в большинстве случаев уже утратили связь.

Барщинники и люди без определенного рода занятий иногда назывались по прозвищам своих дворохозяев. Чаще всего батрак в таких случаях описывался как батрак такого-то. Например: Hanso Jaani Marti sullane (батрак) Tomas. Мужа дочери, поселившегося у своего тестя, называли иногда по прозвищу последнего. Часто менялись и прозвища приемышей. В Южной Эстонии иногда менялись и прозвища некоторых совладельцев-пришельцев и лострейберов (на прозвища коренных дворохозяев).

В большинстве случаев изменялись прозвища переселенцев. Но это не относилось к жителям соседних приходов, за которыми часто сохранялись их прежние прозвища. "Чужаки" из дальних приходов или неэстонцы часто носили прозвища, образованные от мест их происхождения. Появились, например, такие прозвища, как Venne, Vennelaise (русский), Letti, Letlase (латыш), Rotzi, Rootsi (швед), Saare, Saarlase (житель о. Сааремаа), Nio, Niidlase (житель о. Хийумаа), Muhu, Muhho (житель о. Муху) и т. д. Часто такие прозвища сохранялись и за потомками этих переселенцев.

Кроме перечисленных случаев изменения прозвищ, встречается еще один, который представляет в сущности иной тип образования имен, свойственный только прозвищам, образованным от личных имен, т. е. от цепи имен предков. Со временем такие имена мог-

ли сокращаться, начиная с первого, например: Mardi Jürri Jaani Maddis стал называться Jürri Jaani Maddis или даже Jaani Maddis. Такой тип близок к распространенному типу образования имен у русских и шведских крестьян. Наблюдаются (хотя и редко) случаи, когда одно лицо описывалось то по обычному, а то по только что приведенному типу.

Иногда в метрических записях прозвище просто опускалось (по описке или же по сокращенной форме имени данного лица). Например, Kaura Hanso Jürri иногда записывался как Hanso Jürri. Кроме перечисленных отклонений, встречаются и явные ошибки. К ним можно отнести перемену имен. Например, Jürri Hanso Ado и Hanso Jürri Ado — одно и то же лицо; вторая форма явно ошибочная, потому что имя отца Jürri Ado было Hans.

Имеются и другие ошибки и описки. Часто, например, бывает трудно установить, имеем ли мы дело с опиской, ошибкой или какой-либо другой особенностью в образовании имен.

В ревизских сказках отклонений еще больше. Все батраки и значительное большинство проживающих на крестьянском дворе неродственных дворохозяину лиц перечислены в них без прозвищ. В ревизских сказках некоторых мыз прозвищ вообще нет и все их жители перечислены только по именам.

В инвентарях таковых ревизий указаны только имена дворохозяев, а остальные жители дворов приведены только суммарно, по категориям. К тому же прозвища дворохозяев в ревизских сказках и таковых ревизиях не всегда совпадают с прозвищами в метриках.

Из-за перечисленных отклонений и некоторых других трудностей может создаться впечатление, что идентификация лиц и семей в сельской местности Эстонии — дело безнадежное. Но это далеко не так. Во-первых, не все перечисленные отклонения встречаются в одном и том же приходе. Во-вторых, различия записей в приходах велики. Пасторы, добросовестно ведшие записи, внимательно следили за родственными отношениями своих прихожан. Частая же смена пасторов отрицательно сказывалась на качестве метрик. В-третьих, число семей и лиц, по которым отклонений не наблюда-

ется, довольно высокое. В приходах, где записи велись добро-совестно, они составляют значительное большинство. Для иденти-фикации двух или более событий в жизни многих лиц отклонения в прозвищах могли вообще не играть никакой роли. Например:

Jaako Henriko Towwer (Towwer) был сокращенно назван Henriko Towwer. Его дочь Anno родилась 2 апреля 1769 года и вышла замуж 13 октября 1793 года. В обеих записях она упоминается как Henriko Towwri t. (дочь) Anno. То, что большинство записей по этой семье сделано под прозвищем Jaako, не мешает вычислить возраст Anno при ее вступлении в брак. В четвертых, имеется ряд способов установить параллельно употребившиеся и изменявшиеся с течением времени прозвища и доказать, что семья, известная под двумя (или тремя) прозвищами, — одна и та же. В некоторых случаях пасторы сами указывали на тождество семей, известных под разными прозвищами.

Забегая вперед, отметим, что при проведении ВИС можно получить данные о семьях и о демографических событиях, происходящих в каждой семье. Исходя из основной формы записи эстонских имен и принимая во внимание, что выпадение средних членов имени является нормальным процессом, проводится предварительное ВИС (первый круг ВИС). Затем семейные карточки рассортировываются по деревням. Эстонские деревни в большинстве случаев были небольшими, с населением от нескольких десятков до нескольких сотен человек (редко более 200 человек). Так, например, в 1782 г. в приходе Карузе самая многолюдная деревня Петаалузе (мыза Матсалу) имела 172 жителя (без лострейберов). Одновременно в одной деревне могло проживать от нескольких до 40 — 50 семей. Их сопоставление — не слишком сложная задача. При сопоставлении в первую очередь сравниваются имена мужа и жены. Если они в двух семьях одинаковые, то затем сравниваются плодотворный возраст жены, даты рождения и смерти (если они известны) всех членов семьи и прочие демографические события, происшедшие в жизни семьи. Затем сравниваются данные по другим источникам (ревизским сказкам, гаковым ревизиям), если таковые имеются. Как известно, в большинстве случаев можно с высокой степенью достоверности установить тождество семей с раз-

ными прозвищами (или чаще всего случаи, когда опущено одно прозвище). Например, в деревне Меэльва (мыза Матсалу, приход Карузе) после проведения "первого тура" ВИС появились две семейные карточки: Wabi Simo Jürri (жена Eed) и Simo Jürri (жена Eed). Так как имена мужа и жены в обеих карточках совпадали, то по правилам "второго тура" ВИС следова-

ло сопоставить и другие данные по семейным карточкам.
Wabi Simo Jürri венч. 7/XII 1745 г. Simo Jürri-жена: Jaani Mihkle Jürri t. (дочь) жена: Edo
венч. ум. 15/I 1794 г.

Дети: Jaani род. 1/У 1752 г., ум. 7/У 1752 г.
Eed " 27/П 1754 г.
Hans " 12/У 1757 г., ум. 23/IX 1757 г.
Tõnnis " 2/XII 1758 г., венч. 8/XII 1779 г.
Reet " 17/X 1762 г.
Ann венч. 25/XI 1767 г.
Eed венч. 1/XI 1775 г.
Reet венч. 18/X 1786 г.
Ann род. 30/УШ 1747 г.
Marri " 8/X 1749 г., венч. 16/X 1776 г.

Вероятность случайного совпадения в данном случае чрезвычайно мала. Eed и Edo — две формы одного и того же имени. Если вероятность появления имени Jürri $p_1 = 0,2$ (в действительности значительно меньше) и Edo $p_2 = 0,2$, то двух нетождественных пар с совпадающими именами мужа и жены в данной деревне $p_1 \cdot p_2 = 0,2 \cdot 0,2 = 0,04$. Наличие трех детей в двух разных семьях с одними и теми же именами $p_3 + p_4 + p_5 = 0,2 + 0,2 + 0,1 = 0,5$, по всем пяти именам: $(p_1 \cdot p_2) \cdot (p_3 + p_4 + p_5) = 0,02$.⁷⁰ Имеется, однако, еще ряд показателей — даты рождения Ann и Marri относятся к периоду после венчания Jürri и Edo и до рождения Jaani'а. Данные о рождении и венчании

⁷⁰ Цифры 0,2 и 0,1 произвольные, вероятность встречаемости имен в разных приходах разная, но никогда не более 0,2.

Bed, Reet и Ann хорошо согласуются. Случайность всего этого, т. е. гипотеза о наличии двух разных семей, не более

$0,0001 \left(\frac{1}{10000} \right)$, т. е. ничтожна. Вероятность того, что обе карточки относятся к одной семье, близка к 1 (выше 0,9999).

Если принять во внимание, что опускание (по ошибке или в описке или же в виде сокращенной формы) коренного прозвища — одна из встречающихся "аномалий", то вполне очевидно, что две семейные карточки (Wabi Simo Jürri и Simo Jürri) описывают одну реально существующую семью. Данные обеих карточек перенесены на один семейный бланк.

После такого отступления от системы эстонских имен перейдем к восстановлению истории семей по эстонским метрикам в ХУП и ХУШ вв. Для ВИС служат записи крещений, погребений, венчаний, сделанные в большинстве случаев на немецком или эстонском языке или же частично на немецком и частично на эстонском. Довольно часто для некоторых выражений или сокращений пасторы употребляли латинский язык. В шведских приходах (например, в Ноароотси) записи велись на шведском языке.

Проводить ВИС можно несколькими способами: 1) составить карточки по каждому демографическому событию (крещение или рождение, погребение или смертный случай, венчание), а затем на их основе семейные карточки (бланки); 2) составить списки демографических событий и на их основе семейные бланки; 3) семейные бланки заполнить прямо по метрикам; 4) составить массивы перфокарт машинной обработки (одна перфокарта на каждое событие), дальнейшая их обработка будет проводиться на ЭВМ по особой программе. Возможны комбинации различных способов и некоторые видоизменения в ходе обработки источников.

Ниже будут рассмотрены первый способ (и близкий к нему четвертый).

В первую очередь, на отдельную карточку или на отдельный бланк записывается каждое крещение, каждое погребение и каждое венчание. Во Франции, например, для регистрации крещений употребляются розовые, для регистрации венчаний белые, а погребений — зеленые бланки.

На карточки рождения (крещения) записываются следующие сведения: прозвище и имя отца, имя ребенка, имя матери (если дано), дата рождения или крещения (если имеется дата рождения, то дату крещения можно не писать), место жительства семьи во время крещения, пол родившегося ребенка (если его нельзя установить, поставить вопросительный знак) и прочие сведения (если они имеются, например, социальное положение или занятие отца, его национальность или религиозная принадлежность и т.п.).

На карточки смертей (погребений) записываются следующие сведения: прозвище и имя умершего, дата похорон или смерти (если имеется дата смерти, то дату похорон можно опустить), место смерти, пол и возраст умершего (если имеется) и другие сведения (если они имеются).

На карточки вступления в брак записываются прозвища и имена будущей супружеской пары, дата венчания, название деревни и (или) мизы, где жили жених и невеста до вступления в брак, и другие имеющиеся сведения. Для невест (меняющих затем свои прозвища на прозвища мужей), кроме того, составляются вспомогательные карточки (не обязательно).

Если все события записаны, то карточки рассортировываются по прозвищам. По эстонской системе за прозвище принимается первый член в цепи имен.

Например: Ruga Hanso Jaan. Прозвище — Ruga;
Hannuse Jürri Jaan. Прозвище — Hannuse.

Если в записи о каком-то событии не обозначено прозвище, то карточки о таких событиях систематизируются отдельно.

Картотека (всего их 4: крещения, похороны, венчания, сведения о невесте) по каждому событию подразделяются на подкартотеки по прозвищам. Следующий шаг зависит от количества карточек в подкартотеке: если карточек меньше тридцати, то их целесообразно больше рассортировывать. Если же их больше тридцати, то лучше всего карточки в подкартотеке рассортировать по датам, начиная с наиболее "ранней даты".

Семейный бланк имеет следующие графы: серия и номер бланка, прозвище (мужа), даты начала и конца брака, продолжительность брака (в годах), место заключения брака (приход), мес-

то жительства (мыза и деревня), прозвище и имя мужа и жены, данные о профессии (занятии) до и во время семейной жизни, место рождения мужа и жены и их место жительства до заключения брака, какой по счету (первый, второй, третий и т. д.) брак, даты рождения и смерти мужа и жены, их возраст при вступлении в брак, при смерти и при окончании брака. Дата вступления в новый брак, имя и прозвище новой жены (нового мужа) и промежуток (в месяцах) между окончанием прежнего брака и вступлением в новый. Так как в те времена окончанием брака считалась смерть одного из супругов, то промежуток между двумя браками охватывал время, прошедшее после смерти одного из супругов до заключения нового брака (нового венчания). Затем следуют данные о детях: их имена, пол, какой по счету (первый, второй, третий ребенок), даты их рождения, смерти и вступления в брак, а также их возраст при смерти (в годах, не старше одного года - в месяцах, не старше одного месяца - в днях) или при вступлении в брак (в годах), имя мужа (жены) и номер семейного бланка. Даты смерти детей отмечаются в семейном бланке только в том случае, если они умерли до вступления в брак. Если же они имели свои семьи, то их данные (даты рождения и вступления в брак) заносятся в новые бланки, где отмечаются дата и их возраст при смерти.

Кроме того, в семейном бланке отмечаются данные, необходимые для определения плодовитости: промежуток между вступлением в брак и рождением первого ребенка, между рождениями первого и второго ребенка и т. д. (в месяцах), возраст матери при родах (в полных годах), на который год брачной жизни родился ребенок. Затем часть этих данных суммируется. Приводятся данные, сколько лет жена прожила в замужестве в 5-летних возрастных группах, охватывающих период в 5 лет (15 - 19, 20 - 24, 25 - 29 и т. д.), в плодovitом возрасте (последняя группа - 45 - 49), и сколько детей родилось у нее за это время. Те же самые данные приводятся по годам, прожитым в браке (первые пять лет, 5 - 9, 10 - 14 и т. д.). При вычислении возраста принимаются во внимание только полные годы. Первый пример: ребенок родил-

ся 20 ноября 1716 г., а умер 18 ноября 1720 г. Его возраст при смерти - 3 года. Второй пример: ребенок родился 15 апреля 1718 г., а умер 12 июля 1718 г. Его возраст при смерти - 2 месяца. Третий пример: ребенок родился 10 мая 1735 г., а умер 8 июня 1735 г. Его возраст при смерти - 29 дней $(31-10)+8=21+8=29/$.

Сказанное относится и к вычислению промежутков в месяцах (в этих случаях счет ведется по полным месяцам).

Заполнение семейных бланков целесообразно проводить следующим образом. По данному прозвищу (например, Адо надо взять все карточки венчания за первые 15 изучаемых лет (если изучение начинается с 1685 г., то за 1685--1699 гг.). Затем заполнить следующие графы: прозвище (мужа), начало брака (дата венчания), место заключения брака (приход), прозвище и имя жениха и невесты и их место жительства до венчания, их занятие до венчания. За те же 15 лет систематизируются по имени отца карточки рождения (крещения). Внебрачные дети систематизируются отдельно. Затем по именам рассортировываются карточки по погребениям, также образующие группы.

По одному приходу и по одному прозвищу за пятнадцать лет редко бывает более ста карточек. По прозвищу и по имени отца совпадает не более двадцати карточек. Поэтому дальнейшее их сравнение не представляет особенных трудностей, так как всего требуется просмотреть несколько десятков карточек (обычно не более 20).

После этого надо установить, не умер ли за 15 лет кто-либо из вступивших в брак. При этом, конечно, могут иметь место и неверные определения. Поэтому следует принимать во внимание все имеющиеся в нашем распоряжении факты. Если все имена и место жительства совпадают, то смерть данного лица можно считать весьма вероятной. Далее необходимо проверить, не вступил ли муж умершей (или жена умершего) в новый брак. Если это действительно произошло, то смерть данного лица можно записать в семейный бланк. При этом вычисляются продолжительность брака (в годах) и промежуток времени между его окончанием и вступлением в новый брак (в месяцах). Полученные результаты заносятся в семейный бланк. Другой показатель, подтверждающий смерть одного из супругов, - это отсутствие после даты смерти записей о рождении

детей в семье (если жена в фертильном возрасте). Если жена умерла, то детей после ее смерти не может быть (если записи ведутся по крещениям, то ребенка иногда могли окрестить в течение недели и в редких случаях – в течение месяца после смерти матери). После же смерти отца ребенок может родиться в течение девяти месяцев.

Следующим шагом в ВИС будет определение принадлежности детей к семьям. При этом могут иметь место два случая: 1) имя матери не отмечается в карточках по крещениям; 2) имя матери в этих карточках отмечается. Первый случай более сложный; если встречаются отцы с одним и тем же прозвищем и именем, проживающие в одно и то же время в одной и той же деревне; но очень редко при этом совпадают имена их жен (матерей детей). Особенно сложны первые 15 лет наблюдения: при отсутствии данных о семьях, которые образовались до периода наблюдения, возможны ошибки и неверные определения. Рассмотрим первый случай. При идентификации в данном случае большую роль играет прозвище. Если прозвище состоит из нескольких членов и они совпадают как в записи венчаний, так и в записи отца окрещенного ребенка, то вероятность того, что записи относятся к одной и той же семье, очень велика и имя ребенка с датой рождения записывается в семейный бланк. Приведем пример: Nio Jaani p. Michel женился 20 октября 1738 года на Tuliki Hanso t. Anno. 12 марта 1740 года имеется запись о крещении ребенка Nio Jaani Michli p. Hans. Nio Jaani Michel в обоих случаях отмечен в одной и той же деревне. Вероятность того, что в данной деревне имеется второе лицо с тем же самым именем (Nio Jaani Michel), ничтожна.

Как уже упоминалось выше, для эстонских имен свойственно сокращение прозвища. Так, со временем Nio Jaani Michel будет записан как Nio Michel (напр.: Nio Michli t. Eed крещ. 5 мая 1742 г.). Вероятность наличия второго Nio Michel 'я гораздо большая. Поэтому в таких случаях необходимо выяснить, можно ли по метрическим данным установить наличие второго лица с тем же прозвищем и именем в данной деревне (напр., Nio Michel). Устанавливается это следу-

щим образом: при просмотре записей ищут, нет ли записей о смерти двух человек с тем же самым именем и прозвищем. Если они имеются, то можно ли предполагать, что их демографически активные периоды жизни полностью или частично совпадали; имеются ли другие записи, свидетельствующие о наличии двух таких лиц (смерть жены, рождение детей у лиц с одним и тем же прозвищем и именем в течение коротких – до 7 месяцев – промежутков, наличие разных форм более подробных записей: напр., Nio Jaani Michel и Nio Mardi Michel и т. д.). Если их нет, то можно считать, что в рассматриваемые пятнадцать лет существовал только один человек под данным именем и прозвищем, и соответствующие данные из записей о рождении детей (имена детей и даты их рождения или крещения) необходимо перенести в семейный бланк.

Если же установлено наличие двух лиц с одним и тем же прозвищем и именем, проживающих в одной и той же деревне, у которых к тому же совпадает демографически активный период (полностью или частично), и если нельзя установить, как распределяется рождение детей между двумя семьями, то данные о детях следует занести в особый семейный бланк. На бланке написать "временный" и указать возможные семьи, к которым дети могут принадлежать. В дальнейшем может появиться возможность сделать соответствующие уточнения при сравнении с другими источниками (например, с ревизскими сказками).

Во втором случае дело обстоит значительно проще. Вероятность того, что мужья и жены двух семей имели одинаковые имена и жили в одно и то же время в одной и той же деревне (к тому же в демографически активный период жены), очень мала, примерно в десять (или более) раз меньше, чем в случае, если нам известно только имя мужа. Поэтому, если прозвище и имя мужа и жены на семейном бланке совпадают с прозвищами и именами отца и матери на карточке рождения (крещения), то имена детей и даты их рождения (крещения) записываются в соответствующую графу семейного бланка.

Последним шагом будет занесение на семейные бланки сведений о похоронах (смертных случаях). И в этом случае могут

иметь место два варианта: 1) при записи похорон отсутствует отметка о возрасте покойника; 2) такая отметка имеется. Эти варианты не так сильно отличаются друг от друга по той причине, что возраст покойника в большинстве случаев дан приблизительно. Так как смертные случаи среди лиц, вступивших в брак, уже определены, то все внимание следует сосредоточить на детях. Их идентификацию облегчает то обстоятельство, что записи погребения детей ведутся следующим образом: дается прозвище и имя отца, сын это или дочь, затем имя ребенка. Конечно, и здесь необходимо соблюдать правила предосторожности, описанные при обработке записей о рождении детей. Даты смерти записывают на семейном бланке, вычисляют возраст умершего и заносят в соответствующую графу. Возраст в один год и старше пишется в полных годах, от одного до одиннадцати месяцев — в месяцах, до одного месяца — в днях. Запись возраста в месяцах и днях можно вести двойкой: 5 м., или 0,5 (0 годов, пять месяцев); 16 д., или 0.0.16, т. е. 0 годов, 0 месяцев, 16 дней. Автор пользовался вторым способом.

Большое число рождений и смертных случаев падает на семьи, образованные до того, когда начинаются записи в метрике, или же в других приходах. Поэтому семейные бланки необходимо завести и на те семьи, даты венчания в которых неизвестны. Такие бланки лучше хранить отдельно и перед номером бланка поставить букву Е или В (Б). Бланки серии Е заполняются по записям о крещениях и похоронах, которые (с соблюдением уже описанных правил предосторожности) предварительно сортируются по имени отца (мужа). В эти же бланки записываются имена детей, вступивших в брак, даты венчания, имена жениха или невесты и номера их семейных бланков.

До сих пор допускалось, что семьи не меняли своего места жительства в пределах прихода (за пределами прихода наблюдение обычно прекращалось). Однако это не всегда было так. Поэтому после заполнения семейных бланков следует проверить возможность переселения семьи. Например, один ребенок родился в одной, другой — в другой деревне. Переселение считается доказанным, если нет противоречивых данных. Изменение места жительства отмеча-

ется в бланке.

Имеющиеся данные о социальном положении семьи также записываются в семейные бланки. При этом отмечаются и годы, за которые такие сведения имеются.

Обработка материала за следующие пятнадцать лет производится в описанном выше порядке. В отличие от первых пятнадцати лет теперь в первую очередь проверяют, не относятся ли записи крещений и похорон к членам таких семей, на которые уже заведены семейные бланки. Если это так, то в семейных бланках делаются соответствующие записи в предназначенных для этого графах. Кроме того, проверяется, не вступил ли кто-либо из детей, родившихся в предыдущие пятнадцать лет, в брак. Нередко новые записи помогают выяснить некоторые спорные вопросы, возникшие на предыдущем этапе. Если кто-либо из детей вступил в брак, в его семейный бланк записывается дата его (ее) рождения, его (ее) возраст при вступлении в брак. Дата венчания и возраст вступившего в брак, а также прозвище, имя и номер семейного бланка его партнера записываются в том семейном бланке, где было отмечено их рождение (т. е. в семейном бланке их родителей).

Обработка данных за третье и следующее за ним пятнадцатилетие ничем не отличается от обработки записей за вторые пятнадцать лет.

Закончив обработку записей первого прозвища, можно приниматься за обработку записей второго прозвища и так до последнего (по алфавиту) прозвища.

Если записей по данному прозвищу немного, а также при наличии некоторого опыта, материал можно обрабатывать без разбивки на пятнадцатилетние стрелки времени.

В результате "первого тура" ВИС образуются две картотеки семейных бланков: 1) картотека бланков с известной датой венчания; 2) картотека бланков с неизвестной датой венчания. Во Франции бланки первой картотеки обозначены буквой М, второй — буквой Е.

Особенности эстонского материала, точнее, неустойчивость прозвищ у части населения, требуют проведения "второго тура"

ВИС: так называемой системы идентификации семей (СИС).

Для СИС, или "второго тура", определяется несколько дат. Промежуток между этими датами может быть от 10 до 20 лет. Бланки сортируются теперь по выбранной дате и по местам жительства (деревням) и по имени мужа (Abram, Hans, Jaak, Jaan, Jütti и т. д.). Затем сопоставляют те бланки, в которых имена мужа и жены совпадают, и проверяют, совпадает ли время их проживания в данной деревне (или мызе). При положительном результате проверяют, совпадают ли другие данные. Если часть из них (например, имена детей) совпадает, то выдвигается гипотеза, что в двух (иногда в трех или даже в четырех) бланках описана одна и та же семья. Если нет фактов, противоречащих этой гипотезе, считается, что реально существовала только одна семья. Записи переносятся в один бланк. При наличии бланка с датой венчания он и будет новым единым семейным бланком. Если нет бланка типа М, то за основу берется бланк типа Е (Б) с наибольшим числом записей.

Несколько слов о записи дат. Во французских бланках даты записываются так: день, месяц и год. Например: I6.II.I747 — 16 ноября 1747 года. Автор пользовался другим порядком: I747 II I6, который несколько облегчает вычисления. Неплохо обозначать месяц римскими цифрами: I6. XI I747. Такая форма записи уменьшает вероятность ошибок.

Если по данному приходу сохранились ревизские сказки, то целесообразно сопоставить с ними семейные бланки. Для этого рассортированные по деревням (или мызам) семейные бланки сопоставляются с ревизскими сказками. Так как прозвища в семейных бланках и ревизских сказках не всегда совпадают, то лучше сначала отобрать все совпадающие по прозвищам семьи, а затем уже путем сравнения имен и возрастов мужа, жены и детей установить их идентичность. После этого можно приступать к сопоставлению тех семей, у которых прозвища не совпадают или у которых в ревизских сказках прозвищ нет. В последнем случае семьи идентифицируются по именам и возрастам мужа, жены и детей. Возможность пользоваться данными ревизских сказок имеет большое значение для дальнейшей работы с семейными бланками. Во-первых,

по ревизским сказкам можно установить наличие или отсутствие людей, жизненный путь которых не закончен, а также закончить наблюдение на дату какой-то ревизии, считать все браки условно законченными на эту дату и приступить к вычислениям; во-вторых, ревизские сказки позволяют (хотя бы приблизительно) установить возраст многих жителей прихода, у которых он в семейных бланках отсутствует; в-третьих, в некоторых случаях можно уточнить (особенно у вновь прибывших и у семей, которые временно проживали в других приходах) состав семьи; в-четвертых, в некоторых случаях можно внести ясность в вопросы, которые по данным метрик (по семейным бланкам) остались неясными.

В свою очередь, по семейным бланкам можно точно установить возраст большинства людей, перечисленных в ревизских сказках, уточнить в некоторых случаях их действительные связи, выявить пропуски в записях и т. д.

Если иметь в виду дальнейшую разработку вопросов исторической демографии на эстонском материале, то особенно перспективным является совместное использование метрик и ревизских сказок за период с 1750-го по 1850-й (1860-й) г. За эти годы сохранилось довольно много метрик без пропусков, в несколько раз больше, чем за предыдущее время. К затрудняющим работу явлениям можно отнести введение фамилий, переход части населения в православную веру и все возрастающую подвижность сельского населения.

Сопоставление семейных бланков с ревизскими сказками можно условно считать "вторым туром" СИС или "третьим туром" ВИС.

Многие факты (возраст, состав семьи) в некоторых случаях можно уточнить или установить с помощью данных метрик соседних приходов. Если же имеются персональные книги или списки жителей прихода, то можно воспользоваться и ими.

Использование данных из метрик соседних приходов имеет свои особенности. Полное сопоставление — очень трудоемкая операция, а полученные результаты часто не оправдывают себя. Поэтому лучше пользоваться материалом из метрик соседних приходов следующим образом. Из картотеки семейных бланков Е (В;

В) отбирают бланки, в которые вписаны имена по меньшей мере трех детей. Принимая во внимание место жительства семьи и дату рождения первого ребенка по метрике данного прихода, проверяют, не был ли заключен брак в церкви соседнего прихода, наиболее близко расположенной к месту жительства семьи, за 1-3 года до рождения первого ребенка. Если венчание данной пары записано в метрике соседнего прихода, то, найдя полное прозвище, имя и место жительства невесты, часто удается найти и дату ее рождения. Семейный бланк из картотеки Е (В; Б) переносится затем в основную картотеку.

Сопоставление семейных бланков с персональными книгами делается примерно таким образом, как сопоставление семейных бланков с ревизскими сказками. А так как персональные книги составлялись самими пасторами, то при сопоставлении с ними семейных бланков либо совсем не возникает трудностей, либо возникает, но мало.

Семейные бланки при дальнейшей их обработке подразделяются на несколько типов.

В 1958 г. Л. Анри разработал следующую схему подразделения семейных бланков основной картотеки⁷¹ (т. е. картотеки, где в бланках имеется дата венчания):

	Возраст жены точно извест- тен ^{XX}	Возраст жены приблизи- тельно извест- тен ^{XXX}	Возраст жены не- известен
Дата окончания брака ^X известна	I	II	III
Дата окончания брака неизвестна	IV	V	

^X Дата окончания брака - дата смерти одного из супругов.

^{XX} Дата рождения или крещения жены известна.

^{XXX} Главным образом по оценке возраста при записи похорон.

⁷¹ Gautier, E., Henry, L. La population de Crulai, paroisse normande, с. 92-93.

Получается пять типов семей, которые подразделяются еще на два подтипа: А и В. Если даты рождения (крещения) всех детей известны, то семья принадлежит к подтипу А. Если дата рождения (крещения) хотя бы одного ребенка неизвестна, то семья принадлежит к подтипу В. Все семьи по этой схеме подразделены тем самым на 10 подтипов: IA, IB; PA, PB; PA, PB; IVA, IVB; UA, UB.

В 1970 году Л. Анри внес в эту схему некоторые изменения, особенно в систему обозначений. Приводим эту систему по его статье, опубликованной в 1972 г.⁷² М - бланки семей, у которых дата заключения брака (венчания) известна; Е - бланки семей, у которых эта дата неизвестна; F - бланки семей, у которых дата окончания брака известна; O - последняя дата неизвестна. Итак, MF - бланки семей, у которых и начало, и конец брака известны; EO - бланки семей, у которых и начало, и конец брака неизвестны, и т. д.

Бланки картотеки М подразделяются следующим образом:

Возраст жены точно извест- тен	Возраст жены приблизительно известен		Возраст жены неизвестен
	по акту венчания	по записи похорон	
ME	MI	MI	MI
MO	MIU	MU	MUI

Эти типы в свою очередь подразделяются на подтипы А и В.

По эстонским материалам в эту систему можно внести следующие изменения:

- MI' и MIU' - возраст жены известен по метрикам соседних приходов;
 MI'' и MIU'' - возраст жены известен по ревизским сказкам;
 MI''' и MIU''' - возраст жены известен по дате рождения (крещения) в персональной книге;

⁷² Henry, L. Fécondité des mariages dans le quart sud-ouest de la France de 1720 à 1829, с. 621.

MI" и MU" - возраст жены известен по оценке ее возраста в годах (или в годах и месяцах) в персональной книге.

Кроме бланков с естественным концом брака (в исследуемое время почти исключительно из-за смерти одного из супругов), можно пользоваться еще и бланками с "искусственно" законченным наблюдением. У зарегистрированной ревизией (в ревизских сказках) семьи дату ревизии можно считать концом наблюдения. Такие бланки можно снабдить пометками M'I, M'II или M'III (обобщающие - MF') или сокращенно 'I, 'II, 'III.

Семейные бланки, которые оборвались (или находились под наблюдением) по меньшей мере до 45-летнего возраста жены, называются еще семейными бланками с законченным фертильным периодом (ЗФП).

Следующая операция - распределение семейных бланков по типам. Тип указывается на бланке. Если картотеки M и E хранятся отдельно, то можно указывать только номер типа: I (вместо MI). При необходимости обозначаются соответствующими знаками и другие дополнительные сведения: например I' (вместо MI'), II' (вместо MII') или 'I (вместо M'I). В соответствии с этим определяются и записываются и подгруппы: IA, IB и т. д.

Для подсчета демографических показателей пользуются обычно бланками M.

Для вычисления фертильности (плодовитости) пользуются семейными бланками типов IA (включая I'A, 'IA, I''A, IA'') и PA, даже IYA и YA. Бланки типов IYA и YA имеют самостоятельное значение только в том случае, если срок наблюдения сравнительно короткий.

Для вычисления среднего промежутка между рождением детей, кроме перечисленных бланков типа IA, PA, IYA, YA, можно пользоваться еще бланками типа IIIA. Бланки подтипа B (IB, IB и т. д.) при вычислении плодовитости и средних промежутков между рождениями детей исключаются.

При вычислении других показателей (среднего возраста при смерти, среднего возраста при вступлении в брак и т. д.) пользуются всеми бланками обеих карточек (картотеками M и E; подтипами A и B).

Ниже будет обращено внимание на следующие возможности использования материала семейных бланков для вычисления: 1) плодовитости, 2) продолжительности брака, 3) возраста при вступлении в брак, 4) возраста при смерти, 5) миграции семей и отдельных членов семей, 6) социального положения семьи.

Кроме этих вопросов, пользование семейными бланками, особенно в совокупности с другими материалами, позволяет изучать расселение населения и родственных групп, определять или уточнять численность населения и его половой и возрастной состав, отношения между семьями и некоторые отношения между членами одной семьи в прошлом и т. д. Из этих вопросов только определение и уточнение численности населения и его полового и возрастного состава имеет в данном случае более важное значение и рассматривается ниже.

Плодовитость по возрастным группам, или по годам урожая, вычисляется по формуле $f_n = \frac{\sum N_n}{\sum A_n}$ или $f_n = \frac{N}{A}$, где f - плодовитость; N - количество рождений (детей); A - количество лет, прожитых женой (женами) в браке; n - возрастная группа (или группа по годам, прожитым в браке). Каждая возрастная группа жен включает обычно пять лет: 15 - 19, 20 - 24, 25 - 29, 30 - 34, 35 - 39, 40 - 44. Иногда выделяется еще и группа 45 - 49.

Если женщина вышла замуж в 20-летнем возрасте, а брак оборвался из-за смерти мужа, когда ей было 37 лет, то она жила в группе 20 - 24 4,5 года ($24-20=4 + 0,5$ для уточнения потерь в месяцах), в группе 25 - 29 - 5 лет, в группе 30 - 34 - 5 лет и в группе 35 - 39 - 2,5 года ($37-35=2 + 0,5 = 2,5$).

Эти данные отмечаются в соответствующих графах в семейном бланке. В отдельной графе отмечается возраст матери при рождении детей. Например, в данном случае: 22, 24, 26, 29, 30, 33, 36. В возрасте 20 - 24 лет у нее родилось 2 ребенка, 25 - 29 лет - 2, 30 - 34 лет - 2 и 35 - 39 лет - 1. Эти данные также отмечаются в соответствующей графе в семейном бланке.

Аналогичным образом заполняются графы по годам брака.

Плодовитость вычисляется суммированием данных по всем семейным бланкам по соответствующей категории. При этом берется

во внимание и возраст женщины при вступлении в брак. Так получают следующие подгруппы (M и M = M):

- MI, MI' и MI'' - вступление в брак до 20-летнего возраста;
 MI, MI' и MI'' - вступление в брак в возрасте от 20 до 24 лет;
 MI, MI' и MI'' - вступление в брак в возрасте от 25 до 29 лет;
 MI, MI' и MI'' - вступление в брак в возрасте от 30 до 34 лет;
 MI, MI' и MI'' - вступление в брак в возрасте от 35 до 39 лет;
 MI, MI' и MI'' - вступление в брак в возрасте от 40 до 44 лет;
 MI, MI' и MI'' - вступление в брак в возрасте от 45 до 49 лет;
 MI, MI' и MI'' - вступление в брак в возрасте от 50 лет и выше.

По всем этим группам суммируется число лет, прожитых в браке, и количество рожденных детей. Затем вычисляется и общая сумма. Последние две группы можно объединить в одну (45 и выше), так как плодовитость женщин в возрасте 45 - 49 лет близка к нулю.

Такая же операция повторяется с группами MI, MI' и MI''; MIU, MIU' и MIU'' и MU, MU' и MU''.

Если бланков много, а период наблюдения длинен, тогда его можно разделить хронологически на несколько частей (например: фертильность жен в браках, заключенных в 1685 - 1710 годах, фактическое наблюдение до 1755 года и т. д.). Такие группы называются когортами.

Если имеются данные о социальной принадлежности семей, то плодовитость можно вычислить и по социальным группам. Такие группы целесообразно делить хронологически.

С плодовитостью связан другой показатель - средний промежуток между рождением детей. В семейные бланки в соответствующую графу записываются данные в полных месяцах. Первый промежуток - это промежуток между вступлением в брак и рождением первого ребенка, второй - между рождением первого и второго ребенка и т. д.

Средний промежуток вычисляется по формуле:

$$I_A = \frac{\sum I_n}{N} + 0,5,$$

где I_A - средний промежуток; n - номер интервала по порядку; I - конкретные интервалы в месяцах; N - количество интервалов (число наблюдений). n может быть записано двойкой: или $I, 2, 3...$ (т. е. первый, второй, третий и т. д. интервал) или же $0-1, 1-2, 2-3...$ (т. е. интервал между вступлением в брак и рождением первого ребенка, между первым и вторым ребенком, между вторым и третьим ребенком и т. д.). В соответствии с этим записывается: I_1 или I_{0-1} ; I_2 или I_{1-2} и т. д. 0,5 добавляется для выравнивания отклонений (I всегда в полных месяцах).

Кроме среднего интервала, выделяются еще интервальные группы: например, при рождении первого ребенка: 0 - 8, 9 - 11, 12 - 17, 18 - 23, 24 - 29, 30 - 35, 36 - 47 и т. д.; при следующих: до 9, 10 - 11, 12 - 17, 18 - 23, 24 - 35, 36 - 47 и т. д.

Особо выделяются следующие интервалы: интервал между предпоследним и последним ребенком и интервал в случае, если ребенок умер в течение первых пяти месяцев после рождения. В последнем случае промежуток отмечается в семейных бланках штрихом. Такие промежутки надо суммировать и отдельно.

Кроме фертильности, по возрастным группам вычисляется и общая фертильность, т. е. количество детей, приходящихся в среднем на один брак. Браки подразделяются на группы по количеству детей, т. е. сколько (число, %) семей бездетных (0 ребенка), сколько с одним, двумя, тремя и т. д. детьми. Некоторый интерес представляет также распределение детей по порядку рождения, т. е. сколько первенцев (число, %), вторых и т. д. детей.

Значительный интерес представляет также изучение влияния продолжительности брака на плодовитость. Большую роль при вступлении в брак играет и возраст женщин. Поэтому целесообразно сочетать оба показателя.

Вычисления проводятся аналогично вычислениям по возрастным группам. Интересно вычислить и общую (кумулятивную) плодовитость, т. е. количество детей, рожденных в браке за какой-то промежуток времени (обычно за 5, 10, 15 и т. д. лет). Для это-

го плодovitость в каждой группе умножается на 5 и итоги всех групп складываются вместе.

Общая плодovitость женщин и их возраст при вступлении в брак тесно связаны между собой.

Большое значение имеет и возраст мужчин при вступлении в брак.

Возраст при вступлении в первый брак берется из соответствующей графы у детей, родившихся во время брака их родителей. Пользование этой графой почти исключает возможность включения повторных браков.

При вычислении среднего возраста к итогу добавляется 0,5. Кроме средней арифметической, браки целесообразно группировать по возрасту или возрастным группам.

Если возраст при вступлении в первый брак определяется по графе детей, то соотношение возрастов супругов определяется по графе мужа и жены. При этом вычисляется и среднее отклонение возрастов супругов. В эстонских условиях муж обычно старше жены, поэтому возраст жены вычитается из возраста мужа.

В верхнем углу семейных бланков имеется отметка о продолжительности брака. По этим данным производится вычисление средней продолжительности брака и группировка браков по продолжительности. При этом следует обратить внимание на то, что в расчет принимаются только браки с естественным концом. Браки, по которым наблюдение прекращается условно (по состоянию на дату проведения ревизии), в расчет не принимаются.

Во многих случаях после прекращения брака (после смерти мужа или жены) один из супругов вступает в новый брак. Промежуток между двумя браками, т. е. между прекращением старого и заключением нового брака, в полных месяцах отмечается в семейном бланке. Данные о мужчинах и женщинах суммируются отдельно. Как и в предыдущих случаях, некоторый интерес представляет и группирование промежутков между двумя браками.

В семейных бланках имеются записи о месте жительства. В них отмечается место рождения мужа и жены, их место жительства перед вступлением в брак и место жительства семьи во время брака. Конечно, по этим сведениям нельзя дать такую характеристи-

ку миграции народонаселения, какую дает современная статистика. Но некоторую картину подвижности населения по ним все же можно получить.

Хуже обстоит дело с определением смертности и вычислением средней продолжительности жизни. В семейных бланках предусмотрены особые графы для отметки возраста при смерти. В эти графы возраст записывается по мере появления необходимых данных для его вычисления, т. е. при наличии дат рождения (крещения) и смерти (похорон) или отметок о возрасте. Данные о возрасте при смерти подразделяются на точные и приблизительные. Точным считается возраст, если известны даты рождения (крещения) и смерти (похорон) данного лица. Возраст вычисляется в полных годах, у детей до одного года, но старше одного месяца - в полных месяцах, у детей, умерших до одного месяца, - в днях. Приблизительным считается возраст, если он отмечен в записи похорон, но дата рождения покойного при этом неизвестна. Такой возраст в семейных бланках дан в квадратных скобках. Приблизительным возрастом второго рода считается возраст, установленный по ревизским сказкам. Такой возраст отмечается в семейных бланках следующим образом: $\text{[} \dots \text{]}$.

Обычные современные советские таблицы о смертности и средней продолжительности жизни имеют следующие графы:⁷³ возраст в годах (x), число доживающих до возраста x лет - ($10\ 000\ l_x$), число умерших в возрасте x лет ($10\ 000\ d_x$), вероятность умереть (q_x), вероятность дожить до $x+1$ (p_x), число живущих ($10\ 000\ L_x$), число лет жизни в возрасте x лет и старше ($10\ 000\ T_x$), средняя продолжительность настоящей жизни (в годах - e_x).

⁷³ Боярский А. Я., Валентей Д. И., Волков А. Г., Дарский Л. Е., Кваша А. Я., Павлов Г. А., Сифман Р. И., Смулевич Б. Я. Курс демографии. М., 1967, с. 160 - 161.

Все эти показатели связаны между собой:

$$l_{x+1} = l_x - d_x; q_x = \frac{d_x}{l_x}; p_x = 1 - q_x; L_x = 1/2 (l_x + l_{x+1})$$

или более точно

$$L_x = 1/2 (l_x + l_{x+1}) + 1/24 (d_{x+1} - d_{x-1})^2;$$

$$T_x = \sum L_x; e_x = \frac{T_x}{l_x}.$$

В текущей исторической демографии при составлении таблиц смертности и средней продолжительности жизни пользуются также данными переписи и современной статистики о естественном движении населения.

При изучении народонаселения отдельных приходов в XVII - XIX веках необходимо считаться с данными, которые отличаются от данных современной статистики и которые имеют дело с такими небольшими совокупностями, как приходы.

Использование и критика источников

Если не принимать во внимание отдельные сведения и сообщения современников, законодательные акты и т. д., то источники XVII и XVIII веков подразделяются, как мы уже видели, на три большие группы: 1) инвентари земельных ревизий (гаковых ревизий, инквизиций и т. д.); 2) ревизские сказки при ревизии душ; 3) метрические записи (о крещениях, похоронах и венчаниях). В последнюю группу входят также персональные книги, списки конфирмирующихся и прочие записи пасторов.

Рассмотренные выше методические приемы ВИС и СИС основаны на принципе исключения несоответствующих записей или семей. В ходе работы неидентифицированного материала становится все мень-

⁷⁴ Боярский А. Я., Валентей Д. И., Волков А. Г., Дарский Л. Е., Кваша А. Я., Павлов Г. А., Сифман Р. И., Смуглевич Б. Я. Курс демографии. М., 1967, с. 144.

ше и меньше. В конце концов его можно с соответствующими оговорками (на уровне гипотезы) присоединить к одной или нескольким имеющимся семьям или же вполне определенно установить наличие еще одной семьи (в большинстве случаев только временно находившейся на территории данного прихода). В первом случае записи в бланках сопровождаются вопросительным знаком и исключаются (по крайней мере до появления новых фактов) из исчислений.

Обработку источников, исходя из поставленных целей и различного материала, необходимо дифференцировать.

Можно, конечно, ограничиться и той частью населения, у которого неустойчивость прозвищ проявляется слабо. Но это приведет к известному искажению общих выводов: поступая таким образом, мы, в сущности, делаем выборку, в которой доля дворохозяев будет значительно выше, чем в генеральной совокупности. Поэтому, а также по некоторым другим соображениям (проверка численности населения, восстановление структуры семей, составление когорты для изучения смертности и доживаемости и т. д.) желательно как можно полнее идентифицировать лиц по записям в метриках и в ревизиях, устранив по возможности другие отклонения.

При работе с источниками следует обращать внимание на индивидуальные особенности каждого из них. Записки в метриках, их качество и полнота, особенно в XVII и XVIII веках, зависели от добросовестности лиц, производящих эти записи (пастор, кистер).

Во многих случаях записи делались на клочках бумаги, а затем переносились в метрические книги. Например, за XVIII век в метрике прихода Карузе имеется около ста записей рождений, где указаны только имя отца (без прозвища), имя матери, имя ребенка, дата и место жительства семьи. Ясно, что такие записи требуют особой обработки.

При сравнении различных источников (метрик, ревизских сказок, гаковых ревизий) по семейным бланкам можно предварительно составить список жителей на какую-то дату.

Список жителей составляется по картотекам семейных бланков

и вспомогательным спискам. Выбираются и определенные даты, на которые такие списки составляются. Целесообразно выбрать даты, близкие или совпадающие с составлением актов земельной ревизии или же ревизских сказок (при ревизии душ). Если в метриках имеются две записи, свидетельствующие о проживании данного лица в какой-то деревне, первая из которых сделана до даты "переписи" (или совпадает с ней), а вторая — после даты "переписи" (или к дате переписи), то данное лицо считается проживающим в этой деревне.

Пусть, скажем, записано, что у четы *Н е л м о Jürri Andres* и *Анна* 24 июля 1730 года родился сын *Karl*, а 15 февраля 1733 года — дочь *Mari*. *Karl* умер в 1735 году, когда его родители проживали в деревне *Keemu* в мызе *Matsalu*. Мы считаем, что *Н е л м о Jürri Andres*, его жена *Анна* и их сын *Karl* 1 января 1732 года также проживали в названной мызе и деревне. Однако это не всегда так очевидно, как в данном случае. Например, если человек родился и умер в возрасте 56 лет в одной и той же деревне, это вовсе не означает, что все эти годы он проживал в этой деревне, хотя других фактов в метриках не имеется.

Имеется и ряд единичных записей о каком-либо лице или семье. Например, рождение ребенка (нет никаких сведений об отце, кроме самого факта рождения), смерть лица (нет никаких других данных о нем), которые стоят близко к дате "переписи". В данном приходе могут жить и лица, о которых записи в метриках появились позже. Например, в семье, переселившейся около 1730 г. в деревню *Кеэму*, был сын *Тоомас*, который женился в 1740 г. Принимая во внимание, что до 16-летнего возраста мужчины в Эстонии не женились, можно считать, что он родился не позднее 1724 г. и в 1732 г. жил с родителями в деревне *Кеэму*. Это, однако, не относится к старикам в переселившихся семьях, умерших значительно позже (иногда даже через несколько десятилетий).

Составленные таким образом списки жителей прихода на основе метрик следует разделить на несколько частей. Первая — список постоянных жителей (семей за наблюдаемые годы, проживающих в деревне); вторая — список вероятных постоянных жителей (семей и

жителей, зафиксированных в некоторые годы без продолжения); третья — список временных семей и лиц, которые за наблюдаемый период меняли место жительства; четвертая — список предполагаемых (вероятных) жителей (списки 1, 2 и 3, 4 можно объединить). Последний список охватывает семьи и лица, по которым имеется одна или несколько записей в рассматриваемый промежуток времени и за пять лет до этого, и которые могли жить в данной местности даже более продолжительное время (т. е. которые не умерли, но о которых не известно, переселялись ли они в другую деревню, мызу или приход, или нет). Целесообразно зафиксировать в этих списках и возраст жителей, если он известен, на данную дату в полных годах (у детей до одного года — в месяцах).

Особенно эффективным является сопоставление списка жителей прихода, составленного по семейным бланкам (в дальнейшем метрические списки, или МС), с ревизскими сказками того же прихода. В общих чертах об этом говорилось уже выше. Здесь мы обращаем внимание на некоторые особенности этой работы, исходя из конкретных условий.

Что касается населения крестьянских дворов, то в ревизских сказках за 1782 и 1795 гг. имеются сведения об имени дворохозяина и других жителей двора, их возрасте, о месте жительства (мыза, деревня), о родственниках жителей двора. В большинстве случаев выделены лострейберские (бобыльные) хозяйства. Среди жителей двора выделены батраки, батрачки и жильцы.

По мызной прислуге и другим жителям мызы, кроме того, приведены данные об их профессии. По рубрике "свободные и чужие", кроме перечисленных данных, имеются еще сведения о юридическом статусе людей этой категории, а иногда и о месте их рождения.

В семейных бланках указаны прозвище, имя, состав семьи, даты рождения, вступления в брак и смерти (не у всех членов семьи), место жительства. У неэстонского населения в большинстве случаев указана и профессия.

Сопоставимые данные следующие: прозвище и имя дворохозяина, имена других лиц, их возраст и родственные отношения, место жительства (в ревизских сказках место нахождения крестьянского двора).

Ревизские сказки составлялись разными лицами, которые исходили при этом из разной информации и разных представлений. Поэтому в них имеются различия в качестве и объеме информации.⁷⁵

В ревизских сказках нас интересуют те различия, которые имеют существенное значение при сопоставлении их с МС.

Работа при сопоставлении значительно облегчится, если мы примем во внимание помызные различия. Большое значение для работы имеет прозвище. Если прозвище дворохозяина в ревизских сказках совпадает с прозвищем в списке жителей, первые затруднения отпадают.

Результаты такого сопоставления в приходе Карузе были следующими.

В значительной части мыз прозвища дворохозяев в ревизских сказках и МС в большинстве случаев совпадали. В некоторых же мязах имели место многочисленные случаи несовпадения. В отдельных случаях даже прозвища братьев в ревизских сказках были различными. Так, в деревне Оэкола (мыза Нехату) владельцами дворов были братья Kisa Jako Jürri и Kisa Jako Mihkel. В ревизских же сказках (= РС) они записаны как Seppa Jürri и Junkro Mihkel. Имеется и ряд отклонений. В мызе Тууди все прозвища в РС и МС различные. Вот некоторые примеры:

РС	МС
<u>Luigo Hindrik</u>	- <u>Laose Jüri Henrik</u>
<u>Koido Ado</u>	- <u>Hannusse Jani Ado</u>
<u>Kasse Nuut</u>	- <u>Hio Nuut</u>
<u>Saare Michel</u>	- <u>Mäe Jaeni Michel</u>
<u>Joeaere Frits</u>	- <u>Laisilla Writs</u>
<u>Metza Jaan</u>	- <u>Metsawahhi Jaan.</u>

⁷⁵ На некоторую разницу в ревизских сказках из разных мыз указал С. Вахтре: *V a h t r e, S. Eestimaa talurahvas hinge-loenduste andmeil (1782-1858), с. 29-34.*

Создается впечатление, что в РС мяза Тууди предпочтение отдавалось названиям хуторов.

В РС мяза Пийваротси прозвища вообще не приведены (имеется лишь одно исключение). Для ориентации по МС требуется помощь СИС.

Некоторые примеры:

РС	МС
Ado	- <u>Kaura Hendreko Ado</u>
Liso	- <u>Mihkli Jaani leak</u> (вдова) Liso
Jurri	- <u>Kaura Henriko Ado Jurri</u>
Mihkell	- <u>Johani Mihkell.</u>

Для определения прозвищ лиц, не являющихся членами семей дворохозяев, применяется СИС.

В отличие от прозвищ имена лиц, как правило, приведены точно. Конечно, можно встретить отдельные списки и употребление разных параллельных форм имен, но они редки. Так, жена Kaura Juhhan (мыза Пийваротси) в РС называется Marri, в МС - Trino. Так как Trino зафиксировано как до, так и после 1782 года, то можно предположить, что Marri - описка. Сын Olo Jürri Mihkel'я (МС) или Kulti Mihkel'я (РС) в мызе Пийваротси в МС назван Friedrich, а в РС - Fritz (разные параллельные формы).

Возраст населения в разных мязах приведен также по-разному. В некоторых мязах преобладает большая точность (до 1/4 или 1/2 года), а в некоторых возраст приведен только в полных годах.

При сопоставлении РС и МС следует учитывать и то обстоятельство, что в МС, как вообще в современной исторической демографии, возраст приведен в полных прожитых годах. В РС возраст часто определяется приблизительно. Иногда из-за неправильного понимания может возникнуть разница в возрасте в один год (например, если человек родился 21 марта 1741 г. то по МС его возраст 25 апреля 1782 г. был 40 лет, а по РС - 41 год).

Возраст местных жителей в большинстве мыз прихода Карузе по РС и МС совпадает. Отклонения в большинстве случаев были небольшими.

Создается впечатление, что при составлении РС в приходе Карузе прямо или косвенно были использованы метрики прихода.

При составлении РС родственные отношения часто не детализировались. Для установления родственных отношений за пределами крестьянского двора РС малопригодны.

В РС не различаются дети супругов от разных браков. Так, в семье Kisa Mihele Henrik'a (МС) или Kemo Endrick'a (РС) по РС есть дочь Reet; по МС она является дочерью его жены от предыдущего брака (отец ее - Hannusse Jaani Hans). В РС же она описана под рубрикой "их дети". Это - общее правило, исключений очень мало. Однако дело касается не только детей, но и родителей. Мачеха или отчим в РС, как правило, названы матерью или отцом. Например, мачеха Tõnnise Jürri Jaani Made в РС описана как его мать. Реже в РС встречаются такие ошибки, как присвоение детей одного брата другому. Так, в деревне Поанзе (мыза Саастна) дочь Michel'я присвоена другому брату - Юри (глава двора Otsa Jago Ann).

Кроме того, в процессе работы выяснились некоторые факты, указывающие на различную трактовку социальной позиции в разных мязах. Если в большинстве мыз при описании отношений между жителями крестьянского двора доминировали родственные отношения, то в некоторых мязах предпочтение иногда отдавалось фактическому социальному статусу.

В мязе Саастна прихода Карузе сыновья и братья, а иногда и зятья часто описывались как батраки. Их родственные отношения выяснялись из МС. Совпадение же возраста сводило к нулю предположение, что в данном случае были батраки, чьи имена случайно совпали с именами сыновей (братьев и т. д.), которые в РС отсутствовали.

Приведем несколько примеров по деревне Метскола (мыза Саастна):

Дворы	Имя лица	РС	МС
<u>Hinso</u> Hindricko Marret	Jaani	Батрак	Сын

<u>Seppa</u> Ado Jaani	Jaani	Батрак	Сын
<u>Helmo</u> Jorri Jaani Liso	Jürri	"	"

Другое своеобразное явление, наблюдаемое в мязе Саастна, заключалось в том, что главой двора оставался (во всяком случае на бумаге) старший хозяин или его жена (до смерти).⁷⁶ В других же мязах, если родители (особенно мать) становились нетрудоспособными, хозяином считался один из их трудоспособных сыновей.

Кроме таких своеобразий, встречаются опiski и разного рода ошибки, также вносящие немалую путаницу. Их устранение требует дополнительных (иногда довольно значительных) затрат труда.

Чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров, взятых с одной страницы ревизских сказок мязы Илдусте за 25 апреля 1782 г.

Деревня Пао		Возраст в годах
3tes Gesinde ⁷⁷ : Wirth ⁷⁸ Muste Ado		66
Sein Weib ⁷⁹	Eed	64 1/2
Seine Kinder: Sohn ⁸⁰	Ado	1
	Töchter	Ann 5 3/4
	Ewa	3 1/2
Деревня Мусте, второй двор		
	Söhne Mart	33 1/2
	Sohn Mart, sein Weib: Ann	35 1/2
	Dessen Kinder: Sohn Ado	35 1/2

⁷⁶ В ревизских сказках 1795 года в тех случаях, когда лица, упомянутые на первом месте, умерли, в тексте сказок указан новый хозяин. Это обстоятельство свидетельствует о том, что лицо, стоящее на первом месте в списке, - хозяин.

⁷⁷ Gesinde - крестьянский двор.

⁷⁸ Wirth - хозяин, глава двора.

⁷⁹ Sein Weib - его жена.

⁸⁰ Его (хозяина) дети (сын Ado).

Достаточно одного взгляда на эту страницу, чтобы сказать, что по четырем лицам сведения неверные. У Muste Ado и его жены Bei, людей преклонного возраста, не могло быть таких маленьких детей (да еще троих, с небольшой разницей в годах). Невероятно также и то, что у матери и сына был один и тот же возраст, а отец к тому же на 2 года моложе сына. Сопоставление с МС позволяет устранить такие ошибки. Иногда при этом возникают более сложные проблемы, и вопросы могут остаться без точного ответа.

Но в общем ошибок не так много (обычно I - 5%), и они в большинстве случаев при сопоставлении устраняются.

Если сопоставление РС и МС, в которых приведены имена лиц, без дополнительных сведений и возможно, то сопоставление данных гаковых ревизий и МС может быть лишь приблизительным. Как известно, при гаковых ревизиях указывается только имя дворохозяина, а о других людях двора имеются лишь количественные данные.

В МС списки лиц по семьям приведены на какую-то определенную дату (например, на дату ревизии). При этом нетрудно установить их пол, а в большинстве случаев можно точно⁸¹ или приблизительно установить их возраст. Для следующего шага необходимо знать типичную структуру эстонского крестьянского двора того времени. Эстонский крестьянский двор имел иногда сложную структуру. Часто там проживало несколько родственных семей (семьи отца, сына или сыновей, реже дочери и т. д.), реже встречались семьи дворохозяина и его братьев. Нередко, кроме семьи дворохозяина, на крестьянском дворе проживали его родственники (родители, братья, сестры, дяди, тети и т. д.). Часто, кроме родственников, на крестьянском дворе проживали батраки и батрачки, имеющие иногда свои семьи.

Зная наиболее характерные структурные особенности населения эстонского крестьянского двора и пользуясь МС, в некоторых случаях можно довольно точно (конечно, с какой-то долей

⁸¹ Верно, сравнительно точно, в пределах 10 дней.

вероятности), а в большинстве - более или менее точно составить список жителей двора.

Приведем следующий пример: по гаковой ревизии 1739 года в деревне Меэльва (Meelva) мызы Матсалу (Matsalu) в приходе Карузе приведены следующие данные о населении двора Pauli Hinrich'a: дворохозяин - I, трудоспособных сыновей и батраков - 2, хозяйка - I, трудоспособных дочерей и батрачек - I, людей нетрудоспособных (стариков и больных), женщин - I, детей до 15 лет: мальчиков - 2, девочек - 4. Всего по данным гаковой ревизии население этого двора состояло из 5 человек мужского и 7 человек женского пола.

По МС к семье главы этого двора кроме него самого, отнесли его жена, 3 сына и одна дочь. Но в той же деревне проживали еще семья брата дворохозяина и его мать. Если предположить, что и они проживали на том же дворе, то список жителей двора по ревизии 1739 года примет следующий вид:

Pawelle Jurri Hinrich, р. 24 января 1698 г., его жена Ann, ум. 8 марта 1743 г., их сыновья: Jürri, р. 24 марта 1723 г., Mihkel, р. 8 сентября 1734 г. и Jaan, р. 6 августа 1737 г., дочь Eed, р. 15 ноября 1729 г. Брат дворохозяина Pawelle Jurri Jaan, р. в 1706 г., вступил в брак 5 декабря 1731 г., его жена Marret, ум. 8 октября 1749 г., их дочери: Madle, р. 20 ноября 1734 г., Lieso, р. 12 января 1737 г., Marri, р. 21 июля 1739 г. Мать обоих братьев Marreth, ум. в 1750 г. Этот список хорошо согласуется с данными гаковой ревизии. Мужчин в списке - 5, женщин - 7, из них одна пожилая - мать дворохозяина. Детей в возрасте до 15 лет - 6: два мальчика (сыновья дворохозяина - Mihkel и Jaan) и четыре девочки (дочь дворохозяина Eed и три дочери его брата - Madle, Lieso и Marri). Трудоспособных людей - 5: хозяин, его сын, его брат, хозяйка и жена брата. По-видимому, в рубрику: трудоспособные сыновья и батраки, попал и брат дворохозяина, а в рубрику: трудоспособные дочери и батрачки - жена брата.

Итак, данные гаковой ревизии 1739 г. о населении двора Pauli Hinrich'a полностью совпадают с данными МС. Но и в этом

случае мы можем только сказать, что, очень вероятно, население данного двора имело описанный в МС состав. Полной же уверенности в этом нет. Имели место и такие случаи, когда, например, один из родственников дворохозяина числился батраком. При этом не исключалось наличие одного или даже двух приемных среди населения двора.

Во многих случаях (т. е. в крестьянских дворах) такого хорошего соответствия, как в первом описанном выше случае, не наблюдается. Несоответствие между данными гаковых ревизии и составом членов семей родственников дворохозяина, которые, вероятно, могли проживать на данном дворе, по МС может колебаться в больших пределах. При этом можно даже исходить из разных вариантов вероятного состава населения двора.

Возьмем для примера крестьянский двор Pauly Jürri в 1726 г. Это тот же самый двор, о котором шла уже речь в 1739 году.

По гаковой ревизии 1726 г. население этого двора распределялось следующим образом: трудоспособных сыновей и батраков - 3, хозяек - 2, детей до 15 лет - один мальчик и одна девочка, старых и нетрудоспособных - один мужчина и одна женщина.

Рассмотрим теперь положение по МС:

Paiewelli Jahn Jürri, ум. 24 августа 1736 г., его жена Marreth, ум. 19 февраля 1750 г. У них было два взрослых неженатых сына - Mihkel, р. 27 ноября 1703 г. и Jaak, р. в 1706 г.

По-видимому, кроме семьи дворохозяина, во дворе проживало еще много народа. Весьма вероятно, что в состав жителей этого двора входила и семья старшего сына Henrik'a, который в 1739 году фигурировал в качестве дворохозяина. Эта семья имела следующий состав:

Paewelle Jürri Henrik, р. 24 января 1698 г., его жена Ann, ум. 8 марта 1743 г., их сыновья: Jürri, р. 24 марта 1723 г. (вступил в брак в 1742 г.) и Jugkam, р. 6 ноября 1725 г., а умер 5 июня 1728 г.

Мужчин в этом дворе набирается уже 6, а женщин - всего 2 (по гаковой ревизии - 5 и 4). Рассмотрим ситуацию подробнее.

По данным гаковой ревизии в этом дворе был один нетрудоспособный (пожилой) мужчина и одна женщина. По МС это, наверно, Paiewelli Jahn Jürri и его жена. Трудоспособных мужчин по гаковой ревизии было 3, трудоспособных сыновей по МС - 3; сыновей до 15 лет по гаковой ревизии был 1, по МС - 2. Но женщин вместо 4 по гаковой ревизии в МС оказалось только 2 - жена хозяина и жена его сына Henrik'a, а девочек до 15 лет совсем нет, нет и второй трудоспособной женщины.

У Paiewelli Jahn Jürri был еще один сын - Jaak, который в конце 1725 г. женился. Его с женой Eed также можно включить в состав жителей этого двора. Тогда женщин по этому варианту будет 3, мужчин - 7. Не исключена возможность, что кто-то из этих мужчин работал батраком в других дворах, а во дворе Paiewelli Jahn Jürri могла жить девочка-приемыш или несовершеннолетняя няня.

Приведенный пример, однако, относится не к самым сложным.

Кроме описанного приема сопоставления, возможно и суммарное сопоставление. При суммарном сопоставлении сравниваются цифровые данные по деревням и мызам, полученные как по гаковым ревизиям, так и по МС. Данные суммируются отдельно по мужчинам, женщинам и детям до 15 лет (мальчики и девочки отдельно).

Наилучшие результаты получаются при сочетании обоих описанных приемов - вероятного учета населения по дворам и суммарного. При этом за исходные берутся следующие допущения:

- 1) все члены семьи дворохозяина проживают на его дворе;
- 2) если по МС имеется несколько родственных семей, из которых одна - семья дворохозяина (семья отца и семья сына или семьи сыновей; семья отца и семья дочери или семья братьев), или семья дворохозяина и отдельные родственники, численность членов которых (или семьи дворохозяина и его родственников) равна или почти равна приведенной в гаковой ревизии (включая и распределение по категориям), то считается, что все эти лица проживают во дворе дворохозяина. Все лица, которые не попали в число вероятных обитателей крестьянских дворов, вносятся в остаточный МС и суммарно сопоставляются с суммой остатков по гаковой ревизии.

Таким же образом можно поступать и с лицами, не попавшими в идентифицированные семьи в РС. Такой остаток как по МС, так и по РС сопоставляется не только суммарно, но и по графам.

Суммарное сопоставление позволяет выяснить только цифровое соответствие данных обоих источников или степень несоответствия. Комбинированное сопоставление позволяет часть населения с высокой степенью достоверности распределить по дворам, а по оставшейся части констатировать (также с высокой степенью достоверности) факт его проживания в данное время в данной деревне.

До настоящего времени описывались разные способы проверки численности, возрастного состава, имен, социального статуса, структуры населения крестьянских дворов и других показателей народонаселения. Кажется, что эти показатели не относятся к тем вопросам, которые рассматриваются при анализе естественного движения народонаселения. Но это далеко не так. Для выяснения средней продолжительности жизни (доживаемости) и воспроизводства народонаселения необходимо знать возрастную структуру населения, его семейное состояние, а также (для оценки вероятности постоянного проживания) структуру населения крестьянских дворов. Так как эти задачи не разрешены, в настоящей работе им посвящены соответствующие разделы. Кроме того, как мы увидим ниже, знание этих фактов, а также трудоемкая предварительная работа необходимы и для оценки источников и фактов, непосредственно относящихся к естественному движению народонаселения.

Полнота отражения рождений (при записи крещений), смертных случаев (при записи похорон) и случаев вступления в брак (при записи венчаний) в разных приходах сельской местности Эстонии различная. Можно привести в пример целый ряд приходов для критики этих источников.

Начнем с простейших. Первый из них — установление пропусков. Для этого следят за записями в метрике и выясняют месяцы, по которым записей нет. При этом сопоставляют записи крещений, похорон и венчаний, принимая во внимание сезонность этих явлений. Если за один или более месяцев записей по этим трем

видам нет, то наличие пропуска несомненно. Если за один или несколько месяцев наблюдается пропуск по одному виду записей, то следует обратить особое внимание на их общее количество за год, а также на сезонность данного явления. И только после всестороннего изучения можно принять окончательное решение. Например, если в летние месяцы, особенно в июле и августе, нет записей по венчаниям, то такое явление нельзя в большинстве случаев принимать за пропуски в записях, так как браков на летнее время вообще приходится мало.

Вот еще некоторые более простые способы проверки полноты источников. Соотношение крещений и похорон, а также крещений и венчаний часто может указывать на недорегистрацию того или иного вида записей. Подозрение о недорегистрации смертных случаев возникает, если за продолжительный период (свыше 20 лет) первый показатель выше 1,5, и недорегистрация рождений возможна, если второй — ниже 3,5. В этих случаях необходимо дополнительно проверить, нет ли территориальных различий в записях (например, многочисленные записи с соседних территорий) или недорегистрации у некоторых категорий населения (например, недорегистрация смертных случаев детей).

Новые возможности проверки источников появляются при использовании ВИС. Недорегистрация рождений у постоянных жителей прихода приводит к тому, что появляются записи о смерти (похоронах) или вступления в брак людей, рождение которых не было зарегистрировано. Если жена выходит замуж, а о похоронах мужа нет записи, то в данном случае мы обычно имеем дело (если муж родился в другом приходе, он может быть похоронен там) с недорегистрацией.

Составление МС и сопоставление их с РС, особенно если имеется дело с двумя последующими ревизиями (в настоящей работе с ревизиями 1782 и 1795 годов), дают наилучшие возможности для проверки. Если у постоянно проживающего в данном приходе населения часть детей, о рождении которых нет записей в МС, появилась в РС (а проверка показала, что они не относятся к близким родственникам или к предыдущим бракам супругов), то в данном случае мы имеем дело с недорегистрацией. Такой же вывод

можно сделать, если при второй ревизии в РС записана смерть человека, а в МС об этом нет записи, а также если родившиеся между двумя ревизиями дети не отмечены в последней ревизии (в нашем случае - в РС 1795 г.). Таким образом была, например, обнаружена значительная недорегистрация смертных случаев в приходе Карузе за 1782 - 1795 гг.

Таковы основные способы проверки источников, использованные нами при обработке материала.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (1650 - 1710)

В развитии народонаселения Эстонии в качестве особого отрезка времени можно выделить период с 1629-го по 1710-й год, который начинается после периода войн 1558 - 1628 гг. (Ливонской и Шведско-польской). Этот отрезок времени отличается сравнительно благоприятными условиями для роста народонаселения. За исключением Русско-шведской войны 1656 - 1658 гг., военных действий и эпидемий в это время не было. Численность народонаселения в Северной Эстонии и на острове Сааремаа росла сравнительно быстро примерно до 80-х годов, в Южной Эстонии - до 90-х годов ХУ в. Затем, судя по сохранившимся метрикам, положение изменилось. Недороды, а возможно, эпидемии замедлили рост численности народонаселения. Так как численность населения в то время достигла уже 375 000 - 400 000 человек, то есть примерно 2/3 максимальной численности сельского населения Эстонии за все время, то в социально-экономической ситуации в конце ХУ в. наблюдались уже явления перенаселенности. Феодалная система хозяйства с упором на экспорт хлеба не могла, по-видимому, прокормить, особенно на севере страны и на острове Сааремаа, такое большое количество людей. Поэтому голод 1695 - 1697 гг. и эпидемия чумы 1710 - 1711 гг. явились как бы закономерными явлениями.

В данной главе рассматриваемый отрезок времени охватывает 1650 - 1710 гг. Данных о естественном движении народонаселения по более раннему времени у нас нет.

После эпидемии чумы 1710 - 1711 гг. в развитии народонаселения Эстонии начинается новый этап. К этому времени Эстония перешла под власть России.

Естественное движение сельского населения

Первые церковные метрические книги, как мы уже знаем, появились в Эстонии во второй половине XVII в. Но за 1660 – 1670 гг. метрические книги сохранились лишь в нескольких приходах (Юри, Ноароотси, Рьуге, Пылтсамаа и приходах города Таллина). Значительно больше сохранилось метрических книг, датированных 80-ми годами XVII в. (кроме перечисленных, еще в приходах Карузе, Вяндра, Вальяла, Сангасте-Лаатре, Ридала и Михкли). Со времен последнего десятилетия XVII в. их сохранилось более двадцати.

Как правило, пастор записывал в метрике крещения, погребения и венчания жителей своего прихода. Но кроме них записывали иногда некоторое количество крещений и погребений лиц из других приходов (чужих). При венчаний нередко один из партнеров был из соседнего прихода. Если браки "коренных жителей" с "чужими" составляли в приходе Карузе 13,2%, то браки между "чужими" (оба из чужих приходов) – только 0,3%. Что же касается похорон, то в Карузе процент лиц из других приходов также был незначительным (0,6). Однако, значительное количество "чужих" могло скрываться под рубрикой "неизвестные" (около 5% от всех похорон). Много из этих погребений состоялось в годы Великого голода (1696 – 1698) и записано без имени ("труп", "парень", "служанка" или "три трупа", "двое детей" и т. д.) Из всех крещенных в Карузе детей только 0,9% было из других приходов.

Пастор прихода Рьуге обслуживал, кроме жителей своего прихода, эстонцев из соседних латвийских приходов и некоторые семьи из соседних эстонских приходов. Но и здесь в рубрике "чужие" (в приходе Рьуге метрические записи велись по мьзам, по немецкой секции и по "чужим") записи о крещениях и похоронах составляли около 3%, а о браках – 6%.^I Можно предположить,

^I P a l l i , Н. Rõuge rahvas XVII sajandi teisel poolel, с. 123, 126.

что в большинстве приходов метрические записи, за некоторыми исключениями, содержали сведения о семейных событиях своих прихожан. Имелись, однако, и явные отклонения. В метрическую книгу прихода Каарма, например, было переписано много записей о крещениях из метрической книги города Курессааре. Неизвестно, все ли они и всегда ли переписывались. Так как метрические записи в Каарма стали вестись с 1690 г., а в Курессааре – только с 1698 г., то сделать проверку за многие годы просто невозможно. В некоторые годы почти половина записанных в курессаарской метрике детей была из соседних сельских приходов.

Вопрос о недорегистрации возникает главным образом при рассмотрении списков крещенных и похороненных. Недорегистрация рождений происходила из-за того, что по тем или иным причинам родители не хотели крестить своих детей, или же из-за небрежности пастора или по случайным обстоятельствам крещение не было записано. Чаще всего некрещенными оказывались новорожденные, умершие в первые дни после рождения. Существует целый ряд способов, позволяющих более или менее точно восстановить число незарегистрированных детей: большинство из них связано с восстановлением истории семей. В приходе Рьуге число некрещенных детей, умерших в течение первых девяти дней своей жизни, автор оценил в 10%.

Оценивая демографическую ситуацию в конце XVII века (около 1695 года), можно прийти к выводу, что она сравнима с ситуацией, царившей в конце XVIII века. Значительное перенаселение, ограниченное количество крестьянских дворов при сохранившейся феодальной эксплуатации – все это несомненно оказывало свое влияние и на демографические процессы. Так было не только в конце XVII, но и в конце XVIII в., особенно в Северной Эстонии (Эстляндии) и на острове Сааремаа (в Сааремааском уезде). В Северной Эстонии в большинстве приходов количество крещений в конце XVII и в первом десятилетии XVIII в. приближалось к их количеству в 70-х – 80-х годах XVIII в.

Рассмотрим теперь более подробно данные прихода Карузе, к которому относились мьзы Матсалу, Ватла, Нехату, Тууди,

Пийвароотси, Иллусте и пасторат, четыре деревни мызы Лихула, три деревни мызы Саастна (Яризе, Поанзе, Метскола), а также деревни Торгу, Туху и Киска. По четырем мызам (Матсалу, Ватла, Саастна и Нехату) и четырем деревням мызы Лихула мы имеем более подробные сведения о численности населения. По инквизиции (земельной ревизии 1686 – 1689 гг.) в этих мызах и деревнях² (всего в 4 мызах, за исключением деревень мызы Саастна в приходе Ханила) насчитывалось 219 крестьянских и 30 лострейберских (бобыльских) дворов с населением (по перечисленным рубрикам) в 1502 человека, а в 4 деревнях мызы Лихула соответствующие цифры были 42, 5 и 270. В мызах Тууди и Пийвароотси, а также в деревнях Киска и Торгу³ были учтены только мужчины – 196 (считая столько же женщин, около 400 жителей). 58 крестьянских и 3 лострейберских дворов. В Иллусте⁴ были учтены только крестьянские и лострейберские дворы, которых было соответственно 20 и 2. Предполагая, что в них проживало столько же жителей, сколько в среднем в Матсалу, Ватла, Саастна и Нехату (соответственно 6,2 и 3,2 на один двор), получим цифру 138 (округленно – 140). О пасторате же и о деревне Туху в инквизиции никаких данных нет. Можно лишь сказать, что там проживало приблизительно около 150 человек (по ревизии душ 1782 года – 156). Всего в приходе Карузе в то время, по-видимому, было около 340 крестьянских и 45 лострейберских дворов – всего 2472 человека.

Поправки на недоучет, на неэстонцев (их не учитывали) и на мызных слуг и служанок позволяют довести численность населения в приходе Карузе в 1686 г. до 3000 человек. Пятилетние средние (без исправлений) крещенных в приходе Карузе за 1686 – 1689 гг. составляли 122 (за 4 года), за 1700 – 1704 гг. – 126,4, а за 1705 – 1709 гг. – 131,4 человека. Рождаемость – около 40‰. В приходе Руге по неисправленным данным рождаемость составляла около 34‰, а с учетом 10% недорегистрации –

² ЦГИА ЭССР, ф. I, оп. 2, д. 941, л. 832 – 1071.

³ Там же, л. 1072 – 1083, 1164 – 1165, 1230 – 1271.

⁴ Там же, л. 1238 – 1241.

выше 37‰⁵. В общем можно считать, что данные о крещенных довольно близки к количеству рождений и поправки к ним не превышают обычно нескольких процентов (доходя иногда в отдельных приходах до 10 – 15%).

В связи с этим возникает вопрос, не изменится ли достоверность записей о крещенных или, другими словами, соотношение рожденных и крещенных в течение XVII в. О том, что значительного улучшения в регистрации рождений в XVII в. не произошло, свидетельствует и тот факт, что во многих приходах общий рост крещенных был небольшим, и у нас нет оснований считать, что, например, численность населения в 60-х годах XVII в. в Северной Эстонии была больше (или равна) численности населения до Великого голода (1695 г.).

В некоторых приходах (например, в Руге), где наблюдался значительный прирост крещенных, на то имелись особые причины. Как известно, во время Русско-шведской войны 1656 – 1658 гг. сильно пострадала именно Восточная Эстония, поэтому восстановление численности населения (частично путем возвращения прежних жителей домой) шло там ускоренными темпами.

Во многих приходах значительное количество умерших не было внесено в списки похороненных. У эстонцев прихода Руге, например, за 1661 – 1696 гг. было зарегистрировано 8442 крещения и 1628 похорон, или 5,18 крещения на один случай похорон. Такое соотношение нереально и свидетельствует о массовой недорегистрации смертных случаев. Большие различия наблюдались и по мызам прихода. Соответствующее соотношение в мызе Руге-Нурзи было 3,24, в пасторате – 3,27, в Сянна – 3,78, в Рогози – 5,03, в Хаанья – 5,34, в Тсоору – 5,42, в Рооза – 7,03, в Саалузе – 15,4, в Казаритса – 16,3, а в Пинди – даже 103. В немецкой секции прихода оно было только 1,78. В Эстляндии и на острове Сааремаа записи похорон велись значительно аккуратнее.

⁵ P a l l i , H. Rõuge rahvas XVII sajandi teisel poolel, с. 99.

В большинстве приходов данные метрик за 1650 - 1710 гг. существенно не отличаются от таковых за 1711 - 1799 гг. За исключением лишь тех немногих случаев, когда соотношение крещений и похорон было необычно высоким (Ранну, Рыуге, Халлисте, Вяндра, а может быть, и Михкли), число похорон было на 5 - 20% меньше смертных случаев. Недорегистрация происходила особенно за счет грудных и малолетних детей.

При первоначальном знакомстве с записями по приходам можно сказать, что, например, записи в Халлисте (особенно о похоронах), Ранну и Рыуге (о похоронах) являются преуменьшенными. По Виру-Яагупи данные имеются только за несколько лет, поэтому соотношение 2,06 может соответствовать действительности (оно приходится на время после Великого голода, когда смертность уменьшилась). Труднее объяснить соотношение крещений и браков (2,60) в этом же приходе. Количество браков в приходе Виру-Яагупи кажется слишком большим. Частично это было вызвано тем, что данные охватывали период после голода, когда заключались отложенные браки и когда многие вдовы вступали в новый брак.

Что же касается прихода Каарма, то часть родившихся там крестьянских детей была крещена в городе Курессааре.

За 60-е годы XVII в. имеются данные о естественном движении только по четырем сельским приходам: Юри, Ноароотси, Рыуге и Пылтсамаа. Изменения в числе крещений и венчаний в этих приходах следующие: в двух приходах Северной Эстонии рост крещений за 20 - 30 лет был небольшим (в Ноароотси в 1690 - 1664 гг. больше, чем в 1665 - 1669 гг. - на 13%, в Юри в 1690 - 1694 гг. на 22% больше, чем за 1660 - 1664 гг., что соответствует среднему росту в 0,5 - 0,7% за год). В начале XVIII в. количество крещений оставалось примерно на уровне 1690 - 1694 гг. Рост бракосочетаний в Ноароотси был еще меньше (за 25 лет 9%, или в среднем около 0,35% в год), в Юри же - более значительный - 65% (1,4% в год).

В приходах Южной Эстонии эти процессы протекали несколько иначе. В Рыуге разница средних за 1665 - 1669 гг. и 1690 - 1694 гг. по крещениям составляла 46% (рост в среднем 1,3% в

год), а по венчаниям - даже 73% (рост в среднем 1,9% в год). В Пылтсамаа рост был несколько меньше, соответственно 28% (0,85% в год) (средние за 1666 - 1668 гг. - 32,7%, за 1691 - 1694 гг. - 56%) и 70% (1,85% в год). Оба они выше показателей в североэстонских приходах. Более быстрый рост числа браков свидетельствует о том, что значительное увеличение числа рождений произошло или в прошлом (за 20 - 30 лет до этого), или же в связи с миграцией извне. В двух рассмотренных южноэстонских приходах можно предположить последнее (в Рыуге - в 60-х и Пылтсамаа - в 70-х гг.). В Рыуге рост количества крещений происходил довольно плавно, а количество заключенных браков с 80-х годов стало более или менее стабилизироваться. В Юри быстрый рост как рождений, так и венчаний происходил в 60-х годах.

В 70-х годах рост венчаний был умеренным, увеличения числа рождений не отмечалось. Так как данных за более ранние времена нет, то объяснить это явление можно по-разному. Возможно, миграция происходила или продолжалась в 40 - 50-х годах, а в течение 60-х годов потомки взрослого поколения достигли брачного возраста. Возможна и усиленная иммиграция в 60-х годах. Так или иначе, но к 80-м годам число крещенных и вступающих в брак стабилизировалось. Такая общая стабилизация наблюдалась почти во всех приходах Эстонии в 80-х и первом пятилетии 90-х годов. После резкого спада рождаемости и брачности во время Великого голода в первом десятилетии XVIII в. прежний уровень стал восстанавливаться. Все это наводит на мысль, что уже в 80-х годах XVII в. в Эстонии наблюдалось относительное перенаселение.

Годовые колебания крещений, похорон и венчаний очень значительны. В зависимости не только от общих (неурожай, распространение болезней и т. д.), но и от демографических условий (возрастной состав, доля населения, состоявшего в браке), а также от случайных причин (конкретная демографическая ситуация и т. д.) годовые цифры как по крещениям, так и по венчаниям могли колебаться весьма значительно. Так, в Ноароотси в 1676 г. было 79 крещений и 23 венчания; в 1677 г. - 80 и 25; в 1678 г. - 42 и 17; в 1679 г. - 84 и 24.

При распространении эпидемий или во время голода количество смертных случаев катастрофически увеличивалось. Впрочем, число похорон до Великого голода имел тенденцию к росту.

После Великого голода число похорон достигло прежнего уровня, во многих же приходах оно поначалу было даже ниже.

Недорегистрация смертных случаев часто ставит под сомнение оценку естественного прироста населения.

В качестве примера приведен приход Ноаротси, где большинство крестьянского населения составляли шведы. Регистрация событий, происходивших в семейной жизни крестьянского населения, велась там, по-видимому, полнее. Приход был небольшим. По мнению К. Руссвурма и Х. Хреникуса, в рассматриваемый период в приходе Ноаротси было около 2000 жителей.⁶ Значительный естественный прирост населения, происшедший там в 1665 - 1674 гг. (почти 500 человек), в следующие 20 лет значительно замедлился (459 человек). В 1695 - 1699 гг. прирост населения в Ноаротси был уже отрицательным (убыль в 353 человека), и численность населения к началу Северной войны находилась примерно на уровне 1680 г. В первом десятилетии XVIII в. потери, понесенные в годы Великого голода, стали восстанавливаться.

Определенный интерес представляет сравнение естественного движения населения в 1660 - 1710 гг. с такими же показателями (частично по тем же приходам) в XVIII в.

В приходе Юри среднее число крещений в 1660 - 1664 гг. равнялось 122,2 в год. За 1715 - 1719 гг. их число снизилось до 70,8. В 50-х годах XVIII в. среднее число рождений дошло до 126,6 в год, оставаясь на этом уровне и в следующем десятилетии (в 1760 - 1769 гг. - 122,4).

⁶ Н у г е н и у с , Н. Estlands svenskarna, с. 21. В 1642 г. в приходе Ноаротси было 202 двора, в 1693 г. - 406. В 1704 г. там было 490 мужчин в возрасте 25 - 60 лет. К. Руссвурм считает, что население прихода составляло 1800 - 2000 человек. По нашему мнению, там могло быть несколько больше жителей - от 2000 до 2500 в 1695 г.

В 70-х годах число рождений в приходе Юри приблизилось к показателям 1690 - 1694 гг. (145,5), а в 80-х, со среднегодовым 160,9, оно превысило самые высокие показатели первого периода. Если же предположить, что недорегистрация рождений в первый период составляла 10% и отсутствовала в конце XVIII в., то лишь в конце XVIII века в приходе Юри был достигнут уровень рождений XVII в. Соотношение крещений и бракосочетаний в приходе Юри за 1660 - 1710 гг. было 4,00, за 1670 - 1710 гг. - 4,13, а за 1713 - 1800 гг. - 4,7.

В приходе Карузе только в первом десятилетии XIX в. число рождений почти достигло уровня 1690 - 1694 гг. (119 против 122 в год). На основе материалов прихода Карузе можно сделать вывод, что в конце XVIII в. в этом приходе наблюдался застой в демографическом развитии. За десять лет (1770 - 1779 гг.) среднегодовое число рождений равнялось там 107, в 1780 - 1789 гг. - 109,7, в 1790 - 1799 гг. - 111,8, в 1800 - 1809 гг. - 119,4. За 30 лет прирост составил немногим более 10%. Это приближалось к изменению числа крещений в 80-х и первой половине 90-х годов XVIII в.

На первый взгляд довольно неожиданным является тот факт, что число крещений как в приходе Юри, так и Карузе только в конце XVIII в. или в начале XIX в. достигло уровня 1680 - 1710 гг. Здесь следует отметить, что такое явление было характерно и многим другим приходам Северной и Западной Эстонии. В приходе Ридала в 1770 - 1774 гг. среднегодовое число рождений составляло 150,8, а в 1775 - 1779 гг. - 181,4 (в 1690 - 1694 гг. - 157,6). Но "рекорд" 1775 - 1779 гг. был побит в этом приходе только в 1795 - 1799 гг. (198). В приходе Мижкли в 1685 - 1689 гг. среднегодовое число крещений составляло 144,2 (в 1690 - 1694 гг. - 143,4), а в 1705 - 1709 гг. - 148,5. За пять лет (1785 - 1789) там рождалось в среднем 153,6 ребенка в год. Приведем еще несколько примеров из Северной Эстонии: в Харьк-Яани в 1690 - 1694 гг. - 171,2, в 1790 - 1794 гг. - 184,0 (в 1785 - 1789 гг. - 148,8), в Коэе в 1700 - 1704 гг. - 239,2, в 1790 - 1794 гг. - 281,4 (в 1785 - 1789 гг. - 235,2). В некоторых же приходах уровень первого периода был достигнут раньше. В Ноа-

роотси он был достигнут в 1745 - 1749 гг., в Вормси превзойден в 1720 - 1724 гг., в Ляэне-Нигула в - 1755 - 1759 гг. (но среднегодовое количество новорожденных оставалось там примерно в течение 20 лет на одном и том же уровне), в Кулламаа в 1750 - 1754 гг. Из приходов Вирусского уезда у нас имеются данные только по трем и то лишь за несколько лет, в Виру-Яагупи в 1698 - 1702 гг. число крещений (в среднем за год) было 176, в 1760 - 1764 гг. - 177,6, а в следующее десятилетие оно упало ниже 170 и только в 1775 - 1779 гг. превысило 200. В Виру-Нигула среднегодовое число крещений в 1695 - 1696 гг. равнялось 249. Этот уровень был превзойден только в 1795 - 1799 гг. По Вяйке-Маарья среднегодовое число крещений до Великого голода было около 200 и примерно соответствовало среднему за 1785 - 1789 гг.

В приходах материковой части Южной Эстонии уровень 1680 - 1710 гг. по рождению был достигнут раньше. В Халлисте, например, в 1700 - 1704 гг. среднегодовое количество крещений было 160,6, в 1745 - 1749 гг. - 197,2 (если даже считать недорегистрацию в 1700 - 1704 гг. за 20%, то уровень 1700 - 1704 гг. по рождению был превзойден в 40-х годах). В Вяндре переходным периодом явилось пятилетие 1755 - 1759 гг. В Сууре-Яани наивысший уровень первого периода был "побит" в 1745 - 1749 гг., в Сангасте-Лаатре - уже в 1735 - 1739 гг. В Пярну-Элизабети положение походило на североэстонское. Там в 1705 - 1709 гг. число крещений (в среднем за год) было 198, в 1790 - 1794 гг. - 215 (в 1785 - 1789 гг. - только 182). В Пылтсамаа соответствующие показатели за 1685 - 1689 гг. были 273,2, а за 1770 - 1774 гг. - 274,4. В Рюге же среднегодовое число крещений в 1715 - 1719 гг. (219,2) примерно соответствовало уровню 1670 - 1674 гг. (221,4). В связи с этим можно предположить, что и в 30-х гг. оно должно было соответствовать уровню 1690 - 1694 гг.

Остров Сааремаа характеризуется медленным восстановлением уровня первого периода. В Кихельконна это произошло в 1790 - 1794 гг., в Кярла - в 1780 - 1784 гг., а в Вальяла - в 1775 - 1779 гг.

Нет смысла тщательно следить за тем, как достигался уровень 1680 - 1710 гг. по другим демографическим показателям. В Карузе

наивысший уровень по количеству заключенных браков в XVII в. был достигнут в 1695 - 1699 гг. - 30,4 в год (к сравнению, в 1685 - 1689 гг. - 29,4), в 1790 - 1799 гг. - 27,6.

В общем, в Северной Эстонии и на Сааремаа в большинстве приходов по ~~взвешанным~~ цифрам 1680 - 1711 гг. были достигнуты в конце XVIII в., а в материковой части Южной Эстонии - в первой половине XVIII в. По приходу Торма за 1700 - 1703 гг. мы имеем завышенные цифры (в то время там отояли шведские войска, и зарегистрировано множество браков между солдатами и местными девушками). Более крупное отклонение в Северной Эстонии отмечено в приходе Вигала, в Южной Эстонии - в приходе Халлисте.

Среднегодовые итоги по крещениям приведены в табл. 58 по 20 приходам. Кроме того, в нашем распоряжении имеются данные за несколько лет еще по некоторым приходам. На основе этого мы и сделали попытку оценить общегодовой итог по территории Эстонии (Эстляндия, Эстонский дистрикт Лифляндии, Сааремаа) в годы до Великого голода. По 15 приходам у нас имеются среднегодовые данные по крещениям до 1690 - 1694 гг. По пяти приходам отсутствующие данные за 1690 - 1694 гг. заменены средними за 1700 - 1704 гг., которые за исключением нескольких отклонений, в других приходах были очень близки к средним за 1690 - 1694 гг. По Пылтсамаа в 1680 - 1689 гг. число крещений было в среднем 273,7 в год. Прибавим и этот итог к итогу за 1690 - 1694 гг. В Торма можно пользоваться средней за 1700 - 1703 гг. (107,8), в Ранну - за 1699 - 1703 гг. (125,2), в Тарвасту - средней цифрой за 1709 г. (98), в Виру-Яагупи - среднегодовым числом за 1698 - 1702 гг. (176), в Виру-Нигула - средней за 1695 - 1696 гг. (249), в Вяйке-Маарья - приблизительной оценкой за 1691 г. (220).

По 27 приходам (20 в таблице и 7 только что перечислено) среднегодовые итоги по крещениям равнялись 4187,3, или приблизительно 4200.

Предположив, что по уездам или их группам (Харьвский - Ляэнеский, Ярваский - Вирусский, Тартуский - Вирусский, Пярнуский - Вильяндский по границам XIX в.) в 1881 г. численность населения сохранялась в пропорциях 1690 - 1694 гг.⁷ и что рождае-

⁷ Данные о численности народонаселения взяты из публика-

мость по приходам одного уезда существенно не отклонялась, и прибавив 5% на крещения в городах, получим количество рождений 16 253, или приблизительно 16 000. Из этого числа примерно половина падает на Эстляндию (Северную Эстонию).

Площадь 27 перечисленных приходов равна 11 800 км², или примерно одной четверти площади Эстляндии, Эстонского дистрикта Лифляндии и Сааремаа. Так как рассматриваемые приходы разбросаны по стране, то среднюю густоту их населения можно принять близкой к средней по всей стране, а рождаемость в приходах — средней по стране. И по этому способу среднегодовое число крещений будет около 16 000.

Цифру, приведенную уже дважды, можно получить и другими путями — вычисляя среднее по гакам или ростдинстам конца ХУП в. (1 ростдинст равен 15 гакам).

Число 16 000 — ориентировочное среднее за 1680 — 1695 гг. Во-первых, пока еще далеко не ясно, какой процент составляла недорегистрация рождений. Даже 10% недорегистрации доведет число новорожденных близко к 18 000. Во-вторых, возможны отклонения от принятых за основу цифр, а также в их пропорции к приходам, о которых сведения не сохранились. Отклонение в 2000 в ту или иную сторону вполне возможно (16 000 ± 2000). К тому же по отдельным годам колебания иногда были даже более значительными.

По 21 приходу по методу, подобному примененному к крещениям, среднегодовое число заключенных браков будет равняться 716,4. Аналогично предыдущим рассуждениям ориентировочное число заключенных браков за год составит 3700 (с 5%-ной надбавкой на города). Как предыдущий, так и данный результат является ориентировочным.

Из-за ненадежности сведений о похоронах мы не можем опереться на них для определения данных по всей Эстонии. К тому же именно показатель смертности в это время, по сравнению с другими демографическими показателями, колебался наиболее резко. В "обычные" годы количество похороненных в Эстонии колебалось,

ций переписи 1881 г.: Jung - Stilling, Fr., Anders, W. Ergebnisse der livländischen Volkszählung, III. Die Zählung auf dem flachen Lande. Riga, 1884, с. 1-4, 101; Jordan, P. Ergebnisse der estländischen Volkszählung, III. Reval, 1884, с. 1-17.

по-видимому, в пределах 12 000 — 14 000. Последние цифры основаны на гипотезе.

Некоторое представление о естественном движении населения Эстонии дает табл. 59, в которой приведено 7 приходов, где данные о количестве похорон наиболее правдоподобны. В последние девять лет ХУП века прирост населения в этих приходах почти не отмечался. В нормальные годы колебания в численности крещенных были небольшими, а в численности похорон — значительными. Смертность в 1697 г. превышала нормальную в четыре раза.

Перейдем теперь к рассмотрению некоторых "специальных" вопросов. Первый из них — это соотношение мальчиков и девочек среди новорожденных. По 20 приходам в эстонских (или шведско-эстонских) секциях в 1660 — 1710 гг. на 100 новорожденных девочек приходилось в среднем 104 мальчика (см. табл. 60). Это соотношение можно считать нормальным, хотя колебания по отдельным приходам были значительными. В Вормси перевес мальчиков был наиболее значительным (112,5), в Мижли 110,6 и Коце 110,8. В трех приходах (Виру-Яагуни, Ноароотси и Харья-Яани), наоборот, наблюдался перевес девочек. Особенно в Ноароотси (на 2004 девочки приходилось 1846 мальчиков, соотношение 100 : 92,1). Такое соотношение, учитывая, что мы имеем дело с приходами с населением в 1000 — 10 000 человек, не выходит за пределы возможного. Приведенные данные свидетельствуют об отсутствии непропорциональной недорегистрации девочек.

Несколько неожиданным явился очень сильный перевес мальчиков в немецких секциях 18 приходов (677 на 601, или 112,9:100). Учитывая незначительное количество зарегистрированных рождений в немецких секциях (в среднем 2,5% по всем приходам), соотношение по отдельным приходам, в которых наблюдаются сильные отклонения случайного характера, не приведены.

Внебрачные дети отмечены во всех приходах (табл. 61). В большинстве приходов доля внебрачных детей колеблется около 2%, изредка доходит до трех или даже немного превышает этот уровень (Коце — 3,2%). Крайне низкая доля внебрачных детей отмечалась в шведских или полшведских приходах (Вормси — 0,5%, Ноа-

роотси - 0,5%). Из эстонских приходов меньше всего "незаконного" потомства было в Виру-Ягупи (0,4%), Кулламаа (0,6%), Рюге (0,8%) и Харью-Яани (1,3%). Здесь свою роль могли играть и другие обстоятельства. Если пастор прихода слишком строго относился к "согрешившим", то они старались пользоваться услугами пастора соседнего прихода. В полугородском приходе Пярну-Элизабети доля внебрачных детей оказалась значительно выше среднего (4%). В городах процент был еще выше (в Курессааре, например, внебрачных детей было зарегистрировано 9,8% от их общего количества).

Доля двоен в разных приходах также значительно колеблется: в Харью-Яани одна двойня была зарегистрирована на 20, а в Вормси - на 300 родов. Обычно "норма" - пара близнецов на 60 - 70 родов. Отмеченные колебания вызваны частично случайными факторами, частично - неполной регистрацией (во многих случаях мертвых близнецов не крестили). Троен по записям в метрических книгах за 1660 - 1710 гг. найдено всего 9.

Население большинства приходов в то время состояло из эстонцев и немцев. Только в нескольких прибрежных приходах (например, в Ноаротси и Вормси) большинство населения составляли шведские крестьяне и рыбаки. Деление на эстонские и немецкие секции в большинстве приходов было условным. "Немцы" выделялись по именам (структура имен у немцев отличалась от таковой у эстонских крестьян). Немецкие секции, кроме самих немцев, включали еще шведов, чужестранцев и даже часть горожан эстонского происхождения или онемечившихся эстонцев. В некоторых приходах (например, в Рюге) "немцы" были выделены в особую рубрику. В XVIII в. в тех приходах, где "немцы" были выделены в особую рубрику, там выделяли их и по именам. Оказалось, что по этому способу "немцев" было на 20% больше. Здесь следует отметить, что в Рюге при записи в метрическую книгу пастор иногда заносил одно и то же лицо то в эстонскую, то в немецкую секцию прихода. От общеприходского итога ошибка в 20% означает небольшую долю процента (0,2 - 0,9%) и мало заметна. По социальному положению члены немецкой секции прихода стояли выше: "эстонцы" были крепостными крестьянами, "немцы" - представителями других сосло-

вий (дворяне, мещане, чиновники, духовенство).

Немецкая секция в сельских приходах была малочисленной. В некоторых приходах о ней даже и не упоминается. Но это вовсе не значит, что "немцев" там не было. По традиции или по каким либо другим причинам "немцы", проживающие в одном приходе, могли пользоваться услугами пастора другого прихода (например, соседнего, или городского). Не исключена возможность, что члены немецкой секции записывали в специальную метрическую книгу, которая до нас не дошла.

Удельный вес немецкой секции в большинстве приходов составлял 1 - 3%. При этом колебания по видам церковных услуг были иногда значительными: в Харью-Яани доля немецкой секции в крещениях составляла 1,1%, в венчаниях - 1,8%, а в похоронах - 0 (нет ни одной записи). По-видимому, "немцы" предпочитали хоронить своих родных в Таллине. Удельный вес немецкой секции наиболее высок в метрических книгах Пярну-Элизабети, Кярла, Ляэне-Нигула, Халлисте и Карузе.

Изучение демографических явлений по годам урожая (август - июль) дает возможность выявить влияние урожая на жизнь сельского населения. К сожалению, у нас нет данных об урожайности по приходам за более продолжительные отрезки времени, что затрудняет установление зависимости между колебаниями урожайности и естественным движением населения.

Отсутствие такой возможности заставило нас прибегнуть к другому приему - к выявлению годов урожая, в которые наблюдалось резкое уменьшение количества зачатий и заключенных браков и резкое увеличение количества похорон. Резким колебанием считается уменьшение или увеличение на 20 или более процентов этих показателей по сравнению с предыдущим годом. В некоторых случаях были выделены годы, когда соответствующие колебания отмечались только по двум показателям.

Наиболее крупным бедствием, охватившим не только всю территорию Эстонии, но и соседние страны, явился Великий голод 1695 - 1697 гг.⁸ Однако следует отметить, что его течение в

⁸ L i i v, O. Suur näljaaeg Eestis 1695-1697. - Akadeemilise Ajaloo-Seltsi Toimetised, IX. Tartu-Tallinn, 1938.

разных приходах было разным. В большинстве приходов 1696-й год урожая был кульминационным годом катастрофы (другими словами, наиболее бедственной была весна 1697 г.). В ряде приходов, особенно на Сааремаа (Каарма, Кихельконна, Вальяла), наихудшие времена наступили в 1697-м году урожая (весной 1698 г.). Следует отметить, что во многих приходах демографическая катастрофа приняла затяжной характер. В При она продолжалась в течение 1695 - 1697 гг., в Ноаротси - с 1693-й по 1696-й год.

Резкое уменьшение количества зачатий и заключенных браков с одновременным резким увеличением количества похорон отмечалось и в течение предыдущих десятилетий. Скучность же источников не позволяет (особенно в 60-х и 70-х годах) установить, как широко такие явления распространялись.

В приходах При и Ноаротси неблагоприятным был 1674 г., в Руге и Ноаротси - 1677 г. В 1684 г. уменьшение количества зачатий и заключенных браков с одновременным увеличением количества похорон наблюдалось в Михкли, Ноаротси, Ридала, Вальяла и Руге. В начале 90-х годов во многих приходах наблюдались неблагоприятные годы. В большинстве приходов они охватывали 1692-й и 1693-й годы или один из них (Каарма, Кярла, Ляэне-Нигула, Михкли, Ноаротси. В последнем приходе общий спад продолжался с некоторыми колебаниями до 1696 г.). В других приходах они приходились на начало 90-х годов (1690 - 1691 гг. или 1691 - 1692 гг.). К таким приходам относятся Михкли (1690 г., только падение числа зачатий и браков), Ноаротси (1690 - 1691 гг.), Руге (1690 - 1691 гг.), Сууре-Яани (1691 - 1692 гг.) и Вальяла (1691 - 1692 гг.).

В первом десятилетии XVIII в. 1700 г. оказался неблагоприятным в Михкли, Сангасте-Лаатре и Торма, 1702 г. - в Каарма, Ноаротси и Ридала, 1703 г. - в Харь-Яани, Козе и Кулламаа.

Кроме того, в отдельных приходах неблагоприятное развитие демографических явлений наблюдалось и в остальные годы: в При - в 1661-м и 1666-м году, в Руге - в 1669 г., в Вяндре - в 1705 г., в Кихельконна - в 1704 г. и в Ридала - в 1687 - 1689 гг.

В большинстве случаев "неблагоприятные" годы были связаны с неурожаями. Неурожай в Эстонии, по данным О. Лийва, отмеча-

лись в 1683-м, 1690-м, 1691-м и 1694-м годах, в Швеции - в 1674 г., в Финляндии - в 1693 г.⁹ Неурожай в Швеции в 1674 г. и в Финляндии в 1693 г. были, по-видимому, связаны с неблагоприятными метеорологическими условиями, которые в какой-то мере охватили и часть Эстонии.

Влияние неурожаев на демографические процессы зависело от многих факторов. Большое значение при этом имели и конкретные местные условия - экономическое положение крестьян, общая демографическая ситуация, почвы, микроклимат, микрорельеф и т. д.

В большинстве случаев годы, отмеченные как неблагоприятные в демографическом смысле, были неурожайными. Во время Северной войны свое влияние оказывали также военные действия или пребывание значительных контингентов шведских войск в данной местности. Сказанное относится к приходу Торма в 1700 г., Ридала - в 1702 г., Харь-Яани и Козе - в 1703 г.

Здесь мы, к сожалению, должны отметить, что ввиду того, что по XVII веку у нас нет ни цифровых, ни оценочных данных об урожайности и даже обзора о климатических условиях (такой обзор по отрезку времени с 1713-го по 1870-й год сделал С. Вахтре¹⁰), мы не смогли более тщательно изучить связи между естественным движением сельского населения и урожайностью и климатическими условиями.

Естественному движению сельского населения Эстонии в "шведский период" препятствовали частые народные бедствия, которые то и дело прерывали обычный ход его развития. Голод и эпидемия чумы в 1601 - 1603 гг., чума и военные действия в 1657-м и последующих годах, Великий голод в 1695 - 1697 гг., недород в 1709 г. и эпидемия чумы в 1710 г. - примеры наиболее крупных бедствий в "шведский период". Но убыль, или отрицательный прирост населения (перевес похорон), наблюдалась и в другие годы:

⁹ L i i v , O. Suur näljaaeg Eestis 1695-1697, с. 26.

¹⁰ V a h t r e , S. Ilmastikuoludest Eestis XVIII ja XIX sajandil (kuni 1870. a.) ja nende mõjudest põllumajandusele ning talurahva olukorrale. - "Ученые записки ТГУ". Тарту, 1970, вып. 258, с. 43-159.

в Юри - в 1692 - 1694 гг., в Карузе и Кихельконна - в 1694 г., в Каарма, Вальяла и Кихельконна - в 1692 г., в Ноароотси - в 1685 г. В годы Северной войны перевес похорон наблюдался в 1704 г. в Юри и Каарма, в 1709 г. - в Каарма. К сожалению, метрических книг за 1657 г. нет, за 1709 и 1710 гг. записей тоже почти нет, так как пасторы в это время или спасались бегством, или сами оказались жертвами чумы. В Ноароотси, где записи в метрике за эти годы сохранились, в 1710 г. похороненных было 981, в 1711 - 297. Ноароотси - один из наименее пострадавших приходов в Эстляндии. По данным ревизии 1712 г., приведенным в статье Я.Конкса, Ноароотси занимает в Эстляндии пятое место по сохранившемуся населению.^{II} До эпидемии чумы в Ноароотси было более 2000 жителей. За 1710 - 1711 гг. приход потерял 1148 человек, т. е. примерно половину своего населения.

В большинстве приходов Эстляндии потери были еще больше. В Лифляндии же, за исключением самых западных приходов, потери от эпидемии чумы и голода 1709 г. были ниже, особенно в восточных приходах (Тартуский уезд).

Сезонность

Под сезонностью подразумевается распределение событий по месяцам. Наиболее ярко она выражалась в заключении браков.

Выше упоминалось уже, что эстонское население в деревне было в основном крестьянским, неэстонское (немецкое) по социальному положению стояло выше (помещики, управляющие, купцы, ремесленники и т. д.). Исключение составляли шведские приходы (например, Ноароотси и Борнси), где сельскохозяйственным трудом, рыболовством и охотой на тюленей занималось местное шведское население, стоявшее по своему социальному положению близко к эстонскому. При изучении сезонности, как и многих других вопросов, эстонское и немецкое население рассматривалось отдельно. Ниже рассматривается только эстонское население.

Сезонность бракосочетаний у эстонского населения выражена очень ярко (табл. 66). На месяц с наибольшим числом венчаний приходилось обычно от 1/4 до 1/3 от всех браков, заключенных за год (иногда даже до 1/2 и больше). За все месяцы, в которых число венчаний было больше среднего числа бракосочетаний, обычно за 2 - 3 месяца, заключалось от 2/3 до 3/4 от всех браков (иногда даже больше - до 5/6, очень редко меньше - 7/12). Колебания по месяцам очень резкие: в части приходов в некоторые месяцы не было ни одной свадьбы. Различие между месяцем "пик" и месяцем минимума браков в несколько десятков раз - довольно обычное явление. Так, в приходе Вяндра свадеб в декабре было в среднем в 122 раза больше, чем в августе.

У эстонского населения сезон заключения браков приходился в основном на конец осени и на зимние месяцы. Это было время после напряженных полевых работ, когда урожай находился уже в закромах и у крестьян было заготовлено более или менее достаточно хлеба и других продуктов. По-видимому, некоторую роль играли здесь и традиции.

В 9 из 22 приходов (Халлисте, Харью-Яани, Юри, Козе, Ляэне-Нигула, Сууре-Яани, Виру-Яагупи, Виру-Нигула и Вяндра) "брачный сезон" приходился на ноябрь - январь, в 5 приходах (Кулламаа, Михкли, Сангасте, Вальяла, Рьуге) - на ноябрь - декабрь. На эти два наиболее распространенных срока заключения браков приходилось почти 2/3 браков во всех приходах. Сюда же можно присоединить заключения браков в приходах Ноароотси (3 брачных месяца - октябрь - декабрь) и Каарма (5/6 всех браков заключалось в ноябре). В приходе Кейла "брачный сезон" охватывал 4 месяца (октябрь - январь). Но данные по этому приходу относятся к четырем годам (1628 - 1631 гг.) более раннего периода. С "брачным сезоном" Кейла совпадает "брачный сезон" Пярну-Элизабети. В эстонском приходе Курессааре время вступления в брак падало на осень (сентябрь - ноябрь). Во всех описанных приходах по количеству браков особенно выделялся зимний или осенне-зимний сезон. Небольшой подъем наблюдался почти во всех приходах еще в мае, июне и июле, но в большинстве случаев он выделялся мало. Исключение составляли лишь два прихода на ос-

^{II} К о н к с , J. 1712. aasta revisjonist sestimaal, с. 255.

трове Сааремаа - Кихельконна и Кярла. В первом из них значительное увеличение количества браков наблюдалось в июне и июле, во втором - в июне. Второй "подъем" (если брать за основу год урожая) на острове Вормси (первый отмечался в октябре - ноябре) наблюдался в апреле.

Наиболее интенсивно свадьбы праздновались в большинстве из приходов в декабре и в ноябре.

Сезонность оплодотворения (табл. 67) не представляет собой такой резко выраженной картины, как сезонность свадеб. Разница между месяцами с наименьшим и наибольшим числом оплодотворений небольшая. Она не превышает 2 - 2,5 раза (в Вормси в августе - июле - 65,1; в декабре - 156,4). Единственное отклонение от этого правила наблюдалось в приходе Рьуге (разница более чем в 3 раза).

Во всех сельских приходях в августе и сентябре (в разгар уборочных работ) количество оплодотворений ниже среднего, а в июне и декабре - всегда выше среднего. Наблюдаются два "подъема": зимний (осенне-зимний - в большинстве случаев в ноябре - декабре (или в ноябре - январе) или же в декабре - январе (или в декабре - феврале) и весенне-летний - в апреле - июле (со многими вариациями).

Сезонность оплодотворений объясняется, вероятно, жизненными условиями крестьянства. Так, осенне-зимний "подъем" связан в какой-то мере с "сезоном" свадеб, но больше, по-видимому, с обилием пропитания, наступавшим по окончании сельскохозяйственных работ. Весенне-летний "подъем" связан с наиболее благоприятными условиями жизни в теплое время года. В августе и сентябре, в разгар полевых работ, количество оплодотворений падает.

Сезонность похорон (табл. 68) менее выразительна. Количество похорон увеличивается в зимне-весенний период. Это объясняется, по-видимому, неблагоприятными погодными условиями, а также тем, что весной крестьяне, чей организм был ослаблен длительной зимой и недостатком пищи, не в состоянии были бороться с болезнями, в силу антисанитарных условий вспыхивавшими именно весной.

Возрастной состав населения

Данных о возрастном составе населения у нас также имеется сравнительно мало. В приходе Рьуге населения до 15 лет было, по-видимому, около 33%.¹² Но это лишь оценка и может колебаться в сравнительно больших пределах. Возрастной состав населения прихода Вяндра по приведенному списку восстановить вообще невозможно.

Судя по инквизиционным книгам, в мызе Лихула 35,4% (всего в мызе проживало 782 человека) составляло население до 15 лет, в 4 мызах, находящихся в основном в пределах прихода Карузе (Матсалу, Ватла, Нехату и Саастна), этот процент доходил до 31,1 (в 4 мызах проживало 1701 человек). В некоторых приходях Вирусского уезда по инквизиционным книгам числилось 28,8% населения до 15 лет. Доля детей в действительности была, наверное, несколько больше (35 - 38%).

Данных о более подробном распределении населения по возрасту нет.

Исследователю нужно знать возрастную структуру населения для определения по возрастному составу рождаемости, смертности и средней продолжительности жизни.

Исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных о возрастной структуре населения и гипотезы, что мы имеем дело со стабильным населением, можно прийти к выводу, что рождаемость в конце XVII в. составляла около 39%, а смертность - 33,3%.¹³ Средняя продолжительность жизни составляла около 30 лет.

Это, конечно, лишь гипотеза, способная в лучшем случае дать лишь приблизительное представление о действительном положении.

¹² P a l l i , H. Rõuge rahvas XVII sajandi teisel poolel, с. 98.
¹³ C o a l e , A. J. The Growth and Structure of Human Populations. A Mathematical Investigation. Princeton (New Jersey), 1972, с. 53.

Брак и плодovitость

Такие показатели, как возраст женщины при ее вступлении в первый брак и плодovitость в XVII в. в какой-то мере известны только по материалам прихода Руге.

В трех мязах прихода Руге (в Руге-Нурзи, Козе и в пасторате) в 1661 - 1696 гг. наблюдалась следующая картина: 59% женихов выбирали себе невесту из "своей мзы", 39% - из других мыз прихода и 2% - из других приходов (из 388 женихов невест из "своей мзы" выбрали 228, из других мыз прихода - 151, из других приходов - 9). На невест прихода Руге женихи были распределены следующим образом: из "своей мзы" - 228 (61%), из других мыз прихода - 144 (39%) и из другого прихода - 1.¹⁴ Следовательно, наблюдалась высокая привязанность к партнерам "своей мзы" и своего прихода. Но здесь необходимо иметь в виду, что названные мзы располагались как бы в середине прихода Руге и почти не граничили с другими приходами.

Данные о распределении заключенных браков по мзам имеются и по приходу Карузе. Всего за 1685 - 1710 гг. в церкви прихода Карузе было зарегистрировано 650 браков, 22 из которых между неэстонским населением. В 83 браках (12,8% общих и 13,2% эстонских) один из партнеров был из прихода Карузе, а другой - из другого прихода (в двух браках и жених, и невеста были из соседнего прихода). При этом наблюдалось значительное различие между происхождением женихов и невест. Если жених в "смешанных браках" был из другого прихода в 77 случаях, то невеста - только в 6! Объясняется это брачными обычаями эстонцев. Первый день свадьбы проходил обычно в доме невесты, и чаще всего в этот же день брак регистрировался в церкви.¹⁵ Иногда свадьба справ-

¹⁴ P a l l i , H. Rõuge rahvas XVII sajandi teisel poolel, с. 105-106.

¹⁵ T e d r e , Ü. Eesti pulmad. Lühülevaade muistsetest kovja- ja pulmakommetest. Tallinn, 1973, с. 37.

лялась через одну или две недели после венчания в церкви. В большинстве случаев невеста (жена) оставалась в доме жениха (мужа).

Доля партнеров из своей мзы была высокой и в приходе Карузе - 47,1% (из эстонского населения - 45,2%) всех новобрачных принадлежали к жителям одной и той же мзы. Между жителями прихода Карузе, но не из одной и той же мзы было заключено около 40% всех браков. Коэффициент сопряженности Пирсона по географическому (помызному) распределению партнеров по браку довольно высок ($C=0,864$), что подтверждает предположение, что между населением других мыз имелись тесные связи, отражавшиеся и на заключении браков.

Хотя различия между географическим распределением партнеров, вступающих в брак, в приходе Руге и Карузе были значительными, тем не менее в этих приходах доля партнеров не из "своей мзы" была все же довольно высокой. В то же время доля партнеров из "своей мзы" была выше, чем доля партнеров из других мыз своего прихода.

При этом необходимо учесть еще одно обстоятельство, а именно, что доля непостоянного населения, временно проживающего в мзы, в числе вступающих в брак также была довольно высокой. Особенно это касалось женихов. Тем самым доля "своей мзы" и "своего прихода" несколько завышена. Поскольку не всегда удавалось установить, был ли данный человек до женитьбы постоянным жителем прихода или нет (в такой категории населения, как батраки, постоянных жителей вообще относительно мало), то очень трудно было установить и долю постоянного населения.

Представление о плодovitости замужних женщин можно получить многими способами, например: 1) прямым наблюдением за плодovitостью возрастных когорт (группы в 15 - 19, 20 - 24 и т. д. лет); 2) установлением количества детей, приходившихся в среднем на один брак за какой-то период; 3) выяснением количества детей, приходившихся на один брак (по метрикам); 4) установлением количества детей, приходившихся на одну семью, в списках жителей. Наиболее точным из них является первый способ. Однако из-за неудовлетворительного состояния источников применение

первого способа возможно только по немногим приходам. Третий способ, хотя возможности его применения и более широки, также требует сравнительно хорошо сохранившихся метрик. Четвертый применим только по отношению к той части прихода Вяндра, по которой сохранился список жителей. Довольно широкое применение может найти второй способ, так как здесь могут применяться метрики с данными по более короткому промежутку времени.

В трех мязах прихода Рьуге (Рьуге-Нурзи, Козе и пасторат) плодовитость (фертильность) замужних женщин до 20-летнего возраста в 80-х и 90-х гг. XVII в. составляла 462 ребенка на 1000 лет брачной жизни, т. е. за 1000 лет брачной жизни родилось бы 462 ребенка, сокращенно 0,462. В следующих возрастных группах она колебалась между 0,3 и 0,4 (в группе 20 - 24 - 0,350; 25 - 29 - 0,375 и 30 - 34 - 0,326).¹⁶ Показатель плодовитости в Рьуге, судя по приведенным данным, невысокий. А так как можно предположить недорегистрацию в 10%,¹⁷ то действительная плодовитость будет несколько выше (в группе 20 - 24 - 0,39; 25 - 29 - 0,41; 30 - 34 - 0,36).

Если бы женщины выходили замуж в 15-летнем возрасте и жили в браке до 45-летнего возраста, то у них по приведенным данным о фертильности было бы в среднем по 9 детей, при выходе замуж в возрасте 20 лет - 7, в возрасте 25 лет - 5 детей. В действительности же среднее число детей, приходившихся на один брак, было меньше: много браков было прервано из-за смерти мужа или жены, когда женщина находилась еще в фертильном возрасте (до достижения ей 45-летнего возраста). Даже если вдова и выходила снова замуж, то из-за перерыва в браке уменьшалось общее количество детей на одного или больше.

По тем же трем мязам прихода Рьуге имеются данные, позволяющие получить представление об общей плодовитости (т. е. сколько детей родилось за весь период брака) в браках, заклю-

¹⁶ P a l l i, Н. Rõuge rahvas XVII sajandi teisel poolel, с. 109.

¹⁷ Т а м ж е, с. 110.

ченных в 1661 - 1669 гг. Бездетных семей в тот период было 15,9% (в это число могли попасть и некоторые семьи, выпавшие из наблюдения, например переселившиеся в другие мязы или в другой приход). 1 - 2 ребенка имели 20,2% всех семей, 3 - 4 - 21,8%, 5 и более детей было в 42,1% семей. В приходе Рьуге детей на один брак приходилось в среднем по 4,23.¹⁸

Во всех этих оценках нет поправок на возможный недоучет. Вполне возможно, что часть новорожденных, умерших в первые дни своей жизни, осталась незарегистрированной. Но подобную поправку нет основания считать превышающей 10%.

Из имеющихся у нас данных (не принимались во внимание приход Виру-Яагупи, где время наблюдения слишком короткое, и приход Каарма, жители которого значительное число браков заключали в приходе Курессааре, в метрике которого они и записаны) видно, что плодовитость была сравнительно низка в Халлисте (возможна недорегистрация), Вормси, Пярну-Элизабети, Ноароотси, Кулламаа (вероятно, запись браков в этом приходе охватывала более обширную территорию, чем запись крещений), Ранну и Вальяла (см. табл. 63). В этих приходах среднее число детей на один заключенный брак было ниже 4. Приход Пярну-Элизабети, помимо сельского, охватывал и часть городского населения. Если судить по данным города Курессааре, то рождаемость в городах была сравнительно низкой (3,58 детей на 1 семью). В Ранну и Вальяла на один заключенный брак приходилось почти 4 ребенка (соответственно 3,96 и 3,95).

В большинстве приходов общая плодовитость была около 4 (Юри, Кихельконна, Торма, Михкли, Кярла), поднимаясь в некоторых из них (Харью-Яани, Козе, Карузе, Рьуге) до 4,2 - 4,4. В пяти приходах (Сууре-Яани, Ридала, Вяндра, Сангасте-Лаатре, Виру-Нигула) общая плодовитость была еще выше, доходя в Сангасте-Лаатре почти до 5 (4,96).

Разница плодовитости зависит от таких факторов, как возрастная структура, удельный вес повторных браков, доля внепри-

¹⁸ P a l l i, Н. Rõuge rahvas XVII sajandi teisel poolel, с. 111, 113.

ходских браков и т. д. В какой-то мере разница может быть вызвана и недорегистрацией. Сравнение с показателями XVII и XIX веков, однако, показывает, что мы не можем предположить значительную недорегистрацию. Она, по-видимому, не превышала 10%.

В списке жителей прихода Вяндра выделены семьи, в каждой из которых можно определить количество детей. Конечно, такое определение далеко от совершенства, так как мы не знаем, сколько детей умерло, сколько ушло из семьи (вступило в брак, работало батраком или батрачкой в другом хозяйстве, стало самостоятельным хозяином другого двора и т. д.); иногда имела место и переоценка, когда дети от предыдущих браков не были выделены. Картина неоднородна и по другим причинам: наряду с семьями, образованными задолго до 1683 г., имелись и семьи, образованные в том же, т. е. 1683 г. Тем не менее распределение семей по количеству детей в момент "переписи" представляет определенный интерес.

Бездетных семей в Вяндра было 13,4%, а семей, имеющих 1 - 2 ребенка, - 21,5%. Наибольшее количество семей имело по 3 или 4 ребенка (31,6%). Довольно много семей имело по 5 или 6 детей (21,5%), но только 9,4% всех семей имело по 7 или 8 детей и 2,6% - по 9 или 10 детей. По количеству детей многодетные семьи играли более значительную роль - 46,5% всех детей относилось к семьям с количеством детей от 6 до 10 (табл. I).

Самыми многодетными были семьи гаковых крестьян и их родственников (сыновей, дочерей, братьев и т. д.). У них резко преобладали семьи с 3-мя - 6-ю детьми. У лострейберов и батраков, наоборот, основная масса семей была бездетной или имела 1 - 2 ребенка.

На основе этих данных можно предположить, что воспроизводство населения происходило в основном за счет гаковых крестьян и их родственников. Они не только резко преобладали численно, но и семьи их были более многодетными.

Т а б л и ц а I

Распределение семей по количеству детей
в приходе Вяндра в 1683 году*

Число детей	С е м ь и			всего
	гаковых крес- тьян и их родственников	лострей- беров	батраков	
0	5	7	8	20
1	6	5	3	14
2	12	4	2	18
3	21	3	1	25
4	19	1	2	22
5	13	1	-	14
6	16	1	1	18
7	7	-	-	7
8	7	-	-	7
9	3	-	-	3
10	1	-	-	1
Всего	110	22	17	149

* Distribution of families by the number of children. Väandra parish, 1683. Number of children in families. Farmers and their kin. Cotters. Farmhands. Total.

Распределение населения по семейному
состоянию

Установить распределение населения по семейному состоянию в рассматриваемый период довольно трудно, так как в большинстве источников это не отражено, а если и отражено, то только час-

точно. Наилучшую (хотя далеко не полную) картину по этому вопросу можно получить по списку жителей прихода Вяндра (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Распределение населения по семейному состоянию
в приходе Вяндра в 1683 году^ж

	Гаковие крестьяне	Лострей- беры	Батраки	Всего
В браке	262	50	20	332
Вдовы, вдовцы	II	I	3	15
Одинокие (вкл. и детей)	454	43	123	620
Всего	727	94	146	967

^ж Marital status in Väandra parish, 1683. Farmers. Cotters. Servants. Total. Married. Widowed. Single (incl. children). Total.

Из 967 жителей, по которым можно установить их семейное состояние, 34,4% состояло в браке. Но, к сожалению, мы не знаем, сколько среди населения Вяндра было несовершеннолетних. Предполагая, что они составляли 1/3, можно прийти к выводу, что только немногим более половины населения соответствующего возраста состояло в браке. Это, конечно, свидетельствует о сравнительно высоком возрасте при вступлении в брак.

Приведем для сравнения данные по Турувр-о-Перш во Франции, где по переписи населения 1810 года 38,9% от всего населения состояло в браке. К 40-му году жизни 4,5% женщин там не выходило замуж. В XVIII в. этот процент колебался между 5 - 6,5. В то время средним возрастом вступления в брак для женщин считался

возраст в 24,9 - 26,2 лет.¹⁹

Численность вдов и вдовцов была маленькой - всего 15 человек. Но здесь следует иметь в виду, что большинство из них нельзя было выделить из числа одиноких. Особенно это касалось батраков и батрачек и в какой-то степени даже родственников и детей дворохозяев.

Так как численность женщин несколько превышала численность мужчин, то и незамужних женщин было несколько больше, чем холостых мужчин (соответственно 319 и 201). Особенно заметна разница в числе вдов и вдовцов - 13 и 2! Как свидетельствуют другие данные, большинство вдовцов старалось поскорее подыскать себе новую подругу жизни, в то время как вдовам не так-то легко было найти себе нового супруга.

Что же касается семейного состояния у разных социальных групп, то высокий процент состоящих в браке наблюдался у лострейберов (53,2%) и низкий - у батраков (всего 13,7%). Первое объясняется тем, что семьи лострейберов, как правило, были малолетними. Батраки же, не уверенные в своем завтрашнем дне, редко сочетались браком, или же стремились после вступления в брак стать лострейберами.

Структура населения крестьянского хозяйства (крестьянского двора)

Сведений о составе и структуре населения крестьянского хозяйства или дворохозяинства (крестьянского двора, по-эстонски *pere*) в XVII в. и в первом десятилетии XVIII в. сохранилось мало. В нашем распоряжении имеется лишь перечень жителей прихода Вяндра по крестьянским дворам.²⁰

¹⁹ *Chardonneau, N. Tourouvre-au-Perche aux XVIIe et XVIIIe siècles, с. 73, 207, 208, 415.*

²⁰ ЦГА ЭССР, ф. 1284, оп. 2, д. 1, л. 26 - 102.

В приходе Вяндра в 1683 г. было 132 хозяйства, в которых проживало 976 человек, или в среднем 7,3 человека на одно хозяйство. Наиболее многочисленной группой были дворы с населением в 8,7 и 5 человек (соответственно 22, 13 и 13), за ними следовали дворы в 6, 9, 10,4 и 11 человек. Мало было дворов с населением в 1 - 2 человека, а также крупных дворов (с населением в 16 и 17 человек). Как по численности дворов, так и по числу проживающих в данной группе дворов людей первое место занимает группа дворов с населением в 8 человек. За ней следуют группы дворов с населением в 10 (всего жителей 110 человек), 9 и 11 (жителей 99 человек) и затем уже в 7 человек (жителей 91 человек). Главная масса населения сосредоточена в дворах с населением от 7 до 11 человек, т. е. в сравнительно крупных дворах (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Распределение крестьянских дворов (дворохозяйств)
в приходе Вяндра в 1683 году по числу населения*

Человек на дворе	Число дворов	Всего людей
1	5	5
2	7	14
3	7	21
4	9	36
5	13	65
6	11	66
7	13	91
8	22	176
9	11	99
10	11	110
11	9	99
12	4	48
13	3	39

I4	4	56
I5	0	0
I6	1	16
I7	2	34

* Household size in Vändra parish, 1683. Number of persons per household. Number of households. Number of persons.

В приходе Карузе по данным инвентариев в инквизиционной книге Лявнеского уезда распределение дворов и среднее количество жителей на один двор значительно отличались от таковых в приходе Вяндра.

В Карузе в отличие от Вяндра среднее число жителей на одно домохозяйство в 1686 г. составляло 6,1 (на один крестьянский двор - 6,4. См. табл. 52 и 53). Под хозяйством в данном случае подразумеваются или крестьянские, или бобыльские дворы. При этом преобладали дворы с населением в 6 человек, хотя и дворов с населением в 4 и 5 или 7 и 8 человек было тоже много. Основная масса населения в приходе Карузе проживало во дворах с числом жителей от 5 до 9. В инквизиционной книге несколько уменьшено число жителей в Карузе. В ней не учтены некоторые небольшие группы (жены сыновей, престарелые отцы и матери дворохозяев). Поправка за их счет будет небольшой - не более 5% (среднее число жителей на одно хозяйство - 6,4; на один крестьянский двор - 6,7).

В приходе Вяндра крестьянские дворы, следовательно, были многолюднее, чем в Карузе. Это относится как к одновладельческим, так и к совладельческим дворам (по-эстонски *poolemaamees*), которые больше всего были распространены в Южной Эстонии.

В Северной Эстонии, по которой у нас имеется значительно больше сведений, распределение жителей на один крестьянский двор

(*talu*) колебалось по приходам, а особенно по мызам в широких пределах²¹ (см. табл. 55). В среднем в большинстве приходов на один двор приходилось 5,5 - 7,5 человека. При этом наблюдалось различие между Харьковским и Лявненским уездами - с одной и Ярваским - с другой стороны. В первых двух среднее количество жителей двора можно оценить в 6,8 - 6,9 человека, а в Ярваском - в 7,5 человека.

Различия по мызам, как и следовало ожидать, были куда значительнее. В Хлуру (приход Кейла) - в среднем 2,6 человека на один двор, а в Мызе Мяо (приход Пеэтри) - 10,3! Конечно, пример Хлуру не слишком убедительный. Здесь, по-видимому, имело место случайное отклонение от нормального положения или даже ошибка.

Более подробную картину о структуре населения крестьянского двора можно получить по списку жителей прихода Вяндра.

Кроме списка прихожан по дворам, пастор составлял перечень крестьянских дворов прихода Вяндра со многими пометками, позволяющими уточнить характер двора, и со списком лострейберов. Сохранился также список причащающихся, который во многих случаях позволяет уточнить данные, приведенные в общем списке.

Используя данные этих списков, можно, во-первых, установить характер двора (двор совладельцев или одноздельца, двор лострейбера), родственные и социальные отношения между жителями двора (их отношение к главе двора), а иногда и родственные отношения между жителями разных дворов.²²

Список жителей охватывает население 132 дворов, из которых 30 совладельческих, 75 "обыкновенных" и 27 лострейберских, с количеством жителей 976 человек. Отмечены и несовершеннолетние де-

²¹ Средние, которыми мы пользовались в дальнейшем, вычислены следующим образом: если не было данных о численности женщин, считали, что их число равно количеству мужчин. Если имелись сведения только о хозяевах, сыновьях и братьях, добавлялось 13% на другие категории мужчин.

²² P a l l i, N. Perede struktuurist ja selle uurimisest, с. 64-76.

ти: соотношение числа хозяев дворов к числу их детей примерно 1 : 2. Отношения между жителями одного двора (всего 9 человек) не совсем ясны. Более подробно охарактеризовано 967 человек, которых в совладельческих дворах проживало 232, в одноздельческих - 639, а в дворах лострейберов - 96 человек. Как установлено путем сравнения лострейберов (*Battatüber*) в списке дворов с жильцами (*Einwohner*) в списке прихожан, эти понятия, по-видимому, совпадали. Таким образом, в списке жителей "жилцы" отнесены к категории лострейберов.

Всего в 132 дворах насчитывалось 128 хозяев (глав дворов) и 127 хозяек (итого 255), у которых было 238 сыновей и 230 дочерей (итого 468). У 25 детей хозяев были свои семьи с 26-ю детьми. Два отца и 13 матерей дворохозяев или дворохозяек проживали во дворах своих сыновей (дочерей). Братьев и сестер и членов их семей было 29, а батраков, батрачек и членов их семей - 143. Если принять во внимание только членов крестьянских дворов (без лострейберских дворов), то хозяев было 205, их детей - 432, батраков и членов их семей - 138 (жителей только в крестьянских дворах был 871 человек). В приходе Вяндра хозяева дворов и их дети составляли около 2/3 от всего крестьянского населения (без дворовых).

Перейдем теперь к рассмотрению структуры домохозяйств. Многие домохозяйства в приходе Вяндра были объединены в более крупные хозяйственные объединения, например, дворы совладельцев. Кроме того, лострейберы обычно жили в банях или небольших домиках на территории крестьянского двора, и их рабочая сила частично использовалась в хозяйстве крестьянского двора. Такие объединенные группы дворов по отношению к мызам считались отдельными единицами (*talu*). Всего в Вяндра насчитывалось 89 таких групп (со 132 отдельными дворами), 14 из которых были совладельческими (*poolemaamehe*) хозяйствами. Среди всех хозяйств преобладали хозяйства с одним двором (56, или 62,8%). Довольно много было и хозяйств, охватывавших два двора (26, или 29,2%). Три двора имелось только в пяти, четыре - в одном, и пять дворов - также только в одном хозяйстве. В среднем на одно хозяйство в Вяндра приходилось 1,48 двора. Совладельче-

ские хозяйства и хозяйства с лострейберами состояли по крайней мере из двух дворов. 14 совладельческих хозяйств и хозяйств с лострейберами по количеству дворов распределялись следующим образом: 9 - по 2, 3 - по 3, 1 - по 4 и 1 - по 5 дворов.

Более подробную характеристику структуры жителей крестьянских и лострейберских домохозяйств (табл. 4) можно дать с

Т а б л и ц а 4

Структура населения крестьянских дворов
в приходе Вяндра в 1683 году^ж

Тип двора	Х а р а к т е р д в о р а			Всего
	совладель- ческий	одновладель- ческий	лострей- берский	
1б		2	3	5
2а		1		1
3а		2	9	11
3б	25	36	13	74
4а	1	3		4
4в	1	2	1	4
4г	1			1
5а	1	1		2
5б		21	1	22
5в	1			1
5г		3		3
5д		4		4
Всего	30	75	27	132

^ж Household structure in Väandra parish, 1683. Type. Character of household. Co-partners. Ordinary farmers. Cottars. Total.

Расшифровка типов: 1б - одиночки; 2а - братья и сестры; 3а - супружеская чета; 3б - супружеская чета с детьми; 3в - супружеская чета с детьми; 4а - семья и родители; 4в - семья с другими родственниками; 4г - сочетания а-в; 5а - семьи глав хозяйств и его родителей; 5б - главы хозяйства и его сына (дочери) или сыновей; 5в - семья братьев и сестер; 5г - семьи братьев; 5д - другие разновидности.

помощью классификации, применяемой кембриджской группой для изучения истории и социальной структуры народонаселения.²³ К сожалению, применяя эту классификацию, автором не принимались во внимание батраки и батрачки.

Вообще преобладали домохозяйства с одной хозяйской семьей без родственников. Таких односемейных домохозяйств было 64,4% (среди совладельческих - 83,3%, среди лострейберских - 81,4% и среди одновладельческих - только 50,7%). Второе место занимали многосемейные домохозяйства, в которых кроме семьи хозяина проживали одна, две или три семьи его родственников (детей, братьев, сестер, отца или матери). Такие домохозяйства составляли почти четверть (24,3%). Особенно много встречалось их среди одновладельческих дворов (38,6%) и совсем мало - в других категориях (в совладельческих - 6,6%, в лострейберских - 3,7%). Домохозяйств, в которых кроме хозяйской семьи проживали другие родственники (братья или сестры хозяина или хозяйки, или их родители), было немного - всего 6,8% от общего числа (9,9% - в совладельческих, 6,7 - в одновладельческих и 3,7% - в лострейберских).

Создается впечатление, что со временем большинство многосемейных крестьянских дворов преобразовалось в совладельческие. Такой процесс, по-видимому, протекал и во многих многосемейных дворах в приходе Вяндра в 80-х годах ХУП в.

По другим приходам таких точных списков, как по приходу Вяндра, у нас не имеется, поэтому нет возможности более подробно изучить структуру населения дворов в Северной Эстонии и на острове Сааремаа. В Северной Эстонии совладельческих дворов было сравнительно мало (имелись только на острове Хийумаа).

²³ Laslett, P. Introduction: the history of the family. - In: Household and family in the past time. Cambridge, 1972, с. 31-34, 41-44, 86-89.

Великий голод 1695 - 1697 годов

Великий голод 1695 - 1697 гг. - одна из грозных демографических катастроф в Эстонии. До этого сильный всеобщий голод обрушился на Эстонию дважды: в 1315-м и 1601 - 1603 гг., но достоверных данных о количестве жертв этих народных бедствий у нас нет.

Чтобы лучше понять конкретную ситуацию, сложившуюся перед Великим голодом, необходимо иметь в виду, что Эстония в то время была населена сравнительно густо (до 400 000 жителей в 1695 году), и что вывоз зерна в 1691 - 1695 гг. достигал значительных размеров (вывоз из Таллина ржи от частных лиц в ладах был следующим: в 1691 г. - 6635; в 1692 г. - 9086; в 1693 г. - 14 367 2/3; в 1694 г. - 10 933 1/2 и в 1695 г. - 9991 2/3²⁴). Кроме того, часть зерна, выращенного в Эстонии, вывозилась из Пярну, Нарвы, Курессааре и из небольших гаваней побережья. По данным А. Соома, в 1694 г. общий вывоз зерна в ладах по городам был следующим: из Риги - 30 993, из Таллина - 13 087, из Пярну - 1200, из Нарвы - 2238, из Курессааре - 900, из Хаапсалу - 100 и из местных портов - 300.²⁵ В 1695 г. вывоз зерна распределялся следующим образом: из Риги - 16 216, из Таллина - 11 377, из Пярну - 1200, из Нарвы - 1389, из Курессааре - 900, из Хаапсалу - 100, из местных портов - 300 лад.²⁶ Общий вывоз из портов Эстляндии и Лифляндии составил в 1694 г. 48 816 лад, в 1695 - 31 482 лада. Зерно, вывезенное из Ри-

²⁴ L i i v , O. Die wirtschaftliche Lage des estnischen Gebietes am Ausgang des XVII. Jahrhunderts, с. 177 (1 лад = 24 бочки = 2 тонны).

²⁵ S o o m , A. Der baltische Getreidehandel im 17. Jahrhundert. Lund, 1961, с. 281.

²⁶ Т а м ж е , с. 281.

ги, было туда доставлено из Речи Посполитой (Курляндии, Польской Лифляндии, Белоруссии) и из Видземе. Из Нарвы частично вывозилось и русское зерно. Тем не менее в 1694 - 1695 гг. вывоз эстонского зерна достиг уровня не ниже 20 000 лад (480 000 бочек, или около 40 000 тонн) в год. Эти цифры относятся к 1694-му и 1695-му году, которые были рекордными по вывозу зерна. Можно предположить, что часть вывезенного в эти годы зерна была взята из запасов. Но вывоз зерна из Таллина, как мы уже видели, происходил в 90-х годах XVII в., причем в 1693 г. он был даже выше, чем в 1694 г. Данных об уровне производства зерновых в Эстонии в это время у нас нет, общее производство зерна в Эстляндии и в населенных эстонцами частях Лифляндии (в Северной Лифляндии) О. Лийв считал за 50 000 - 60 000 лад (600 000 - 720 000 бочек, или 100 000 - 120 000 тонн).²⁷ Если принимать за среднее вывоз зерна из эстонских городов в размере 10 000 - 15 000 лад, то и эта цифра окажется очень большой (на семена 10 000 - 12 000 лад, на вывоз 10 000 - 15 000, остаток 30 000 - 35 000 лад). Возможно, что производство зерна было несколько выше (70 000 - 80 000 лад). Если бы внутреннее потребление составляло 35 000 лад, то на одного человека в год приходилось бы 170 кг зерна, если же 45 000 лад, то 225 кг в год. Эта норма (0,5 - 0,65 кг зерна на одного человека в день) довольно низка, так как в питании эстонских крестьян главную роль играли зерновые.²⁸ Эту норму, пожалуй, можно сравнить со

²⁷ L i i v , O. Die wirtschaftliche Lage des estnischen Gebietes am Ausgang des XVII. Jahrhunderts, с. 177.

²⁸ Ю. Какк считает 240 кг ржи в год реальной нормой потребления для мужчин трудоспособного возраста. K a h k , J., L i g i , H., T a r v e l , E. Beiträge zur marxistischen Agrargeschichte Estlands der Feudalzeit. Neue Ergebnisse, neue Probleme, neue Methoden. Tallinn, 1974, с. 108-109.

средней нормой потребления в Индии в 1951 - 1954 годах: зерновых - 121 кг, бобовых и орехов - 24 кг, корнеплодов (батат и др.) - 11 кг, мяса - 1 кг, рыбы - 1 кг, молока - 45 кг, жиров и масла - 3 кг в год на одного человека.²⁹ Можно предположить, что среднее потребление молока, мяса и рыбы в Эстонии в то время было выше, чем в Индии в 1951 - 1954 гг.

Однообразное и скудное питание крестьян ставило их на грань существования, а каждый недород приводил к гибели людей от голода и болезней.

Интенсивный вывоз зерна из Эстонии ухудшал положение, перед Великим голодом страна оставалась без запаса зерна. Вывозное зерно выращивалось на мизных полях.

Так как Великому голоду посвящена монография О. Лийва, то мы охарактеризуем его лишь вкратце. Зима 1695 года была очень холодная, а лето - дождливое и прохладное. Кроме того, заморозки, наблюдавшиеся в некоторых местах Эстляндии, нанесли значительный урон урожаю ячменя. Неблагоприятные погодные условия препятствовали уборке урожая и вызвали недород. Особенно плохим был урожай в Пярнуском и Тартуском уездах.³⁰

Зима 1695-96 гг. пришла рано и была снежной. В январе 1696 г. наступила оттепель, продолжавшаяся до марта месяца. Март и апрель были холодными. В июне начались дожди. В 1696 г. был полный неурожай.³¹

Осенью 1696 г. начался голод, весной 1697 г. достигший апогея.

Зима 1696-97 гг. была суровой, что в свою очередь способствовало распространению болезней.³²

²⁹ Экономика капиталистических стран после второй мировой войны. М., 1959, с. 885.

³⁰ L i i v , O. Suur näljaaeg Eestis 1695-1697, с. 32.

³¹ Там же , с. 32 - 34.

³² Там же , с. 36.

Урожай 1697 г. был уже лучше, в 1698 г. - хороший, а в 1699 г. - очень хороший.³³

Число жертв голода в Эстонии О. Лийв оценил в 70 000 - 75 000 человек.³⁴

По законам того времени помещики обязаны были помогать своим крестьянам во время стихийных бедствий. Если же крестьяне не получали должной помощи от своих господ и убегали во владения других, то впоследствии они не подлежали выдаче своим бывшим господам.³⁵ В ходе редукции значительная часть миз в Лифляндии и Эстляндии отошла к короне.

Как и следовало ожидать, помощь голодающим со стороны помещиков была недостаточной. Недостаточной она была и со стороны шведских властей, раздавших голодающим менее 20 000 бочек зерна.³⁶ Бюрократическая же система и неоперативность местных властей часто приводили к тому, что помощь голодающим оказывалась несвоевременно и была явно недостаточной (минимальная потребность для 100 000 человек должна была составить 200 000 бочек). В то же время значительно больше (несколько десятков тысяч бочек) казенного зерна было вывезено в Швецию и Финляндию.³⁷ Некоторую помощь голодающим оказывали магистраты более крупных городов. Часть голодающих использовалась на фортификационных работах в качестве рабочей силы.³⁸ Следует отметить,

³³ L i i v , O. Suur näljaaeg Eestis 1695-1697, с. 36.

³⁴ Там же , с. 78.

³⁵ Там же , с. 95 - 98.

³⁶ Там же , с. 54.

³⁷ Там же , с. 55.

³⁸ Там же , с. 44.

что помощь (за исключением помощи со стороны магистратов) в большинстве случаев получали дворохозяева. Лострейберы, батраки и другие представители неимущих слоев крестьянства не получали ничего (или почти ничего) ни от помещиков, ни от местных органов власти. Только в городах некоторые из них могли получить или работу, или какую-то помощь. Но эта помощь была случайной, недостаточной и, кроме того, связана с трудностями (далекий путь до города и т. д.).³⁹

Хотя урожай был общим и охватывал всю Эстонию, местные особенности как в микроклимате, так и в экономике привели к тому, что смертность сельского населения в разных приходах была неодинаковой (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Распределение похорон по годам урожая
в некоторых приходах Эстонии*

Приход	Год	Число похорон	Приход	Год	Число похорон
I	2	3	I	2	3
Кулламаа	1692	129	Ляэне-Нигула	1691	53
	1694	114		1692	109
	1695	88		1693	104
	1696	448		1694	78
	1697	255		1695	144
	1698	119		1696	183
1699	58	1697	90		

* Burials by harvest years in some Estonian parishes. Parish. Year. Burials.

³⁹ L i i v , O. Suur näljaaeg Eestis 1695-1697, с. 56.

Продолжение таблицы 5

	1	2	3	I	2	3
Мижкли	1691	53	Каарма	1692	127	
	1692	71		1693	57	
	1693	88		1694	63	
	1695	56		1695	46	
Вормси	1694	17	Кихельконна	1696	53	
	1695	35		1697	107	
	1696	132		1691	161	
Пярну-Элизабети	1694	99		1692	126	
	1695	131		1693	140	
	1696	871		1694	124	
	1697	208		1695	116	
	1698	78		1696	129	
Виру-Нигула	1695	115		1697	249	
	1696	504		1698	170	
	1697	188		1699	66	
Сууре-Яани	1690	84	Мижкли	1696	117	
	1693	100		1697	90	
	1694	74		1698	34	
	1695	161		Ноаротси	1690	54
	1696	277			1691	75
1697	65	1692	42			
Сангасте-Лаатре	1692	69		1693	67	
	1693	80		1694	52	
	1694	91		1695	79	
	1695	93		1696	446	
	1696	195		1697	197	
	1697	96		1698	40	
	1698	40				

Продолжение таблицы 5

	1	2	3	1	2	3
Вальяла	I690	58		I694	18	
	I691	97		I695	19	
	I692	162		I696	50	
	I693	56		I697	32	
	I694	52		I698	16	
	I695	53	Торма	I696	517	
	I696	38		I697	27	
	I697	86		I692	67	
	I698	39	Кярла	I695	52	
Вяндра	I691	19		I696	73	
	I692	57		I697	125	
	I693	32		I698	62	
				I699	46	

I695 год был первым неурожайным годом. Однако в большинстве приходов, по которым у нас имеются данные, в этом году большого увеличения смертности не наблюдается. Влияние урожая становится очевидным, если за основу взять годы урожая.

Судя по годам урожая, уже в начале 90-х годов в Эстонии бывали неурожаи. Однако в разных частях страны они падали на разные годы. Повышение смертности наблюдалось в приходах Ноароотси и Кихельконна в I691 г., в Кулламаа, Ляэне-Нигула, Вяндра, Каарма, Кярла и Вальяла - в I692-м, в Михкли, Пярну-Элизабети, Сууре-Яани и Кихельконна - в I693 г. Возможно, что недороды в больших или меньших размерах (по крайней мере в некоторых приходах Эстонии) отмечались в течение трех лет (в I691 - I693 гг.). В следующие годы наблюдалось снижение смертности. В I695 г., несмотря на недород, число похорон возросло только в приходах Ляэне-Нигула, Вормси, Пярну-Элизабети,

Сууре-Яани и Ноароотси. Катастрофические последствия имел неурожай I696 года. В материковой части Эстонии на I696-й неурожайный год падает наивысшее количество похорон. Но и в следующем, урожайном году, количество похорон было высокое, и лишь в I698 г. достигло обычного уровня или даже стала ниже его.

Если же учитывать распределение похорон по месяцам (см. табл. 57), то окажется, что самыми неблагоприятными были весенние месяцы I697 года. В Ноароотси это были апрель, май и июнь (с максимумом в мае); причем в августе наблюдалось новое увеличение количества похорон. В Ляэне-Нигула больше всего людей умерло в апреле и мае (максимум - в апреле). В Михкли максимальное количество похорон падало на май, "критически" являлись месяцы апрель и май, в августе наблюдался новый, но небольшой подъем. В Кулламаа количество похорон в апреле составило 193, в марте - 102, а в августе - 82. В Карузе в марте было 29 похорон, в апреле - 44, в мае - 28, в июне - 26, затем их количество постепенно снизилось до 5 в ноябре. В Пярну-Элизабети "полоса смерти" тянулась с марта до июля, с максимумом в апреле.

В Виру-Нигула наилучшим месяцем весной I697 года был апрель ("сезон смерти" от марта до июня, с новым подъемом в августе).

В материковой части Южной Эстонии особенно тяжело отразились голодные месяцы в приходе Пылтсамаа, где в феврале I697 г. было зарегистрировано 195 похорон, в марте - 303, в апреле - 412, в мае - 357, в июне - 220. В Сууре-Яани в марте было зарегистрировано 85 похорон, в апреле - 43 и в мае - 48.

В Халлисте и Сангасте-Ляатре, где, по-видимому, была зарегистрирована только часть смертных случаев, наивысшее число похорон было в мае, а затем оно постепенно снизилось.

На Сааремаа в отличие от материковой части Эстонии самым тяжелым был I698 г. (год урожая - I697-й). Но, кроме этого, в некоторых приходах (например, в Вальяла) неурожай в I692 г. также подействовал губительно.

На Сааремаа число похорон достигло наивысшего уровня в

феврале (в Каарма) и в марте (в Кихельконна и Кярла) 1698 года.

Из приведенных в табл. 5 данных явствует, что самая большая смертность наблюдалась в средней части Эстонии. В западной части Эстонии и на Сааремаа смертность была ниже. В самой южной части Эстонии смертность также была невысокой. В городах, где скопилось много голодающих из ближайших окрестностей, похорон было особенно много. К тому же регистрация смертных случаев в городах велась более точно, чем в сельской местности.

В годы бедствия количество похорон резко уменьшилось на церковных кладбищах и увеличилось на сельских (кальмед).⁴⁰ Учет таких похорон велся не точно, так как многие пасторы вообще не регистрировали похороненных вне церковного кладбища. По данным О. Лийва, в приходе Вынну из 959 покойников на церковных кладбищах были похоронены 314, на сельских - 645; в Пилистрере - соответственно 263 и 977. К тому же из-за высокой подвижности населения в некоторых приходах было похоронено много "чужих", об их количестве даже местное население не имело ясного представления.

Тот факт, что после Великого голода число крещенных быстро поднялось до прежнего уровня и находилось на нем даже в годы Северной войны (в приходах, не затронутых военными действиями), свидетельствует о том, что продуктивная в демографическом смысле часть населения не испытывала слишком больших потерь, а понесенные потери ликвидировала сравнительно быстро. По-видимому, жертвой голода становились в первую очередь старики, дети и те слои населения, которые сочетались браком на 30-х годах жизни или же умирали холостыми (незамужними), т.е. батраки, лострейберы и т. д.

Великий голод нанес значительный ущерб всей хозяйственной системе в Эстляндии и Лифляндии. Задолженность крестьян выросла до огромных размеров. Задолжали большие суммы арендной пла-

⁴⁰ L i i v , O. Suur näljaaeg Eestis 1695-1697, с. 71-72.

ты казне и помещики-арендаторы. Помещики-собственники также не могли уплатить часть государственных налогов.

В годы Великого голода шведские власти запретили вывоз зерна. Ограничение в вывозе оставалось в силе и в последующие годы, вызывая недовольство местных купцов и помещиков.

Великий голод во многих местах приводил к массовым выступлениям крестьян против помещиков. После Великого голода крестьянское движение даже усилилось.⁴¹

Во время голода много крестьян из пограничных районов убежало в Россию. Из некоторых деревень прихода Йыхви, например, ушла половина населения.⁴² Во Пскове и его окрестностях, по свидетельству современников, беглецов было несколько тысяч.

Эпидемия чумы 1710 - 1711 гг.

Эпидемия чумы 1710 - 1711 гг. явилась крупнейшей демографической катастрофой для всего населения Эстонии.

В первые годы Северной войны экономическая жизнь в не затронутых военными действиями районах протекала без глубоких потрясений.⁴³ Однако, военные повинности и мобилизация в шведские войска значительного количества молодых людей все же подрывали крестьянские хозяйства. В 1708 г. в Северной Эстонии был недород. В Тартуском уезде, находившемся под контролем русских властей, урожай был обильнее. Оттуда крестьяне привозили хлеб в Таллин.⁴⁴ В 1709 г. неурожай охватил всю террито-

⁴¹ Более подробно см.: L i i v , O. Suur näljaaeg Eestis 1695-1697, с. 87-93; O p i k , E. Talurahva mõisavastane võitlus Eestis Põhjasõja esimesel poolel 1700-1710. Tallinn, 1964, с. 34-43.

⁴² L i i v , O. Suur näljaaeg Eestis 1695-1697, с. 94-95.

⁴³ П а л л и X. К вопросу об экономическом положении Эстонии в первой половине Северной войны (1700 - 1710), с. 33 - 60.

⁴⁴ Eesti rahva ajaloost Põhjasõja aastail 1700-1721. Tallinn, 1960, с. 178.

рию Эстонии. Если в 1705 - 1707 гг. в Таллине цена за один ласт ржи колебался около 20 риксталеров, то в январе 1709 г. она была уже 36, в июле - 70, в октябре 1709 г. - 65, в феврале и марте 1710 г. - 69.⁴⁵

В 1704 г. эпидемия чумы из Венгрии распространилась на Польшу, на район Кракова, дальше которого не распространялась в течение нескольких лет.⁴⁶ В 1708 г. чума наблюдалась в районе Торуня, в 1709 г. - в Гданьске (Данциге), Пруссии и Курляндии.

Весной 1710 г. эпидемия чумы охватила Ригу.

Неурожай и оживившиеся в 1709 г. военные действия в Прибалтике содействовали повышенной подвижности населения, что в свою очередь способствовало дальнейшему распространению чумы. Первые данные о проникновении чумы в Эстонию относятся к маю 1710 г., когда чума появилась в Курессааре. В июле чумой был охвачен Пярну,⁴⁷ а в августе чума была уже в Таллине.⁴⁸ Карлузе был охвачен чумой в сентябре, Ноароотси - в октябре (первые жертвы - уже в сентябре). На Хийумаа чума сильно свирепствовала в 1711 г. В том же году она наблюдалась и в Тартуском уезде.⁴⁹ В 1711 г. чума распространилась на Швецию, а в 1715 г. - на Данию.⁵⁰

⁴⁵ P a l l i, H. Rootsi võimude tegevusest ja poliitikaest Eestis Põhjasõja ajal. - Rmt.: Eesti ühendamisest Venemaaga ja selle ajaloolisest tähtsusest. Tallinn, 1960, с. 52.

⁴⁶ J o r d a n, P. Geschichte der Pest in Estland im Jahre 1710, с. 66-67.

⁴⁷ Eesti rahva ajalooost Põhjasõja aastail 1700-1721, с. 192.

⁴⁸ Там же, с. 195; J o r d a n, P. Geschichte der Pest in Estland im Jahre 1710, с. 71.

⁴⁹ К 8 р р, J. Andmeid viimasest suurest katkust Lõuna-Eestis aastail 1710-1711, с. 17.

⁵⁰ J o r d a n, P. Geschichte der Pest in Estland im Jahre 1710, с. 82.

Хотя военные действия и военные потери (среди призванных на военную службу мужчин), а также неурожаи 1708-го и 1709-го годов повлекли за собой много человеческих жертв, главный урон народонаселению Эстонии все же был нанесен чумой.

Эпидемия чумы 1710 - 1711 гг. явилась как бы вехой в развитии народонаселения Эстонии. Сильное сокращение численности населения создало новые условия, новую демографическую ситуацию.

Чума косила народ. К сожалению, по церковным метрикам нельзя получить более или менее ясное представление об ущербе, нанесенном чумой. Дело в том, что в 1710 г. пасторы почти всех сельских приходов или убежали в города, или же сами пали жертвами чумы. Единственным приходом, по которому сохранились метрические записи за период чумы, был приход Ноароотси.

В приходе Ноароотси в сентябре 1710 г. число похорон возросло до 28 (в августе - 4), в октябре - до 149, в ноябре - до 358 и в декабре - до 386, достигнув тем самым своего высшего уровня. Всего в 1710 г. там был похоронен 981 человек (из них в октябре - декабре - 893, в сентябре - декабре - 921). Если же сравнить 1710 год с 1697 годом, то число жертв в Ноароотси в первом из них было гораздо больше (981 против 554). В 1711 г. эпидемия чумы в Ноароотси потребовала всего 297 жертв.

В городах же чума унесла очень много жизней. В Таллине из 10 000 - 11 000 человек городского населения после чумы и войн осталось в живых 2000 или немногим более 2000 человек.⁵¹ В городе Пярну, по данным магистрата, во время эпидемии чумы умер 1151 человек, в живых осталось 519.⁵² Первая цифра могла быть и заниженной. По предложению П. Йордана, в Таллине во время чумы умерло (включая гарнизон, беженцев и дворян) 15 000 человек, чуму пережило 5000 человек.⁵³

⁵¹ Eesti rahva ajalooost Põhjasõja aastail 1710-1721, с. 360. Здесь не принимается во внимание жители Тоомпеа.

⁵² Там же, с. 369.

⁵³ J o r d a n, P. Geschichte der Pest in Estland im Jahre 1710, с. 70, 78.

Ответить на вопрос, сколько было жертв чумы в сельских приходах, довольно трудно, так как вызванная войной подвижность населения, а также отсутствие соответствующего учета затрудняют задачу.

В 1726 году в крестьянских дворах Ноароотси было 1396 жителей.⁵⁴ Если считать, что миграции в 1711 - 1726 гг. не было, то в начале 1711 г. там было 1173 жителя, а 1 января 1710 г. - около 2100. Из этих 2100 человек за 1710 и 1711 гг. умерло 1278, чистая убыль населения - около 1200, в живых осталось около 900 человек, или 43% (жертв чумы - 57%). В 1686 г. в Ноароотси было около 1800 жителей. Естественный прирост за 1697 - 1709 гг. составил 200 человек, что весьма близко к полученному здесь результату (точнее, несколько ниже). Интересно отметить, что по данным ревизии 1712 г. получается почти такой же процент, хотя количество (как жертв, так и переживших чуму) иное (во время чумы умерло 826 человек, осталось в живых 602, или 42,2%).⁵⁵

На острове Рухну из 293 человек после чумы осталось в живых только 80.⁵⁶

Гораздо сложнее обстояло дело в районах, пострадавших во время Северной войны от военных действий, от неурожая 1709 г. и от других бедствий.

В общем от эпидемии чумы больше всего пострадали Западная и Северная Эстония (за исключением островов Хийумаа и Вормси), и меньше всего - юго-восточная часть Эстонии. По приведенным Ю. Копком данным, взятым из ревизии 1711 - 1713 гг., в приходе Пылва было зарегистрировано 26 жертв чумы, в Рнуге - 137,⁵⁷ в

⁵⁴ L i g i, Н. Talurahva arvu dūnaamikast Eestimaal XVIII sajandil (adramaarevisjonide andmeil), с. 233.

⁵⁵ K o n k s, J. 1712. aasta revisjonist Eestimaal, с. 255.

⁵⁶ K. /ø r b e r/, М. Die Pest vom Jahre 1710 und deren Folgen, с. 106.

⁵⁷ K õ p p, J. Andmeid viimasest suurest katkust Lõuna-Bestis aastail 1710-1711, с. 19.

то время как в западной части Эстонского дистрикта Лифляндии жертв чумы было очень много.⁵⁸ В восточной половине дистрикта (Тартуский уезд)⁵⁹ по данным ревизии жертвами чумы стало 44,5% населения.⁵⁹

По Эстляндии подобная ревизия была проведена в 1712 г. Ее итоги рассматриваются в статье Я. Конкса.⁶⁰ Поуездные данные этой ревизии приведены в табл. 6.⁶¹

Т а б л и ц а 6

Жертвы чумы в Эстляндии*

Уезд или остров	Оставшиеся в живых, %	Умершие, %
Ляэнеский	17,2	82,8
Харьюский	19,7	80,3
Ярваский	29,5	70,5
Вирусский	29,6	70,4
Хийумаа	46,8	53,2
Вормси	75,4	24,6

* Victims of the plague in North Estonia (1710-1711).

County or island. Survived, in per cent. Died, in per cent.

⁵⁸ K õ p p, J. Andmeid viimasest suurest katkust Lõuna-Bestis aastail 1710-1711, с. 20.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ K o n k s, J. 1712. aasta revisjonist Eestimaal, с. 253-263.

⁶¹ Там же, с. 256.

По данным этой ревизии по всей Эстляндии жертвами чумы среди крестьян стало 77 157 человек, в живых осталось 24 343 человека, в процентах — 76 и 24.⁶²

Данные ревизии 1712 г. уже в прошлом веке вызвали серьезные сомнения у исследователей.

В 1880 году П. Йордан высказал предположение, что до эпидемии чумы в Эстляндии проживало 130 000 человек и что в 1712 году осталось в живых 52 000 крестьян.⁶³ Тем самым был поднят вопрос о недорегистрации во время ревизии 1712 г.

В 1912 г. Ф. Бинеманн сопоставил данные ревизий 1712 и 1716 гг. в Харьском уезде.⁶⁴ За 4 года число крестьян в этом уезде возросло с 5500 до 11 000, или вдвое, что свидетельствовало о значительном недоучете населения во время ревизии 1712 г. Кроме того, значительное число мыз в 1712 г. оказалось вне учета. Этот же автор высказал гипотезу, что до Великого голода население Харьского уезда составляло 68 000 человек,⁶⁵ а после чумы оно насчитывало 15 800,⁶⁶ или 38% численности населения до чумы (учтены военные и другие потери до эпидемии). Ф. Бинеманн, однако, недостаточно обосновал свои вычисления.

В. Миллер в своей статье об эпидемии чумы в приходе Виру-Нигула в 1710 — 1711 гг., опубликованной в 1938, опирался на

⁶² K o n k s , J. 1712. aasta revisjonist Eestimaal, с. 256.

⁶³ J o r d a n , P. Geschichte der Pest in Estland im Jahre 1710, с. 81.

⁶⁴ /B i e n e m a n n , F./ Die Landbevölkerung Harriens nach dem Nordischen Kriege. — "Baltische Monatsschrift", 1912, Bd. 73, с. 115-120.

⁶⁵ Т а м ж е , с. 118.

⁶⁶ Т а м ж е , с. 120.

исследования церковных метрических книг.⁶⁷ В. Миллер доказал, что ревизии учитывали в основном только таковых крестьян. В приходе Виру-Нигула от чумы умерло 1207 человек, в живых осталось 746 человек и, кроме того, 201 лострейбер.⁶⁸ Погибло по этому исчислению 56%, пережило чуму 44% населения.

Я. Конкс также признает, что часть мыз была охвачена ревизией 1712 г. и что лострейберы учитывались не всегда, а дворовые не учитывались вовсе.⁶⁹

Еще более резкой критике подверг ревизию 1712 г. Х. Лиги,⁷⁰ указавший на чрезвычайно высокий удельный вес в ней хозяев и хозяек. По ревизии 1712 г. в Эстляндии (по Х. Лиги) было 24 285 крестьян в возрасте 15 лет и выше, а в 1726 г. — 36 138. Предполагая, что за 1712 — 1726 гг. умерло 20% бывших в наличии в 1712 г. крестьян, Х. Лиги пришел к выводу, что данные 1712 г. преуменьшены. В то же время он считает цифры, приведенные в ревизии 1726 г., также преуменьшенными. По подсчетам Х. Лиги, крестьян в 1712 г. было по меньшей мере на 50% больше, чем по инквизиционным книгам 1712 года.

В ходе восстановления истории семей прихода Карузе был составлен список его населения по состоянию на 1 января 1713 г. (МС). Кроме того, сохранился составленный пастором список взрослых прихожан (причашавшихся) в 1714 г. Так, о населении прихода Карузе получены данные по трем источникам: по ревизии (инквизиции) 1712 г.,⁷¹ по по списку причашавшихся⁷² и по МС. В ревизии нет данных по мизе Илгусте, пасторату Карузе и по деревням Туху и Тауко.

⁶⁷ M i l l e r , V. Den stora pesten i Viru-Nigula socken år 1710-1711, с. 199-207.

⁶⁸ Т а м ж е , с. 202 — 203.

⁶⁹ K o n k s , J. 1712. aasta revisjonist Eestimaal, с. 253 и сл.

⁷⁰ L i g i , H. Talurahva arvu dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil, с. 230-233.

⁷¹ ЦГИА ЭССР, ф. 3, оп. I, д. 448, л. 334, 346 — 352.

⁷² Т а м ж е , ф. I24I, оп. 2, д. I, л. 25 — 29.

Приход Карузе — один из наиболее сильно пострадавших от эпидемии чумы приходов. По ревизии 1712 г. в "мызном приходе" осталось в живых 385 крестьян.⁷³ Почти половина из них — 168 человек по ревизии — жила в мызе Матсалу, в которой по сравнению с другими мызами прихода жертв чумы было мало. Так как в мызе Матсалу престарелых сохранилось больше, чем в других мызах, то по ней легче всего сравнивать данные всех трех источников. Дело в том, что за два года, отделявших ревизию 1712 г. от составления списка причащавшихся в 1714 г., в составе населения прихода Карузе произошли некоторые изменения.

В списке причащавшихся не было детей. Зачеркнутые имена не принимались во внимание. По ревизии 1712 г. дети не разделены по полу.

Сравнение показывает, что население мызы Матсалу (табл. 7) было гораздо многочисленнее, чем можно предположить по ревизии: по МС населения в мызе было в 1,61 раза больше, чем по ревизии 1712 г. Причем различия по деревням были довольно существенные: если в деревнях Выйгасте и Лаулепа численность населения по МС и по ревизии 1712 г. различалась примерно на 30%, то в деревне Пага, и еще в трех деревнях (Кеэму, Лиустемеэ и Мьяэкала) населения по МС было в два раза больше, чем по ревизии. Более детальное сопоставление данных показывает, что в ревизии 1712 г. очень часто не отмечались семьи, главы которых не были дворохозяевами. Имели место и случаи неполной записи состава семей хозяев. Все это еще раз подтверждает высказанные исследователями мнения о неполных и небрежных записях в ревизии 1712 года.

В действительности численность крестьянского населения в деревнях мызы Матсалу была даже несколько больше, чем по МС. Комбинируя данные по списку причащавшихся и по МС, численность населения в деревнях мызы Матсалу по состоянию на 1 января 1712 года могла быть 296 человек. Разница образуется в первую очередь за счет родителей дворохозяев, похороны которых иногда не регистрировались или регистрировались неточно.

Список причащавшихся помог установить еще одно любопытное обстоятельство. Именно население мыз составляло значительную долю всроолого населения прихода — 13—14%. Если же к ним прибавить немцев (свободных), проживавших в деревнях, то удельный вес мызного населения и свободных повысился бы до 14 — 15%.

Мызное население и "свободные" составляли значительный резерв для прироста крестьянского населения деревень, так как часть их потомков перешла в ряды крестьянского населения деревень.

В настоящее время можно, пожалуй, в качестве гипотезы выдвинуть следующие предположения: эпидемия чумы и предшествовавшие ей годы привели к значительному сокращению численности населения Эстонии: на 2/3 или несколько меньше — в Эстляндии, на Сааремаа и в западной части Эстонского дистрикта Лифляндии (Пярнуский уезд в границах XIX века), на 1/2 или меньше — на территории Вильяндиского уезда в границах XIX века и на 1/3 — 2/5 — в восточной части Эстонского дистрикта. Население Эстонии в 1712 г. составляю, по-видимому, не менее 150 000 человек (считая потери, причиненные войной и голодом, в 50 000 человек). На основе всего этого можно сделать вывод, что от чумы погибло около 200 000 человек.

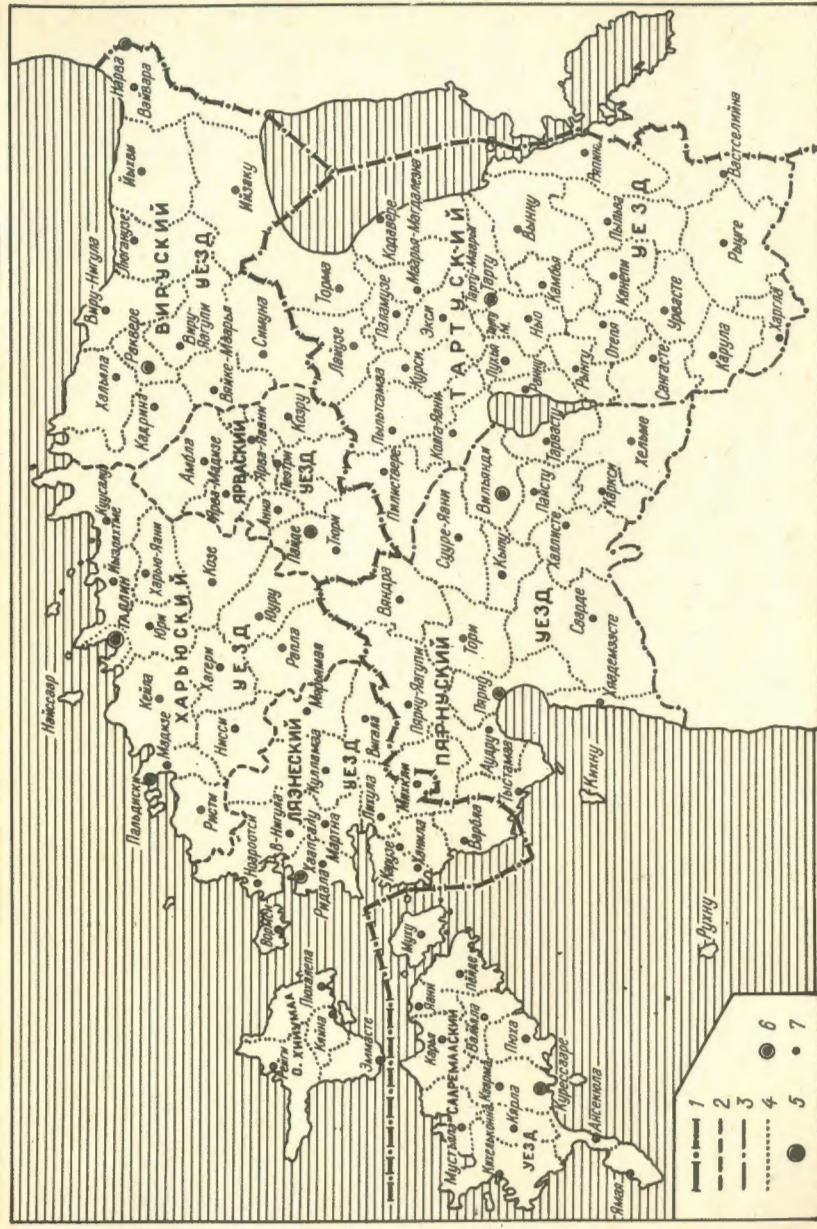
⁷³ K o n k s , J. 1712. aasta revisjonist Festimaal, с. 255.

Население деревень мизн Матсалу (приход Карузе) в 1712 - 1714 годах*

Деревни	По списку прожда- шавшихся в 1714 г.							По ревизии 1712 г.										
	муж- чин		жен- щин		взрослых		детей		ито- го		ито- го		взрослых		де- тей		ито- го	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Мезэла	20	23	43	31	30	12	21	5	5	104	20	19	21	61				
Кезэу, Лидустемэз, Мяэксла	7	11	18	9	6	7	-	-	-	22	2	5	3	10				
Лаулена	10	13	23	11	12	6	3	-	-	32	4	9	11	24				
Выйгасту	4	7	11	4	6	3	1	-	-	14	1	5	5	11				
Петтадузе	16	20	36	22	19	17	6	-	-	64	17	11	17	45				
Пага	8	8	16	10	9	7	9	-	-	35	7	6	4	17				
Всего	65	82	147	87	82	52	40	5	5	271	51	55	62	168				

* Inhabitants of the villages of the manor Matsalu (Karuse parish), 1712-1714. Village. By the list of communicants in 1714. By FRF, January 1, 1713. By land revision 1712, m, f, total. Adults, m, f; total. Children m, f; total. Adults, m, f; children, total.

Карта I. Эстляндия и Северная Лифляндия в 1780 году.

Условные обозначения: 1 - границы губерний; 2 - границы уездов; 3 - границы Эстонской части Лифляндии; 4 - границы приходов; 5 - губернский город; 6 - город; 7 - центр прихода.

Академия наук Эстонской ССР. Институт истории.

Хельдур П а л л и . ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЭСТОНИИ (1650 - 1799).

Художник-оформитель Ю. Каарма. Редактор М. Кох. Художественный редактор Л. Круусмаа. Технический редактор В. Кохв. ИБ № 2382. Подписано к печати 15.05.80. МВ-04723. Формат бум. 60x84/16. Бумага печатная № I. Ротапринт. Печ. л. 8,5 + 0,22. Усл. печ. л. 8,11. Уч.-изд. л. 7,46. Тираж 600. Заказ № 90. Цена 50 коп. Заказное. Издательство "Ээсти Раамат", 200090, Таллин, Пярнуское шоссе, 10. Ротапринт Академии наук Эстонской ССР, Таллин, ул. Сакала, 3.